

A woman with short dark hair, wearing a brown leather jacket, a grey scarf, a white t-shirt, and light-colored shorts, walks down a snowy city street at night. She is carrying a black bag. The street is illuminated by streetlights, and there are trees and buildings in the background.

ДОМ БОЛИ

Габова Ирина

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Ивановна Габова

Дом боли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69150430

SelfPub; 2023

Аннотация

В дом своего двоюродного брата переезжает жить Егор, пытаясь сбежать от родительского контроля. Ему предстоит размотать клубок подавляемых чувств, переживаний и страхов жителей этого дома. Но как это повлияет на него самого? Книга находится в процессе вычитки, за ошибки, прошу тапками не кидаться)))

Ирина Габова

Дом боли

Запах свежих огурцов и жареной картошки заполняет кухню и мои ноздри. Звуки льющейся воды и бряканье посуды, разговоры ни о чем, домашняя суета, полное ощущение уюта. Такого в моем доме не было давно, вернее не было никогда.

Всегда была тишина, которую часто прерывали скандалы, истерики матери и крики отца. Почему они до сих пор еще не развелись – остается для меня загадкой. Каждый раз, слушая их ссоры, я думал, что хотел бы иметь совсем других родителей и жить в другой семье. И резкий контраст между домом моего двоюродного брата и моим, всегда выбивал меня из колеи.

Часто приезжая в этот дом, я ловил себя на мысли, что это место больше похоже на настоящий дом, а не то здание, где живу я. Даже после того, как в аварии погибли родители брата, ощущение тепла не покидает эти стены.

Жена Сереги похожа на мягкую и пушистую кошку, такая же ласковая и уютная, домашняя, пример для меня в том, как должна выглядеть женщина, с которой хочется прожить всю жизнь. Лена очень светлый человек – добрая, понимающая заботливая и очень красивая. Белокурые длинные волосы, голубые глаза, нежная улыбка, курносый нос и стройная

гибкая фигура. Я понимаю брата, с завистью глядя на их семейную идиллию.

– Ну и где ее носит? Время уже три! – ругается Лена, глядя на часы и расставляя на столе тарелки. – Сереж, достань хлеб, пожалуйста.

– Угу, – скрипнул стул, Серега двинулся к кухонному гарнитуру.

С шумом открывается и захлопывается входная дверь, в прихожей слышна возня и бормотание, топот ног. В дверном проеме мелькает худощавая фигура и исчезает вверх по лестнице на второй этаж.

– Всем привет, сейчас переоденусь и спущусь. – Слышится вопль сверху.

– Тыгдык пришел в наш дом. – Ржет Серега, нарезаая хлеб на разделочной доске.

Лена недовольно бурчит что-то под нос и раскладывает еду по тарелкам. На плите закипает чайник. За накрытый стол придвигаются стулья, гремят столовые приборы.

– Мы сели есть, – кричит Лена наверх. – Если не поторопишься, то все остынет!

– Да иду я, иду. – Снова топот ног по лестнице. В кухню заходит Женя.

Всегда недоумевал, как две сестры могут быть такими разными – как комар и зефир. Младшая сестра Лены похожа на существо из какой-нибудь мерзкой сказки – про гномов и эльфов. И даже не понятно на кого она больше похожа, на

первых или вторых. Мелкая, тощая, с огромными серо-зелеными глазами и короткими темными волосами. И даже не внешность так различалась с ее сестрой, а атмосфера, которая исходила от этого человека. С Леной было очень уютно, она часто смеялась и шутила. Женька же была угрюмой и молчаливой. Мы не часто, но встречались, когда я к ним приезжал, и практически не общались, только тихие «Привет» и «Пока».

Посмотрев на меня, как на таракана, Женька буркнула что-то нечленораздельное и села за стол. Загремели приборы. На какое-то время на кухне воцарилась тишина, которую нарушало позвякивание вилок и хруст салата на зубах.

– Ты чего сегодня так долго? Лена уже панику бить начала. – Сказал Серега, втыкая вилку в салат и глядя на Женьку.

– В студсовете задержали с документами, а потом Светка по магазинам потащила. – Ответила она с набитым ртом, не поднимая глаз от тарелки.

– Ты же знаешь, что будут гости, хоть написала бы. Где вообще твоя воспитанность? – Лена положила вилку и встала из-за стола, подходя к шкафу с посудой. Загремели чашки. – Договаривались же, чтобы ты к часу была дома и мне помогла с готовкой.

– Эти гости у нас тут пропишутся на неопределенный срок, как я поняла, так к чему суета вообще. Раз гости тут жить собираются, вот пусть и помогают, не переломятся же их хрупкие ручки. – Мелкая продолжила ковыряться в та-

релке, не поднимая головы.

– Жень, это грубо, ты хоть понимаешь, что так себя вести не нормально?

– Лен, не начинай, а! Что плохого в том, что тебе поможет новый обитатель этого дома? – холодный взгляд серо-зеленых глаз уставился на меня с каким-то омерзением.

Прямая, как угол дома... Как в этом маленьком тельце может помещаться столько желчи?

– Ах, ты мелкая... – Лена повернулась к сестре, готовая вести перепалку. Но ее опередил Серега.

– Хватит ругаться! Не хочу ругани за столом. Решение о том, что Егор будет жить у нас, было принято совместно, все были в курсе и все согласились. Не начинайте скандал на пустом месте.

– Ха, согласились? – эта обезьяна мелкая поднялась со стула с пустой тарелкой и направилась к раковине. – Меня просто перед фактом поставили. Вы просто привели в дом сопливого маминькиного сыночка, потому что дома ему плохо. С одной титьки на другую пересел.

– Жень! – Лена покрылась пунцовыми пятнами, отходя от шока после речи сестры.

– Я к себе, спасибо за вкусный обед. – Тошная фигурка встала со стула, закинула посуду в раковину и вышла из кухни. – Чай пить не буду.

– Женька! Вернись и попроси прощения. Ты слышишь. – в ответ донесся только топот ног. – И, твою ж на лево... по-

суду за собой вымыть религия не позволяет что ли? – Лена двинулась за Женей, крича ей в след ругательства. – Женька!

– Оставь ее, я сам помою. – Серега посмотрел на меня извиняющимся взглядом. – Не обращай внимания, она успокоится, и будет вести себя адекватнее. У нее всегда так, навыки общения с людьми у нее на нуле.

– Почему ты ее вечно оправдываешь? – Лена поставила чашки с чаем на стол и стала доставать печенье с конфетами. – Вечно ты с ней как с тепличным растением, отсюда и отношение такое поганое. Так нельзя, она должна хоть немного научиться проявлять такт и уважение к другим людям. Этот эгоизм уже за рамки выходит.

Серега ничего не ответил, только взял тарелку со сладостями из ее рук и поставил на стол.

Лена с шумным вздохом и обиженным лицом села пить чай.

– Да нормально, я все понимаю, забейте. – Я положил в чай сахар и стал помешивать его ложкой.

На кухне воцарилась тишина, только стук ложки по стенкам кружки какое-то время раздавался в комнате.

– Прости. – Лена выдавила из себя извинение, глядя на меня виновато и с сожалением. – Она на самом деле не такая, Сережа правильно сказал – ей просто нужно время.

Мы пили чай и разговор свернул на нейтральную тему про родителей, планы, погоду и последние новости в мире. Тихая беседа умиротворяла, навевала сонливость, и я отпросился

в свою комнату.

Поднимаясь со стула, собирая за собой посуду, я направился к раковине.

– Оставь, я помою, – Серега встал со своего места и стал убирать со стола. – Иди вещи разбирай.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, я слышал, как начали препираться Лена и Серега. Лена жаловалась на Женю, на ее отношение и поведение. Звенела посуда, слышался шум воды. Серега невнятно отвечал на претензии.

Оказавшись на втором этаже, я услышал звуки музыки в комнате напротив моей. Король и Шут вещал о том, как висели над камином старинные часы, под громкие басы. Да, соседство будет не из приятных! Вообще я понимал Женю, в их тихий мир ворвался человек, которому она не особо была рада, но осадок от совместного обеда остался гаденький. Надо ж так в лоб сказать, а? Раздражение волной поднялось где-то в груди, усиливая негатив к мелкой пигалице за дверью.

Я захлопнул дверь в свою комнату, уставившись на груды сумок и чемоданов посередине комнаты. Вздыхаю, делать нечего, надо разбирать. Обвожу взглядом помещение, которое станет для меня домом, не зная на какое время. Чемоданы напомнили про ссору с родаками, о том, что отец хочет от меня в будущем, что надо завязывать с гулянками и браться за ум.

Я сам хочу выбрать то, чем хочу заниматься, сам хочу жить без их подсказок и наставлений! О чем собственно я и сказал ему в лицо. За словами последовала оплеуха от отца, а следом тирада о том, что я неблагодарная тварь. Слезы матери, увещевания с просьбами прекратить ругаться давили на психику.

– Хватит вести себя как подросток, пора взрослеть! Брать на себя ответственность! Как доверить тебе компанию, когда ты ведешь себя как молокосос? Мы столько в тебя вкладываем, столько перед тобой открывается перспектив, – отца трясло, – если ты так хочешь заниматься тем, чем хочешь, то какого хрена транжиришь деньги, мотаясь по клубам, забив на учебу? Вали и зарабатывай сам!

– Брать на себя ответственность? А ты когда ее на себя возьмешь? Сутками тебя не бывает дома! Не надо было в меня вкладывать, я этого у тебя не просил никогда! И никогда не просил делать меня твоим приемником! Не вопрос, я сваляю! – я развернулся и вышел на улицу, потирая горевшую от пощечины отца щеку.

– Вали, только от меня не получишь ни копейки и оставь ключи от машины! – отец ревел как зверь. – Вот ведь скотина неблагодарная.

Последним что я слышал, были всхлипы матери, идущей следом за мной.

КАК ЖЕ ВСЕ ДОСТАЛО! Почему за меня все решили? Вообще наша семья никогда не нуждалась в деньгах, у от-

да была своя строительная фирма, был свой большой загородный дом и несколько квартир по городу. Я всегда получал все самое лучшее. На каждые каникулы меня с матерью отправляли отдыхать. За свою жизнь я успел побывать в Лондоне, Париже, Праге, Кубе, Риме, Рио, Нью-Йорке, Бостоне, Токио и Сеуле. Турция и Египет уже давно не считались за нормальный отдых. Только отец с нами никогда не ездил, я подозревал, что у него на стороне кто-то есть и чувствовал, что мать тоже так думает. Отсюда и вечные скандалы. Если дома были все, то вопли были нормальным явлением.

Денег хватало всегда, но не хватало воздуха и тепла. Часто я ел и проводил целые дни в одиночестве. Конечно, няни и экономки имели место быть, но родителей я видел редко. Мать после каждого скандала закрывалась в своей комнате, выпивая. А на следующий день исчезала, мотаясь по подругам, бутикам и SPA салонам, чтобы снять напряжение. Отец мог не появляться дома неделями, списывая свое отсутствие на большой объем работ. Я даже не помню, когда все началось. Вернее не так, я не помню, чтобы когда-то было по-другому.

Меня маленьким спихнули в частный детский сад и на няню, а после в дорогую школу с математическим уклоном. Отец был требователен к оценкам, к поведению, к воспитанию, он грезил передать фирму достойному приемнику. Потом меня поставили перед фактом, что я иду в институт на управление бизнесом, не спрашивая о том, нужно мне это,

хочу ли я этого, интересно ли мне вообще. В глазах отца весь мой мир был распланирован.

В какой-то момент я понял, что устал соответствовать ожиданиям и его требованиям. Перестал появляться в институте, пропадая у друзей и ошиваясь в ночных клубах. А на днях отцу позвонили из деканата с фразой, что меня могут отчислить. Тут и назрел скандал.

Несколько дней я проторчал у Лехи, мы бухали. Внезапно до меня дошло, что отец заблокировал все карточки, а налички у меня не было. Мать постоянно звонила и просила вернуться и помириться с папой.

Ну, уж нет, назад я точно не вернусь. У друзей кантоваться и постоянно бухать, тоже не было желания. И я позвонил Сереге, вкратце обрисовав ситуацию дома, попросился пожить у него. Услышал ответ, что он не против. Зная, что отца днем нет дома, да и в принципе, после такой ссоры он вряд ли вообще вернется домой еще пару дней, я собрался к матери. Разговор был не легким, мать ревела и умоляла найти компромисс с батей. В итоге сошлись на том, что всем надо остыть, она помогла собрать вещи, доехала до банка, сняла для меня денег и отвезла к Сереже.

Отец Сергея – родной брат моей мамы. 3 года назад дядя с женой и друзьями, родителями Лены и Жени, поехали отдыхать с палатками на природу. Детей с собой брать не стали, им такие вещи уже не интересны, да и хотелось отдохнуть только во взрослой компании. И все четверо так и не

вернулись из этой поездки. По дороге произошла авария и все четверо погибли при столкновении с другой машиной. Для всех это стало ударом. Лена, Женька и Серега остались совсем одни. На тот момент Сереге и Лене было по 20 году, а Жене всего 14. Мелкую хотели забрать в детский дом, и Сережа с Леной приняли решение расписаться и взять над ней опеку. Моя мама и отец, как могли, помогали в этом не легком деле.

Серега взял на себя всю ответственность за свою новую семью, которая пыталась собрать себя по кусочкам. Впервые увидел, как человек может так резко повзрослеть. Из простого подростка за пару месяцев превратиться в человека, способного столько взвалить на себя. В моих глазах он был героем, да и не только в моих.

Девочки жили с родителями до аварии в соседнем доме. Они выросли с Серегой вместе и были друзьями детства. Женья всегда ходила за моим братом по пятам, как хвостик. Над ней даже шутили, что она Серегина тень. С Леной он стал встречаться за год до аварии, поэтому брак стал для всех выходом из ситуации. Дом родителей девочек продали, и они переехали к Орлову.

До сих пор помню день похорон, слезы Ленки, бледного и тихого Серегу, Женька казалось вообще не понимала, что происходит и от того даже не плакала, просто стояла с огромными пустыми глазами. Родители в тот год часто к ним ездили, помогая во всем: с продажей дома, регистрацией доку-

ментов, удочерением, переездом. Потом помогли с организацией свадьбы, если так можно было назвать это событие. Тихая роспись и просто посиделки в кругу семьи.

А потом пропала Женя. Она ушла в школу и не вернулась домой. Ее искали несколько дней, прочесывая всю округу. Серега с Леной места себе не находили. Обходили все соседние улицы, звоня знакомым и одноклассникам Жени. В доме все было пропитано страхом и ожиданием, полиция приходила и уходила, волонтеры уточняли информацию.

Нашли ее в проданном доме родителей девочек, на чердаке, где искать и не подумали. В дом еще не въехали новые владельцы, делали в нем ремонт. Шум на чердаке услышала ремонтная бригада и вернула Женю родным. Помню, как на нее все орали и ругали за то, что так всех напугала, а она молчала и смотрела на всех словно неживая кукла.

Моя мама посоветовала отвести ее к психологу, который обрисовал не самую радостную картину на фоне стресса и потрясений. Серега с Леной окружили ее заботой и вниманием, пытаясь спасти психику Жени. Не вдавался в подробности, удалось им это или нет. Но судя по ее характеру и замкнутости, проблемы еще есть.

На самом деле меня эта девочка всегда напрягала, младше меня на 2 года, она выглядела в свои 14 лет на 12. Тощая с большими глазами, вечно молчаливая и угрюмая. Она и до смерти родителей была не самым приветливым ребенком, то тут все усугубилось. Именно поэтому я и не виню ее в таком

поведении и отношении в мою сторону.

Сергея поставил одно условие: хочешь жить в нашем доме – придется ходить на учебу, или идти работать, на хлебники ему не нужны. Пришлось смириться, да и матери обещал, что не буду мотать нервы Орловым. Хотя я и не понимаю, зачем вообще мне учиться.

Именно по этой причине пришлось с самого раннего утра поднимать свою брэнную тушку с кровати и двинуть в сторону института. Выйдя из комнаты, я практически воткнулся в Женьку и ее сонное лицо. Мокрые волосы после душа, запах зубной пасты и шампуня, майка без лифчика, которая обтянула практически полное отсутствие груди, привлекли мое внимание. Вообще трудно поверить, что ей 17.

– Смотри куда прешь. – Оттолкнув меня, проорала в лицо девушка и скрылась в своей комнате.

– Больная истеричка. – Крикнул я, ей вслед, спускаясь по лестнице.

Да, определенно, жизнь в этом доме не будет скучной.

На кухне уже всюю колдовала Лена, готовя завтрак на всех. Волосы, забранные в хвост на макушке, плюшевый розовый халат и такие же розовые тапки, делали ее похожей на куклу Барби.

– Проснулся! С добрым утром. – Напротив меня поставили горячие оладьи со сметаной и кружку с кипятком. – Не знаю, что ты пьешь по утрам, кофе или чай, поэтому сам выбери.

Я кивнул и потянулся за пакетиком зеленого чая и сахаром.

– Женька уже встала? Ей сегодня к первой паре. – Спросила она.

– Ага. И уже успела на меня наорать. Как вы вообще с ней в одном доме умудряетесь уживаться?

– Родственников не выбирают. – Хмыкнула Лена, садясь напротив, с кружкой кофе.

– А Серега где? – с улыбкой на такой ответ спросил я.

– На работе уже. Им объект сдавать.

Серега работал в одной из строительных бригад у моего отца. Когда погибли его родители, отец сам предложил ему пойти к нему в фирму. Хоть от продажи дома и остались некоторые средства, которые давали подушку безопасности, но стабильный заработок всегда необходим. Брат сразу ухватился за возможность и за 2 с половиной года вырос до прораба бригады. Папа всегда вставлял его мне в пример за ответственность и трудолюбие, постоянно нас сравнивая.

Послышался топот ног по лестнице, мелькнула фигура Женьки и вихрем пронеслась к выходу.

– А завтрак? – Заорала Лена.

– Я не голодная. – Хлопнула дверь, в доме воцарилась тишина.

– Засранка мелкая. – Лена вздохнула, допила кофе и начала убирать со стола. – У тебя пары во сколько заканчиваются? Никуда не надо после института?

– До двух, потом сразу домой. Спасибо за завтрак, все было очень вкусно. – улыбнувшись ответил я, вставая из-за стола.

– Эх, какой хороший мальчик не то, что наше мелкое чудовище.

Я улыбнулся ее ворчанию. И двинул в прихожую, удивляясь насколько разные характеры у сестер, одна как яркое солнце, вторая как луна в безлунье.

Пары прошли бурно. Преподы удивлялись моему появлению и все как один кидали фразу: «Явилось его Высочество на пары? Какая честь». Леха гундел по поводу больной головы, после вчерашней попойки. Я ходил в деканат, на меня вывалили целую кучу долгов, которые надо закрыть в ближайшие две недели. Ко мне прилипла Алиса со своим нытьем, что я ее совсем забросил. Висла на мне, как обезьяна на пальме.

Вообще давно надо было с ней расстаться, но она была удобной: секс с ней всегда был фееричным, в любое удобное для меня время и в любом месте. Девушка она красивая – фигура что надо, округлые формы, высокая, длинные черные волосы до пятой точки, яркое лицо. И самое важное – отсутствие интеллекта. Меня устраивает, когда девушка мало думает, с такими проще. Если ей говорили – нет, то она никогда не задавала вопросов «почему нет?» или «а когда да?», просто дула губы и тихо сваливала. Именно такие от-

ношения меня устраивали. Нервы никто не мотает, в нужное время я получаю то, что хочу.

Но сегодня она бесила своим нытьем. А еще запах ее новых тошнотворных духов, от которого начинала болеть голова. Невольно вспомнилось утро: едва уловимый запах шампуня и зубной пасты. Меня аж передернуло от мысли, что я подумал о мелком чудовище.

Спихнув с себя Алису, я двинулся на последнюю пару. Накатило чувство усталости. За последние пару месяцев мой организм отвык вставать в такую рань, хотелось спать. Пары с историей тянулась бесконечно, Сухой (кличка появилась от фамилии Сушков и его чрезмерной худобы) бубнил что-то про гражданскую войну в Бирме, а у меня слипались глаза. Снова и снова задаю себе вопрос: зачем мне вообще этот институт и на что я трачу свое время?

После пар я позвонил матери, успокоил, что у меня все хорошо и что деньги на существование в карманах присутствуют. Успокоил и выдохнул.

Алиса догнала на выходе из корпуса, с новым поводом для нытья, что планировала вместе провести вечер. А куда я ее приведу, к Сереге? Без жалости она была отправлена в пешее плавание до дома.

Бесило отсутствие машины, в привычку вошла мобильность. Общественный транспорт для меня пытка, куча потных людей, бабки с сумками, толкучка. Никогда не задумывался, насколько важен для меня автомобиль. В школу до 18

лет, меня отвозил и забрал папин водитель или мать, а на совершеннолетие мне подарили Бэжу, через год ее заменил Порш. Именно поэтому в моем случае я сейчас езжу на такси, что до института, что назад. Заставить себя проехаться на автобусе я не мог. Комфорт и личное пространство для меня на первом месте.

Уже 4 дня, как я живу у Орловых, и меня все устраивает. Лена готовит вкусно, здесь нет скандалов, даже Женька особо не бухтит, что само по себе удивляет и вообще она делает вид, что меня нет – меня это устраивает. Даже институт не в тягость, так как исчезло давление со стороны семьи. Про отца слышу от мамы, но вскользь и нехотя, видимо снова в ссоре.

Больше всего здесь радует то, чего у меня никогда не было – ужины или редкие обеды за одним столом (как правило, в обед все на работе или учебе), болтовня, смех, домашняя еда не из ресторана, звон посуды. А еще вечерами в этом доме традиция: все собираются в гостиной и вместе выбирают фильм, для просмотра с попкорном и вкусняхами. Если у меня и будет когда-нибудь семья, то мне бы хотелось, чтобы все было именно так.

Сегодня выбор пал на фильм «Солнцестояние» – мерзотная киноха. Женька притащила несколько пачек чипсов, орешки и бутылку кока-колы. Серега с Ленкой устроились в обнимку на диване, мелкая в углу на кресле мешке, уку-

тавшись пледом, мне выделили старое кресло, которое очень любила мама Сергея – тетя Лариса.

Где-то на сороковой минуте, кола попросилась естественным путем на выход, и я двинул в уборную. Фильм и правда мерзкий, но мне нравится сама атмосфера совместного семейного просмотра, редкие реплики, шутки про сюжет и про адекватность происходящего на экране. Возвращаясь назад, я уставился на Женьку. Она не видела, что я возвращаюсь, так как все ее внимание было обращено не в телик, а на Серегу и Лену. Ну, смотрит и что? Казалось бы, что тут такого... Но сам факт того, как она на них смотрела... Я ни разу не психолог, но этот взгляд я узнаю из тысячи, так смотрит мать на отца, когда от него разит чужими женскими духами. Заметив движение слева от себя, она торопливо отвела глаза на монитор телевизора. И шуток этим вечером я от нее больше не слышал, да и вообще она подпритихла. Что это было, я так и не понял, да и понимать не хотел, не мое дело.

Фильм закончился, Ленка заснула на плече мужа, мелкая убрав пустые пакеты от чипсов и пластиковые бутылки, тихо свалила в свою комнату. Серега, пожелав мне спокойной ночи, решил не будить жену и остался спать с ней на диване.

В этом доме даже тишина другая, не такая как у меня дома. Она вязкая, теплая и уютная, практически осязаемая. Тиканье часов на кухне, шум холодильника, лай соседской собаки за окном. Почему так не может быть в моей семье?

Я выключил телик, зашел на кухню попить воды и

отправился в свою комнату. За Женькиной дверью было тихо, но сквозь щель внизу пробивался свет. Захожу к себе. Мне надо доделать курсач, вздыхаю, включаю ноут и погружаюсь в поиск информации в инете, в ушах наушники с Цоем. В какой-то момент я понял, что заснул. Проснулся от того, что затекла шея, а клавиатура больно врезалась в щеку. Открываю глаза, фокусирую взгляд на мониторе и офигеваю от того, что мой фейс написал в ворде 480 страниц с одной лишь буквой АAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA. Зашибись, дописал курсач! Время половина третьего.

Встаю, разминаю затекшую шею, надо сходить в душ. С полотенцем на плече шагаю в ванную, она одна на двоих у нас с Женькой на втором этаже. Тру глаза, зеваю, открываю дверь в санузел и впадаю в ступор. Сквозь запотевшее окно душевой кабины виден тонкий силуэт Женькиной фигуры. Она из-за шума воды не слышит звук открытой двери, а шампунь на голове не дает возможность меня увидеть. Не могу сдвинуться с места, и пошевелится, взгляд тоже оторвать не могу.

Я люблю, когда у девушек есть за что подержаться и меня всегда возбуждали в первую очередь шикарные формы. Но тут меня накрыло. Фигуру видно не четко из-за пара: маленькая грудь, полное отсутствие жира, стройные ноги, плоский живот, отсутствие растительности внизу. Плавные движения рук, смывают шампунь, по телу течет пена. Вся моя

кровь устремилась вниз и именно это отрезвляет. Выйдя из ступора, я тихо закрыл в душ и медленно побрел в свою комнату.

Закрыв за собой дверь, я опустил голову вниз, глядя как из спортивных штанов выпирает совсем не детский интерес к девушке в ванной. Я застонал от смущения и отвращения к самому себе. Я что подросток в пубертатном периоде? Это же мелкая пигалица, тощее существо, с отвратительным характером, я с дуба рухнул? Машу Вать, как развидеть увиденное? Падаю на кровать, пытаюсь унять возбуждение. Со мной такое впервые, чтобы только при одном взгляде на голую девушку была такая реакция. Проходят минуты, которые не меняют мое состояние в лучшую сторону. Мне надо в холодный душ, но при одной мысли о душе, накрывает новой волной возбуждения. Принимаю решение сходить в ванную на первом этаже. Со стоном встаю и выхожу в коридор.

Натыкаюсь на мокрую Женьку в одном полотенце, которая выходит из душа. Она тихо вскрикивает от испуга, не ожидая воткнуться в мою грудную клетку. Снова запах шампуня и зубной пасты. Ее руки упираются мне в грудь. С коротких волос капая капельки воды и скользят по бледной коже, исчезая где-то под полотенцем, обернутым вокруг ее тощего тела. Она поднимает глаза и испуганно шипит.

– Напугал, идиот. Я думала, что все спят! – прижимая рукой полотенце, которое пытается соскользнуть с ее маленькой груди, отворачивается и поспешно убегает в свою ком-

нату.

Из моих легких выбивает весь воздух. Колени трясутся от перенапряжения, испуга и возбуждения. На шатающихся ногах захожу в ванну. Мозг пуст, сердце колотится как сумасшедшее.

Все тот же запах шампуня и зубной пасты обволакивает меня со всех сторон. Из моего рта вылетают проклятия. Я лезу, раздевшись, под холодные струи воды. Это немного сбивает пыл и мою эрекцию. Но в голове бьет набат от пролетающих в моей голове картинок с Женей в этой душевой кабинке. Снова накрывает, руки тянутся вниз, и я делаю то, что не делал лет с 17. Мне было без надобности, баб у меня всегда было много, я мягко сказать, не голодал.

Но тут все произошло на автопилоте. Буквально минута с мыслями о маленькой Женькиной груди и я с унижением пытаюсь проанализировать сложившуюся ситуацию.

Что это такое нахрен было? Что сейчас со мной произошло?

Секс у меня был с Алисой последний раз у Лехи на квартире, пару дней назад, быстрый спонтанный в туалете. Было классно и без давления на психику. Я бы понял, если вел монашеский образ жизни, но с чего такая реакция? Перестав думать, я ввалился в свою комнату, рухнув на кровать. На курсач положен жирный болт, доделаю завтра.

Сны снятся обрывчатые, яркие и в них Женька, голая и влажная после душа. Проснулся злой, не выспавшийся, с

жесткой эрекцией. Рычу от злости. Быстрый холодный душ. Кидаю ноут в рюкзак, в надежде, что добыю курсач на паре с английским. Спускаюсь завтракать. Мне хочется материться... На кухне сидит, с кружкой кофе и телефоном в руках, предмет моей бессонной ночи. Она даже не поднимает взгляд, полностью игнорируя мое присутствие.

Взъерошенные волосы, клетчатая рубашка, заправленная в узкие джинсы. Лицо настолько бледное, что сквозь кожу просвечивают синие венки под глазами. Какого хрена со мной происходит? Решаю, что пить кофе с ней в одной комнате не самая лучшая идея. Выпиваю стакан воды и иду одеваться.

Из спальни Орловых выплывает сонная Лена, и зевая здороваается, скрываясь в ванной. Я одеваюсь и выныриваю на улицу.

Вышел я рано и поэтому решил пройтись немного пешком, чтобы остудить голову. Самое начало ноября, изо рта вырываются облачка пара, подморозило. Лужи покрылись коркой льда. Я вдыхаю глубоко и часто, стараясь унять сердцебиение. Достая телефон, набираю номер Алисы.

– Привет, ты где? – говорю я и слышу сонное бормотание на том конце телефона. – Никуда не выходи, сейчас приеду к тебе.

Вызываю такси. Надо снять напряжение и все само собой уляжется. 3 минуты ожидания авто, 12 минут пути, 30 секунд занимает подъем в Алискину квартиру, ровно 15 се-

кунд на то чтобы сбросить с себя одежду и вот она сонная уже стонет со мной от удовольствия.

Спустя сорок минут, мы уже едем в институт. Я чувствую себя в полном порядке.

Первые выходные у Орловых. Я просыпаюсь в обед, с чувством, что я, наконец, выспался. Чищу зубы и с урчанием в желудке спускаюсь на кухню. Из гостиной доносится смех и веселые ругательства. Заглядываю в комнату и вижу картину – Женька с Серегой на полу, с джойстиком в руках режутся в доисторическую приставку Денди в танчики. Обоих видно только со спины, но легко можно уловить атмосферу, что им никто больше не нужен. Только они двое и их мир принадлежит только им.

У меня возникает странное ощущение и недоумение, что такого я не замечал, когда Серега с Леной, у них обычная семейная идиллия. Но тут, словно Женя и Серега одно целое. Их смех, шутки, даже движения синхронны. Я не раз наблюдал за ними, но не придавал этому значения. Наверное, это потому, что Женька была тенью Сереги с самого детства. Они всегда были рядом, не смотря на разницу в возрасте в 6 лет. Хмыкнув, я пошел пить кофе.

Ленки нигде не видно, может, еще спит. Нахожу в холодильнике вчерашний салат, ветчину и наливаю в кружку кипятка. Сахар, ложка кофе, сливки, кусаю бутер, проверяю телефон. Несколько сообщений от мамы в вайбере, в телеге несколько диалогов по поводу изменения расписания на

следующую неделю в группе от старосты. Лезу в ютуб, бездумно просматриваю видосы.

Снова взрыв смеха, крики Женьки.

– Нет! Давай я сама добыю штаб, чтобы не было обидно! АААААААА, да как так то? Так профукать раунд. – Женька почти пищит. Слышно, как Серега захлебывается от смеха.

Слышно, как идет подсчет результат раунда и тут же начинается новый. Вопли «Да не туда», «Вон он», «Мочи гада» «Звезда, скорее бери звезду». Я встаю из-за стола, мою за собой посуду и иду к ним. Раунд окончен победой, Женька бросила джойстик и исполняет победный танец прыгая на диване.

– Учись, студент, я всех практически замочила одна! – обезьяноподобные движения Женьки выглядят угарно и Серега не может перестать смеяться, я тоже улыбаюсь.

Но тут она замечает меня, улыбка сползает с ее лица. Она смешно морщит нос. Спрыгивает с дивана и заявляет, что хочет есть. Серега просит сыграть еще пару раундов, но видимо я подпортил атмосферу. Мелкая подхватывает джойстик и пихает его мне в руки, тыча пальцем мне в лицо.

– Он сыграет. – Вихрь пронесится мимо меня на кухню.

Я сажусь с Серегой рядом, но его лицо почему-то кажется очень грустным, когда он смотрит на меня. Со вздохом он включает 109 раунд и мы продолжаем начатую ими игру. Но я не чувствую такого веселья, которое было между ними. На кухне начинает греметь посуда, хлопать шкафчики.

– Лена спит? – спрашиваю я у брата.

– Нет, она уехала на маникюр, еще утром. Так что детки остались без присмотра! – смеется Серега.

Еще пара раундов и ему надоедает игра. Он говорит, что если я хочу, то могу сыграть один. Идет на кухню, помогать готовить Женьке. Игра захватывает и меня, но быстро наскучивает, и я отключаю приставку. Шагаю к ним. И снова эта атмосфера.

Они почти не разговаривают и это молчание очень уютное. Перемещаясь по кухне, они действуют, как единый организм. Я прислоняюсь к косяку и наблюдаю за их действиями. Глядя на этих двоих, в груди появляется какое-то неприятное ощущение, которое я не могу понять и объяснить самому себе. Оно похоже на зависть, злость, неприязнь одновременно.

У меня никогда не было такой тесной дружбы ни с кем. Я осознаю, насколько эти двое близки, что понимают друг друга с полуслова и им не нужно для этого говорить.

Серега обращает на меня внимание и спрашивает, чего я там встал. И тут я понимаю, что атмосфера снова изменилась, стоило появиться третьему человеку. Женька снова морщит нос. Я сажусь за стол и наливаю из кувшина стакан воды.

– Что на обед? – Я принимаю к запахам.

– Женькин фирменный сырный суп, и паста с морепродуктами.

– Ого, мелочь и готовить умеет? – удивляюсь я.

– Прикинь, да! А еще я в нос могу дать, и яду тебе в тарелку насыпать. – Отвечает Женька. Но ответ абсолютно беззлобный.

Ого, да она и шутить умеет! Я ухмыляюсь.

– Молчу, молчу, а то по роже получу, и подвиг свой не совершу. – Смеюсь я.

– Смотри, а он смысленный. – Показывая пальцем на меня, но глядя на Серегу, говорит Женька, посмеиваясь.

– Может чем помочь надо? – Улыбаюсь. Понимаю, что просто сидеть в стороне не хочу, спрашиваю я.

– Да, кончился хлеб и сахар, сходишь в магазин? – Серега проверяет хлебницу и смотрит на меня.

– Не вопрос! – я встаю и иду в сторону прихожей.

Серега идет следом, протягивая мне 500 рублей.

– Хлеб, сахар и молока купи.

Беру деньги, выхожу на улицу. Холодный воздух приятно холодит кожу, улыбаюсь такому началу дня. Почему в нашем доме не может быть таких выходных? Так сложно посидеть всем вместе, поесть вкусной еды, посмотреть фильм, ведь для этого даже не надо прилагать усилий? Хотя... В случае матери и отца, как раз таки усилия и нужны. Вздыхаю, понимаю, что сам себе испортил настроение.

В соседней пятерочке практически нет народа, суббота, все сидят по домам. Вообще я сам редко хожу по магазинам. Дома холодильник всегда набит продуктами и я особо нико-

роткие волосы торчат в разные стороны. Сереги нет. Она слегка раскачивается в такт музыке, иногда делая вид, что нож в руке это барабанная палочка, голова мотается под медленную мелодию с басами. Короткий проигрыш и подпевающий вопль с припевом:

Ты не отпускааааай меня,
Не отпускааааай,
Не отпускааааай меня,
Вдруг кто увидииииит...
Не отпускаааааай меня,
Не отпускаааай,
Не отпускаааай меня,
Вдруг кто увидииииит...

День определенно проходит позитивно, не думал, что у нее есть и такая сторона. Это делает ее по своему милой. Поворачиваю голову, замечая движение справа, рядом стоит Серега, с теплом глядя на девушку и улыбаясь.

– Певец из нее хреновый, да?

Женька слышит фразу, поворачивает голову в нашу сторону. Я ожидал увидеть на ее лице смущение или испуг, что ее застали за таким занятием. Но в глазах озорные искорки. Она показывает нам с Серегой язык, отворачиваясь. Что-то режет на разделочной доске и начинает подвывать новой песне, доносящейся с ее телефона. Ее бедра двигаются в такт

музыке. Из динамиков снова орет Земфира с песней «Хочешь». Видимо в этом доме такое в норме. Еще больше меня удивляет Серега, он встает рядом с ней и начинает отбивать ритм по столу ладонями, подпевая вместе с ней. Женька смеется, наклоняется к нему и орет во весь голос:

Хочешь я убьюю соседеееей,
Что мешают спаааааааать?

Они смеются и двигаются в такт музыки. В процессе песни, Женя начинает доставать приборы, расставляя их по столу. Серега разливает суп по тарелкам.

– Так и будешь стоять? Хлеба нарежь что ли. – Серо-зеленые глаза смотрят на меня, она кивает в сторону пакета в моих руках.

Я вылезаю из оцепенения. И что это было?

Хлеб нарезан. На плите греется чайник, звенят столовые приборы. А Женькин сырный суп очень даже ничего. Да и паста из морепродуктов вкусная, а салат цезарь оказывается просто божественный. Во время еды мы практически не разговариваем. Обед проходит под творчество Земфиры.

Тут музыка прерывается звонком на телефон Жени.

–ММММ. – мычит она в трубку телефона с набитым ртом, слушая монолог собеседника.– Буду минут через сорок.– Проглатывая салат, отвечает девушка. Кладет трубку и встает из-за стола.

– С тебя посуда. – Она тычет пальцем в мою сторону, ста-

вит тарелку в раковину, выключает чайник и уходит с кухни.

– Ты куда собралась то? – кричит ей в след Серега.

– На работу вызвали.

Топот ног по лестнице. Серега вздыхает, что-то бормочет под нос и начинает убирать со стола.

– Мелкая работает? – удивленно спрашиваю я.

– Ага. В паре кварталов отсюда, в пекарне. Устроилась 9 месяцев назад. А еще работает контентщиком по ночам, сайты товарами наполняет. – Буркнул Серега. – Независимости от нас хочет.

Убрав посуду, он с грустным видом вышел из кухни. – И да, посуду помыть не забудь.

– ЭЭЭЭХ. – я вздыхаю, посуду я мыл от силы пару раз за всю свою жизнь, но что поделать.

Вот дела, не подумал бы, что мелкая пигалица трудоголик.

Вытирая посуду сухим полотенцем слышу, как Женя спускается с лестницы.

– Скажи, что не пойдешь! Что заболела, что у тебя гора уроков. – Серега уговаривает остаться ее дома. – Или хочешь, я сам позвоню?

– Зачем? – Женька шуршит одеждой.

– Зачем тебе эти подработки? Я справляюсь, нам хватает денег, просто будь нормальным подростком. Просто учись.

– Сереж, мы это обсуждали и не раз. Это мой выбор, мое решение и не надо меня учить, как мне быть.

Шуршание куртки, звук застегивающейся молнии, хлопа-

ет дверь. Серега молча уходит в свою комнату и в доме воцаряется тишина.

Остаток дня прошел тихо. Ленка вернулась часа в 4 вечером и тут же ушла в их с Серегой комнату. Брат копошился в гараже. Я подбивал все свои долги по учебе.

Вечером спустился вниз, перекусил и отправился в гостиную, ожидая всех для привычного просмотра фильма. Но так никто и не пришел. Посидев около сорока минут в телефоне, я решил спросить ребят, где они. Постучал в их комнату, но мне никто не открыл. Может, спят или еще что. Снова поднялся наверх. В доме стояла непривычная тишина.

Около одиннадцати хлопнула дверь внизу. По лестнице протопали шаги, захлопнулась дверь в комнате напротив. И снова воцарилась тишина. Я клацал по клавиатуре, добывая доклад по экономике. Глаза слипались, замучила зевота. Но я задался целью, доделать сегодня то, что надо сдать в понедельник. Прошел еще час, я решил налить себе чашку кофе. Тихо открыл свою дверь и двинулся в сторону лестницы. Снизу доносились стоны. Я слегка улыбнулся, Серега и Ленка делали новых людей. Ступив на первую ступеньку, я увидел на лестничном пролете Женьку. И встал, как вкопанный.

Она сидела, прислонившись спиной к стене и прижав колени к груди. Одной рукой обнимала ноги, второй вытирая слезы. Тихие всхлипы, тяжелые вздохи. Голова слегка запрокинута назад, глаза зажмурены. Именно поэтому меня не заметила. Тяжелые сглатывания, легкое поскуливание. И что

за хрень происходит? Почему она рыдает?

И тут до меня дошло – она его любит, любит мужа своей родной сестры! Меня бросило в жар от легкого шока.

Она открыла глаза и начала медленно подниматься на ватных ногах. Ее взгляд уперся в меня. Лицо исказило отвращение и краска стыда, за то, что я увидел ее в такой ситуации. Девушка пулей взлетела по лестнице, толкнув меня в сторону. Дверь в ее комнату захлопнулась с таким грохотом, что он эхом прокатился по всему дому. Если бы я не держался за периллы, то давно кубарем скатился бы вниз от ее толчка.

– Вот это нихрена себе! – я присел на верхнюю ступеньку, пытаюсь проанализировать ситуацию. Да, тут с каждым днем становится все интереснее и интереснее.

Пить кофе перехотелось, да и доклад уже не был так интересен. Стоны внизу прекратились, слышно было, как открылась дверь комнаты снизу, мелькнула тень в ванную, послышался шум воды. Следом прошла вторая тень и так же скрылась в той же двери. Послышались разговоры, счастливое хихиканье Ленки. Я сидел наверху и прислушивался к звукам в доме.

От чего-то на душе было противно и липко, как будто я пролил на себя стакан с грязью. Хмыкнув, я отправился в душ.

Женьку я в воскресенье не видел. И ночевать она домой не вернулась. В доме было непривычно тихо. Лена уехала

в гости к подруге. Серега занимался машиной в гараже. Кажалось, что от прежнего уюта не осталось следа после того, что я вчера увидел. Целый день я провел за ноутом, ковыряя свои долги, посмотрел пару фильмов, вымылся и рано лег спать.

Утром в понедельник я встал рано, быстро позавтракал и вызвал такси в универ. Подходя к машине, я увидел левее в паре домов вниз по улице парочку. Меня накрыло недоумением. Около черной ауди стояли двое и сосались. Да, тут применимо именно это слово, не просто поцелуи. Девушку крепко к себе прижимал парень, который был очень похож на Серегу. С темными волосами, худощавый, высокий. Мне потребовалось секунд 20, чтобы отойти от шока, когда я понял, что вижу Женьку с непонятным парнем, который очень похож на моего брата. Ясно, что ночь она провела у него. Желудок неприятно скрутило.

– Мы едем или что? – таксист спустил окно на пассажирской стороне и задал мне вопрос.

Немного придя в себя, я юркнул на заднее сидение, и машина медленно поехала вперед. Проезжая мимо этих двоих, я чуть шею не сломал, стараясь увидеть больше деталей о парочке, которая не переставала сосаться.

– Нихрена не понимаю. – Пробормотал я. – Любит одного, спит с другим? Странная баба.

– Простите, я не расслышал. – таксист повернул ко мне

голову.

– А, ничего. Это тихо сам с собою я веду беседу.

Таксист хмыкнул, машина набрала нужную скорость, двигаясь по улицам города к универу.

На парах я был рассеянным, пытаюсь сложить в голове кусочки пазлов, которые были разбросаны по дому в виде последних событий. Женькины болезненные взгляды на Серегу, атмосфера между этими двумя, слезы от прослушивания стонов на лестнице и утренняя встреча двоих «влюбленных». Вчера вечером возник нелепый вопрос в голове, который не давал уснуть – «ну, не могут двое быть настолько близки без интимной близости?». То, что я наблюдаю между братом и пигалицей уже несколько дней... Такая атмосфера бывает только между двумя влюбленными. Неужели Женька и Серега спят вместе? Да, бред.

Утром, я понял, что эту теорию придется отменить из-за увиденного. Вряд-ли Женька будет спать с одним, а потом уезжать на всю ночь к другому.

Еще меня настораживало мое отношение к этому всему. Вся эта ситуация вызывала во мне непонятные эмоции, которых я раньше не испытывал. Я даже не мог их правильно определить и описать. Это выбивало из колеи. Любопытство точило меня, как червяк.

На последней паре ко мне прилипла Алиска, нашептывая на ухо о том, что у нее есть ключи от каморки за спортзалом, и что неплохо было бы после пар, навести в ней порядок. Но

от одной мысли об этом у меня возникло неприятное липкое ощущение. Последнее время она меня выводила из себя, даже секс с ней больше не был таким ярким. Раздражали ее духи, бесил томный голос.

– Прости, не сегодня. Мне надо по экономике закрыть хвост Светлакову.

– Ты серьезно? – Алиса удивленно вытаращила глаза. – Ты променяешь секс на то, чтобы закрыть долг?

– А что в этом такого?

– Когда тебя начала волновать учеба?

Прозвенел звонок, Алиса встала и, покачивая бедрами, пошла на выход. Я выдохнул, радуясь тому, что не пришлось слушать ее нытье. Подкатил Леха, позвал с ними посидеть в баре вечером. Но настроение у меня по какой-то причине было никакое. Вяло пробурчав, что иду закрывать хвосты, и их не мало, я собрал вещи и направился в сторону кабинета экономики.

Выйдя из универа, я вздохнул с облегчением. Хоть что-то сдал. Вызвал такси и позвонил матери. В трубку полились слова о том, что она соскучилась, и что я должен вернуться домой. Потом пара новостей о новом скандале дома, и что отец снова не ночует дома. Мда, ничего нового. Разговор продлился не долго, подъехала машина, я попрощался с мамой. Ненавижу понедельники. Поездка убаюкивала и я не заметил, как оказался у знакомых ворот. Дома однозначно кто-то был, так как двери не были заперты.

му такая реакция именно на нее? Обычная девушка. Да, если приглядеться, она была довольно милой. Милой, как мышь. Серенькая мышь. Но не более.

Я на днях провел эксперимент. Дома у Алисы. Глядя на нее голую я попытался почувствовать то, что случилось тогда, в ванной на втором этаже. Но такого возбуждения не произошло, скорее оно просто пришло во время процесса в умелых руках Алиски. И даже разрядка была слабой. Что за хрень происходит?

Возня в коридоре на нашем этаже стихла, потом стихла и на лестнице. К тому времени мне удалось обуздать свое возбуждение, и я стал спускаться вниз, поесть. Внизу я увидел, что Женька стоит в ванной, практически спиной ко мне. В ушах наушники, продолжает что-то мурчать под нос и развешивает на сушилке нижнее белье и носки.

Я отправился на кухню, достал из холодильника кастрюлю с остатками сырного супа и отправил их к себе в тарелку. Погреть в микроволновку на пару минут. И тут до меня доходит, что забыл наверху телефон. Тихонько двигаю в сторону второго этажа и поворачиваю голову. Она еще в ванной, закидывает в машинку грязное белье. Я продолжил движение дальше, но тут чуть не споткнулся о ступеньки.

Женька поднесла к лицу футболку Сереги, в которой он вчера ходил весь день. Закрыла глаза и замерла, вдыхая его запах. Это было настолько интимно, что у меня перекрыло дыхание. Внутренности скрутило в узел, голова закружи-

лась. Проходили секунды. Наконец она убрала футболку от себя и наклонилась к машинке, закидывая ее в барабан. А я пулей взлетел на второй этаж. Лицо горело, сердце колотилось как бешенное.

Во мне смешались сразу несколько чувств – удивление, стыд, смущение, злость. Я сел на кровать, закрыл лицо руками, пытаюсь успокоиться. Такая буря эмоций шумела во мне.

– Она его любит! – я почему-то застонал, от этих слов стало трудно дышать.

И что мне делать с этим пониманием? Надо ли кому-то рассказать? Ленке, Сереге? Такая каша в голове. Я выдохнул – это не мое дело, пусть сами разгребают это все. Я встал с кровати, взял телефон с тумбочки и отправился вниз.

Спускаясь по лестнице, я увидел идущую мне навстречу Женьку. По-прежнему в ушах наушники. Она пропускает меня первым и не глядя на меня поднимается в свою комнату. Меня окутывает запах ее шампуня, словно издеваясь. Вызывая новые непонятные эмоции. От чего-то хочется догнать ее, схватить за плечи и начать трясти как куклу. И крикнуть ей в лицо... А что крикнуть я сам не понял. Да что за фигня!?

Провожу рукой по лицу и иду есть на кухню.

Прошла еще пара недель. Женька приходила практически ночью, видимо работа в пекарне занимала все ее расписание. Или вообще не приходила, говоря о том, что будет ночевать

у Светки, ее подружки. Хах, Светка? Или может Светлан, или Свет! В общем, ее практически не было дома.

Пару раз я слышал, как Серега ругался с мелкой по поводу ее работы и того, что она не ночует дома. От Женьки всегда летела лишь одна фраза в ответ: «Хватить лезть в мою жизнь. Ты мне не отец!». После очередного скандала дом погружался в полную тишину.

Оказывается, что без нее в гостиной никто не собирается смотреть фильмы, ужины проходят очень тихо, практически в молчании. Такое ощущение, что ее отсутствие выключило движение и звуки. Не слышно смеха, подвываний под музыку, никто не топает по дому.

Мне казалось, что уют в доме создает именно Ленка, своим теплом и добротой. Но оказывается, что это не так. Серега ходит хмурый и молчаливый, а после каждого скандала он вообще не выходит из комнаты или пропадает в гараже.

Пятница. Сегодня утром Лена разговаривала на кухне с Женькой, прося прийти пораньше, у них с Серегой есть новости для всех. Я слушал в пол уха, когда надевал ботинки.

– Егор, и ты не опаздывай. – Ленкин голос звучи сонно.

– Ок. – я вываливаюсь на улицу, меня уже ждет такси.

В универе стараюсь избегать Алису, ничего кроме раздражения она не вызывает. Леха у меня тоже практически в игноре, от него так разит перегаром, что меня начинает мутить. Сам про себя отмечаю перемены, которые произошли во мне за этот месяц.

Учеба не вызывает негатива, шарахаться по клубам нет никакого желания. А еще мысли о сексе возникают только, когда думаю о Женьке. Может у меня кукуха поехала, или у меня шизофрения вскрылась. Постоянно думаю о ночи, когда стоя под душем, думал о ее маленькой груди и занимался самоудовлетворением. Это не улучшало моего морального состояния. Я старался сразу пресекать любые мысли о том дне, но они снова и снова, как зуд не давали нормально жить.

Вечер. Кухня. Накрытый стол, все в сборе. Радостная Ленка и очень тихий Серега. Мы с мелкой сидим напротив них с недоумением.

– У нас радостная новость. – Начинает Лена. – Мы скоро станем родителями. У меня уже 8 недель.

Бабах и я прямо чувствую, как перед Женькой разверзся ад, его даже можно увидеть. Вот это новости! Они хоть и радостные для них, меня, но не уверен, что для нее тоже.

Хрупкая девушка начинает шмыгать носом, слетает со стула и кидается на шею к сестре. Она плачет и улыбается.

– Правда! Вы серьезно? Я скоро стану тетей? Я так счастлива! – слезы и улыбка топят лицо девушки, но только я вижу, сколько в ее глазах боли.

Она отрывается от сестры, двигается к Сереге, порывисто обнимает его и отпрыгивает на пару шагов с воплем. – Давайте отпразднуем. – Вверх взлетают руки в победном жесте.

Вот это представление! Если бы я не знал, что она его любит, то я бы точно поверил. Она ломится в прихожую, начи-

нает одевать одежду и обувь.

– Ты куда? – Удивляется Ленка.

– Как куда? В магазин. За винишком и фруктами. А тебе за соком. Будем праздновать! – Слышу я наигранно бодрый голос.

Хлопает входная дверь. Я встаю, поздравляю Лену и Серегу. Сообщаю, что помогу малявке с пакетами. Быстро одеваюсь и выхожу следом за ней. Зачем я сам не понимаю, но знаю что ее эмоциональное состояние далеко от адекватного.

Выхожу за ворота. Ищу ее фигуру, неужели она так быстро ушла?

Сначала я и правда думал, что она пойдет в магазин. Не спеша вышел за ней, но выйдя за ворота, понял, что Женя идёт в другую сторону. Хотел окликнуть, осознал, что не стоит.

Она шла медленно, ее всю сторбило, обхватив себя руками, девушка еле передвигала ногами. Но потом резко сорвалась и побежала. Я рванул за ней. Пара поворотов, пара перекрестков и она рванула куда-то в кусты. Я еле нашел тропку. Боясь упасть, шагал не спеша. Было очень темно.

И вдруг я оказался на пустыре, небольшой обрыв и город, как на ладони. Улицы, яркие огоньки окон домов, фары снующих мимо машин. Захватило дух. На минуту я даже опешил, но тут мой взгляд упал на большой камень и сидящую на нем Женьку. Она рыдала во весь голос, не замечая меня.

Рыдания сотрясали ее худенькое тело, от чего казалось,

что она ещё меньше чем есть на самом деле. Я не знал что делать, стоял в кустах не в силах пошевелиться.

Мама часто плакала после ссор с отцом, и я привык к женским слезам. Ее слезы были результатом бессилия и жалости к самой себе. Она часто находила утешение в моих объятиях.

Но тут была не жалость, а боль, которую девушка столько лет глушила в себе. Я задался вопросом – «зачем я здесь?». Ответов не было. Я попятился назад с желанием оставить ее с самой собой наедине. Под ногой хрустнула ветка. Женька дернулась и резко повернулась в мою сторону. Поняла, что это я и на лице отразилась злость.

– Проваливай! Тебя тут не ждали.

Мне бы просто уйти и тогда мой мир не перевернулся бы с ног на голову в этот вечер. Но на языке давно вертелся вопрос, который мучил меня уже очень много дней.

– Ты его любишь?

Она опешила. Ветер трепал ее короткие темные волосы. Нос покраснел, щеки блестели от влажных дорожек слез.

– Не твое собачье дело! Сказала, же, проваливай! – голос был злым и хриплым.

Я не знаю, зачем я это делал. Слова сами выходили из меня, как будто я потерял контроль над собой.

– Это же бред, он женат на твоей сестре. Как ты можешь так жить?

– Ты идиот? Или может глухой? Я, конечно, догадывалась о твоём тугодумии, но не до такой степени. По слогам говорю

ПРО-ВА-ЛИ-ВАЙ! Ферштейн! С какого перепугу все лезут в мою жизнь? Почему я должна отвечать на твои вопросы?

– Почему не скажешь ему?

– А ты забавный! Я смотрю у тебя все просто, да? То есть, ты считаешь, что если я скажу: "Серёж, я тебя люблю!", то что-то изменится в лучшую сторону? Лена не будет беременной, их брак аннулируется и все будут счастливы? Что он будет счастлив это услышать, и мы будем вместе? Или после этого моя любовь пройдет и никому не будет больно? – она хмыкнула и прерывисто вздохнула. Ее колотила дрожь.

– Я бы давно свалил из этого дома.

– Свалил? Да, смотрю, у тебя это неплохо выходит. Может, и сейчас свалишь отсюда?

– Серьезно, как ты это терпишь?

Женька долго молчала. Вытирая слезы, шмыгая носом, она смотрела вдаль.

– Я просто не хочу создавать им проблем. – Голос ее был хриплым от слез и боли. – Они мои опекуны, соцзащита ходит к нам домой по 3 раза в год, я и они под постоянным наблюдением. Если они узнают, что я ушла из дома, всем будет не сладко. – Отчаяние сквозило в каждом слове. – В отличие от тебя, я не бегаю от сложностей.

И тут в ней что-то щелкнуло, слетел предохранитель, я стал красной тряпкой для быка. Скорее всего, я просто попал под горячую руку и стал возможностью выпустить пар.

– А знаешь? Таких мудаков как ты, я не перевариваю. Со-

сунки, которые, не отрываясь от мамкиной сиськи, считают, что им должен весь мир. Что они пупы земли и с их мнением обязаны считаться! Ты мне кто? Сват, брат, друг? Какое хрена ты лезешь в мою жизнь? Кто давал тебе на это право? – Женьку трясло. – Сначала в своей жизни разбери срач, а потом в чужой копайся. Думаешь самый умный, и я должна прислушаться к твоим словам? Засунь их в свой зад или сожри на ужин. Как быть со своей жизнью, я уж сама решу, и к тебе за советом точно не приду. Проваливай, кретин! – девушка отвернулась и пнула носком кроссовки камушек.

– С каким срачем? Ты чего лепишь? Я то, как раз с ним и разбираюсь сейчас, в отличие от тебя! – меня задела ее слова, и захотелось заткнуть ей рот. Я уже собирался ответить, но тут...

Она посмотрела на меня с искренним удивлением и начала истерично ржать. Вводя меня в ступор. Ее согнуло пополам, тело трясло от смеха. Я не понимал причины такого поведения.

Еле отдышавшись, она вытерла слезы, которые выступили в припадке.

– Ты серьезно думаешь, что решаешь свои проблемы? Что доказываешь родителям, что можешь выбирать сам? Ты, правда, в это веришь? – она искренне и удивлённо улыбалась.

– Что ты имеешь в виду? – По моей коже побежал холодок.

– Знаешь, если бы ты хотел сделать выбор сам, ты бы

давно свалил с института, который тебя бесит. Не стал пересаживаться с родительской шеи на Серегину. Придурок, ты даже продуктами в нашем доме не помогаешь! Ты бы устроился на работу и копил на свою мечту, сам снял жилье, доказывая родителям, что можешь! Доказывая, что ты достоин выбирать сам. У тебя вообще есть мечта? Есть цель? Есть увлечение? Сбежать с верой в то, что ты доказал свою правоту, причинив боль своим близким и при этом ни хрена не делать! Ты серьезно веришь, что разгребаешь проблемы? Кусок ничтожества! – она снова начала ржать, ее смех был злым.

Так меня не унижал никто и никогда. Я почувствовал, что оказался на дне. И самое ужасное, что мне нечем было ей ответить, я даже не мог возразить.

Женька посмотрела на меня с сожалением и отвращением, как на червяка, который выполз после дождя на асфальт, а я этим червём себя сейчас ощущал в полной мере. Она говорила словами отца, но ее слова были для меня похожими на наждачку, вскрывающую слой, который я с таким усердием замазывал.

– Знаешь, я тебе завидую, завидую такой черной завистью, что аж внутри все горит. – Ее голос охрип от горечи. – Завидую, что твои родители тебя любят, что они живы и хотят, чтобы у тебя все было, и не просто было, а было хорошо. А ты настолько непроходимо туп, что этого даже не осознаешь! Да, может они любят не так как тебе хотелось бы, но

как умеют. Я бы делала все, если бы мои родители были живы, я бы делала даже больше, лишь бы они были рядом. И была бы безмерно благодарна всему, что они мне дают. Я бы отдала всё, чтобы снова жить с ними в нашем доме и не быть обузой любимому человеку и родной сестре. Не жить в этом доме, не приходиться туда и делать вид, что в моей жизни все зашибись. Не мешать им нормально жить. Я бы отдала всё за то, что бы обнять маму и отца, сказать, что я их люблю. – Ее смех смыло болью и слезами, злостью и усталостью.

– Знаешь, чем мы отличаемся друг от друга? У меня есть цель – дожить до 18летия, уехать из этого дома и начать свою, нормальную жизнь. Я вкалываю после учебы, беру подработки и работаю ночью, я жду, когда наступит день, и я смогу уйти из под их опеки, смогу начать все заново, не наблюдая каждый день с завистью и болью, как самый любимый в мире человек любит не меня. Я хочу стать счастливой и чтобы они тоже были счастливы. А ты – кусок грязи, паразит, который живёт за счёт других и страдает от того, что ему не дали свободы! А ты ее заслужил? Что ты сделал для своей свободы? Берешь деньги у матери, учишься в институте, который оплачивает твой отец, живёшь в доме брата, при этом никак ему не помогая? Ты даже уборкой не помогаешь! И учишь других? В своем глазу бревна не видишь, а из моего щепку тянешь? Какое же ты дно! – Женя встала, потряхнув головой. С тяжёлым вздохом слезла с камня, пролетев мимо меня. Пошла в сторону дома, больше не глядя на

меня. Холодный ветер трепал ее короткие волосы, а я не мог сдвинуться с места.

Ни одно слово не пролетело мимо цели, ни один заданный ею вопрос не был задан неправильно. Я реально осознавал, что ни хрена не знаю, чего хочу, я ничего не умею и не могу жить без родительских денег. Меня словно облили ледяным дерьмом. Я сел на камень, на котором пару минут назад сидела Женя. В голове шумело. Накрыло стыдом и отчаянием. Такой грязи я никогда не ощущал. Холодный ветер жег щеки. Маленькая девочка, которая была младше меня, опустила меня в таз полный моих гнилых болячек и заставила стыдиться самого себя. Нахрена я вообще поперся за этой дурой?

Женька

Я сейчас чувствовала себя, словно я снова на похоронах. Мне будто вырвали внутренности, а в грудную клетку налили огня. Не знаю, как я смогла оттуда нормально уйти. Тело ломало, я даже не понимала куда иду. Осознала себя лишь на нашем с Серёгой месте. Тут мы всегда прятались от взрослых, часто бывали, когда не стало родителей.

Чувство отчаяния и густой боли накрыло с головой. Я начала реветь, я так не плакала на похоронах родителей, так не плакала на их свадьбе. Возможно, исчерпан какой-то внутренний лимит и мою дамбу прорвало. Грудь горела, не хватало воздуха.

И самое страшное, я даже никому не могла рассказать об этой боли. Друзей у меня особо и не было. Светка? У нее и так проблем выше крыши. Миша? У нас с ним просто секс. Он для меня лишь замена. Лена? А толку? Она и так знает, что я его люблю Серёжу, с того самого момента, как осознала себя. Что ей скажу? Что мне больно?

Или может Ему рассказать? И увидеть боль в Его глазах, услышать, как Ему жаль?

Я перестала сближаться с людьми после смерти родителей. Страх потерять близких людей сделал меня нелюдимиой. Я и раньше не особо шла на контакт. Хотя, как говорит Лена, что ко мне тянутся люди, и я этим пользуюсь. Что меня легко любить. С последними не соглашусь.

С Мишей я начала встречаться только из-за его внешности, ведь он так похож на Серёгу, высокий, худой с широкими плечами и такими же карими глазами. На этом собственно сходство заканчивается. Я решила попробовать вновь влюбиться. Хах, влюбилась? Почему нельзя приказать себе любить другого человека? Почему нельзя по щелчку пальцев перестать чувствовать?

В какой-то момент я осознала, что ничего больше нет. Нет родителей, нет нормальной семьи, что у Серёжи есть моя сестра! А я осталась одна, совсем одна.

Мне было так страшно, когда пришли из соцопеки, сказав, что определяют меня в детский дом. Тогда, стоя перед до-

мом родителей, я чётко поняла, что у меня вообще ничего не осталось. Меня словно рыбу выкинуло морем на сушу, и я лежу на берегу, не умея дышать. Тогда ко мне подошёл Серёга и сказал, что никому и никогда не позволит меня забрать. И тогда они с сестрой приняли решение – расписаться и стать моими "родителями". Продали наш дом, мы переехали к Орловым.

На следующий день после их свадьбы, я просто не смогла заставить себя вернуться в дом, где мне нет места. В дом, где нет папы и мамы, в дом, где тот, кого я люблю, женат на моей сестре. Не было сил этого сделать.

Я перебралась через забор дома, где выросла. Знала, что со двора есть окно в подвал, которое просто открыть. Был вечер, в доме никого не было, и царила тишина. Поднявшись из подвала, меня накрыло запахом мамы и папы, запахом нашей семьи, которой теперь нет. Слово пьяная я ходила по уже пустым комнатам. Поднялась в свою комнату, которая теперь не была моей. Долго лежала на полу в том месте, где раньше стояла моя кровать. Хотелось остаться тут навсегда.

Не помню, как оказалась на чердаке. Я улеглась в большой коробке с моими старыми мягкими игрушками, которую не стали забирать при переезде и заснула. Не знаю, сколько проспала, а проснувшись, просто лежала глядя в потолок и снова впадала в спячку. В какой-то момент поняла, что очень хочу пить и в туалет. Устроила грохот и меня нашли строители.

Потом несколько часов воплей и криков в мою сторону.

Уставшие и обеспокоенные глаза Сереги. Истерика сестры. А у меня внутри пустота.

С этой пустой я живу уже 3 года. С пустотой и желанием уехать из этого дома, полного боли. Уехать и попытаться начать свою жизнь, нормальную, а не ее подобие.

И казалось, я справляюсь. Не мешаю сестре и Серёже жить своей жизнью, стараюсь скорее повзрослеть, не приносить им неприятностей, хорошо учиться, а главное накопить денег, что бы съехать.

Как, оказалось, справляюсь я хреново. Сегодняшний вечер это доказал.

Как спрятать эту боль? Как не показать им, что я не могу так больше жить? Что надо сделать, чтобы выкинуть эти чувства в помойное ведро? Кто-нибудь, скажите?

Кажется, что меня смоем этой болью. Так больно, что нечем дышать.

За спиной хруст ветки. Меня выкидывает на поверхность моих чувств, поворачиваю голову. Какого хрена ему тут надо?

– Проваливай! Тебя тут не ждали. – Горло саднит от слёз. Грудную клетку сотрясает от всхлипов.

Этот человек во мне вызывает только раздражение. Он похож на комара, вроде его и не видно, но его жужжание бесит. Он один раз застал меня, когда я редела внизу, слушая, как Серёга и Лена занимаются любовью. Это было унижительно. Мне впервые в жизни захотелось причинить физическую

боль другому человеку. Но я просто его проигнорировала.

Вообще его присутствие в этом доме выбивает из колеи. Я тяжело схожусь с людьми, особенно когда они мне не нравятся.

Маменькин сынок, нытик со смазливим лицом и кучей претензий к миру. Если бы не Серёга, то парню пришлось бы не сладко. Пакастить я умею. Но останавливает один разговор на кухне с просьбой, быть к парню снисходительной, что ему надо повзрослеть и его родители ему как раз в этом не помогают.

И я решаю его просто игнорировать. Это легко, это я умею. Напрягает лишь его присутствие, столкновения в коридорах, завтраки и ужины, совместные просмотры фильмов.

Наверное, он красивый, мне сложно судить, ведь я не вижу других мужчин. Есть только один. Так было всегда.

Егор высокий, довольно мускулистый парень, блондин с голубыми глазами. Правильные черты лица. Но сам факт его незрелости и непонятных требований к этому миру... Делает его прозрачным в моих глазах.

А ещё он не понимает, что сидит на чужой шее. Даже я, учась, подрабатываю. Коплю деньги, но все равно стараюсь покупать продукты домой. Занимаюсь уборкой и готовкой, в свободное от учебы и работы время. А этот... Даже не могу подобрать слов. Просто взял и пересел с родительской шеи на Серегину.

– Ты его любишь?

Что??? Меня тряхнуло. Какого хрена? Откуда такой вопрос?

– Не твое собачье дело! Сказала, же, проваливай! – Меня передёргивает от отвращения, но по коже от страха ползут мурашки. Неужели все так очевидно?

– Это же бред, он женат на твоей сестре. Как ты можешь так жить?

– Ты идиот? Или может глухой? Я, конечно, догадывалась о твоём тугодумии, но не до такой степени. По слогам говорю ПРО-ВА-ЛИ-ВАЙ! Ферштейн! С какого перепугу все лезут в мою жизнь? Почему я должна отвечать на твои вопросы? – Чем больше он задает вопросов, тем сильнее желание причинить ему боль.

– Почему не скажешь ему!

Я удивлением смотрю на человека, не понимая, насколько можно быть таким тупым? Он серьезно сейчас?

– А ты забавный! Я смотрю у тебя все просто, да? То есть, ты считаешь, что если я скажу: "Серёж, я тебя люблю!", то что-то изменится в лучшую сторону? Лена не будет беременной, их брак аннулируется и все будут счастливы? Что он будет счастлив это услышать, и мы будем вместе? Или после этого моя любовь пройдет и никому не будет больно? – Мой голос совсем охрип.

– Я бы давно свалил из этого дома.

– Свалил? Да, смотрю, у тебя это неплохо выходит. Мо-

жет, и сейчас свалишь отсюда? – Оооо, как я этого хочу, хочу, чтобы это существо просто свалило куда-нибудь в туман, как ёжик с лошадьёу.

– Серьезно, как ты это терпишь?

– Я просто не хочу создавать им проблем. Они мои опекуны, соцзащита ходит к нам домой по 3 раза в год, я и они под постоянным наблюдением. Если они узнают, что я ушла из дома, всем будет не сладко. В отличие от тебя, я не бегаю от сложностей.. – Да какого хрена я перед ним распинаюсь? Почему пытаюсь что-то объяснить? Пришел какой-то хрен с горы и лезет в мою жизнь, ковыряя все мои болячки. Какое право он имеет на это?

И тут я поняла, что в голове отключился тумблер с предохранителем и моего Остапа понесло.

На парня был вылит полный ушат грязи. Я просто спустила его морально в унитаз. Хотя он просто попался под горячую руку и его, скорее всего, отправила за мной сестра, может он даже помочь хотел. Но мне было все равно, я просто выплескивала свои эмоции, раз уж пореветь нормально не дали.

Я половины не помню о том, что ему наговорила, но видимо, все мои слова попали точно в цель. С одной стороны я получила разрядку и удовольствие, что, наконец, заколотила личный жирный гвоздь в доску заниженной самооценки, человека который мне не нравился. С другой стороны мне было стыдно за своё поведение, что вылила свое дерьмо в душу

совершенно невинному парню.

Не глядя на него, я пулей пролетела мимо, оставив Егора тихо обтекать и пережёвывать то, что на него вывалили.

Итак... "Вечер перестал быть томным" – как говорил мой отец. Надо собрать себя в кучу, добраться до магазина, купить продуктов. А главное найти силы пережить этот вечер, изображая счастье и не сойти с ума. До магазина я дойду, продуктов куплю, а вот остальная часть плана кажется не выполнимой.

Где-то на середине дороги у меня включается автопилот. И я осознаю себя только стоя перед воротами дома. Напротив стоит зелёного вида Егор, видно, что я прибила его пыльным мешком, и он до сих пор от этого не отошёл. Как только дорогу назад нашёл? Протягиваю ему пакеты и открываю ворота во двор.

Ну, здравствуй, пыточная! Добрый вечер, мой персональный ад! Рисую на губах «счастливую» улыбку и вхожу в дом.

Егор

– Вы чего так долго? – Слышен обеспокоенный голос Сереги.

– В магазине толпа народу на кассе была.– Бурчу я, не понимая, зачем вру.

Женька смотрит на меня, как будто у меня выросла вторая голова. Я просто пожимаю плечами, снимаю обувь и одежду.

Подхватив пакеты с продуктами, я на них уставился. Новая волна стыда прокатилась по всему телу. Она сама на свои деньги купила все эти продукты.

– Ты чего на месте замер, придурок? – Слышу Женькин голос. И прихожу в себя. Смотрю на нее при свете и охреневаю. Она похожа на китайца, которого покусали осы и при этом он болен ветрянкой. Видимо холод и слезы сделали свое дело... Сглатываю и шепчу ей про зеркало.

Она смотрит на меня с непониманием. Как на полного идиота.

– Какое зеркало? – в глазах лёгкий шок, словно я сбежал из дурки.

– Морду свою в зеркало глянь, как жаба выглядишь. – Я разворачиваюсь и иду на кухню.

За спиной слышу ее стон ужаса и топот ног по ступенькам.

– Ты куда? – орет Ленка.

– Ей в туалет прижало, она всю дорогу стонала, что не донесёт. Только о толчке и говорила. – Говорю я.

Теперь и Лена смотрит на меня, как будто у меня выросла вторая голова.

– И Женя при тебе такое говорила? Не верю. Эт ж, какой уровень доверия у вас возник, чтоб она такое вещать тебе смогла?

– Это не доверие, скорее отвращение. Видимо со мной можно только на туалетные темы поговорить.

Серёга начинает ржать. Я улыбаюсь, Ленка хихикает.

Мы потихоньку начинаем накрывать на стол. Я мою и режу фрукты. Лена на скорую руку режет салат. Серега достает фужеры. И меня осеняет.

– А как мелкая алкоголь купила, ей же нет 18? – Спрашиваю я.

– Так я думал, что ты купил. – Серёга смотрит на меня с непониманием.

– А так я на улице ее ждал. Мне мама звонила. – Ляпнул я, понимая, что чуть не спалил контору.

В это время на кухню заходит Женька. Лицо хоть и припухло, но выглядит лучше, чем в коридоре.

– Да, там Светка на кассе работает. Она и помогла. Чего кипиш поднимать?

– Надеюсь, это происходит не на постоянной основе? И ты не так часто прибухиваешь? – Серьезно глядя на мелкую, спрашивает Серёга.

– Ага, прям в запой ухожу и именно поэтому дома не показываюсь и у Светки ночую! – смеется девушка. – Просто обрисовала обстановку, что у нас повод есть, она и пробила. Ладно, давайте уже праздновать.

– Тебе совсем чуть-чуть налью. – Говорит Серёга, наливая лишь пол фужера.

Женька начинает стонать и канючить, что она уже взрослый человек и ей через 45 дней будет 18.

Вот как так? Ещё 15 минут назад, она рыдала и обливала меня грязью. А теперь театр одного актера. Кто-нибудь дайте

ей Оскар в руки.

Что это? Какого хрена? Что за суперспособность? Как у нее это получается?

Если честно, мне никогда не было нужды что-то скрывать. Я всегда считал самым правильным высказать в лицо, все, что думаю о человеке или ситуации. Поэтому мы всегда ругались с отцом, и друзей настоящих было мало. Тех, кто был рядом из-за денег, легко смывала моя прямота. Нет, конечно, врать я умею. Врут все, но вот так прятать свои мысли и чувства, для меня это что-то за гранью. Неужели оно того стоит?

Если бы я ее не видел там, на камне в таком разбитом состоянии, то сейчас реально поверил бы в ее игру. Но глядя на то, как счастливо Женька улыбается, сразу понятно насколько фальшиво ее поведение.

Самое странное, что у меня совсем не было злости на нее. Есть сильный осадок, неприязнь за то унижение, которое до сих пор во мне бурлит. Но по какой-то причине злиться на нее не могу. Может это жалость. Как на котенка маленького, которого выкинули. Он орет, царапается и шипит. Но ты понимаешь, почему так происходит.

Может это из-за матери. Она часто срывала на мне злость, когда отец долго не появлялся дома. Потом просила прощения, и все вставало на свои места.

Только теперь видимо в моём мире все на свои места не встанет. Всему нужно искать новый порядок. И все из-за ее

слов.

– Егор. Егооор. Егооор! Ты чего завис? – Ленкин голос заставил меня вынырнуть из своих мыслей. Я вижу, что все они держат свои бокалы и смотрят на меня.

– А, да, простите, туплю. Поздравляю! – Звон бокалов, глоток вина. Что за пойло? Как это вообще можно пить, я начинаю кашлять.

– Что? Не в то горло пошло? Или вкус не нравится? Ну, уж простите, на большее у меня денег не хватило. – Женькин сарказм, снова макнул меня в порцию моего персонально дерьма, а ее рука больно хлопала по спине.

– Нее, я просто лишку хлебнул. Все нормально. – Сиплю я.

– Я голодная, как волк, а у нас одна трава на столе. Салат и фрукты. Не густо.

– На ночь есть вредно. – В ответ Жене сказала Лена, накладывая салат себе в тарелку.

– А то, что мы прибухиваем на ночь, нормально? – Смеётся мелкая.

– Вообще у меня сок, забыла? Мне теперь пить нельзя. – Лена улыбается.

А я вижу, как Женьку парализует на секунду ее ответ, и она опускает голову вниз, просто кивая.

– Да, точно, мне просто надо привыкнуть, что я скоро стану тетей. – Тихо отвечает она, с трудом поднимая взгляд на сестру, с вымученной улыбкой.

На несколько минут воцаряется тишина. Слышно только позвякивание приборов о тарелки, и хруст салата на наших зубах.

– А чего кислые-то все такие? – Женька протягивает пустой бокал Серёге. – Сегодня повод! Пьём!

Собственно, так вечер и прошел. Как выяснилось – Женька купила не одну бутылку, а две. И набралась. Весу в ней от силы 47 килограмм. Видимо 3 бокала для ее веса – ударная доза, которая тяжело стукнула по ее сознанию. А может пошло было не самым лучшим для ее организма? После 3го бокала, мелкая осела на стуле и ее начало выключать.

Серёга встал и сказал, что отведет ее спать. А она и не сопротивлялась.

Мы остались с Леной вдвоём. Она очень странно посмотрела на этих двоих. А потом начала говорить, как только шаги наверху стихли.

– Иногда я им завидую, – она кивает в сторону второго этажа, – они с самого детства, как две обезьянки. Знаешь, таких по телеку показывают – она на нем висит, а он на ней насекомых ищет. Иногда кажется, что он ей больше родня, чем я. Как родной старший брат. Я в детстве очень часто болела, мама со мной моталась по больницам, с почками были проблемы. Наверное, поэтому я так и не могла с ней найти общий язык, так как мало проводила с сестрой времени. Отец всегда был в рейсах. И мелкая часто оставалась у Се-

региных родителей. А именно с ним. Он ее на горшок сажал, попец ей вытирал. Книжки читал. Она с ним везде ходила. Я всегда ждала, когда он на нее жаловаться начнет, как я. Что она надоела, что ему хватает своих дел. Но он не жаловался никогда. Забирал ее из садика. Гулял с ней. Когда она подросла и стала ходить в школу, он всегда ее встречал, уроки учил с ней.

Я вообще с Женькой плохо лажу. Мы с ней очень разные. Да и с Серёгой я особо не ладила. За год до смерти родителей, мы отдыхали в одной компании. Выпили, ну и так получилось, что переспали. С тех пор вместе... – Лена улыбалась каким-то своим воспоминаниям. – Помню, когда он мне встречаться предложил, мелкая мне чуть все волосы не вырвала на голове. Орала, что не позволит. А потом совсем стало туго, начала вещи мои портить, одежду красками оболъет, тетради разрисует, шмотки на улицу мои выкинет, даже воротник на моем пальто побрила. – Лёгкий хохот. – Отец ей тогда ввалил, объяснил, что эти вещи не даются семье бесплатно. Она подпритихла, вещи портить перестала.

Но ее протест не закончился, то соли в чай навалит, то сахара в суп... Стала ходить на все наши свидания с Серёгой, мешать. Чтобы поцеловаться, надо было ее спать уложить и сбежать из дома.

А потом не стало родителей. – Улыбка Лены стала печальной. – И тогда Женька полностью изменилась. Она перестала вести себя как ребенок. Раньше не заткнешь, плюс сто

пятьсот слов в минуту. А тут и слова не вытянешь. Слишком взрослое поведение, не так давно на работу устроилась. Дома почти не показывается.

Мы с Серёгой стараемся, как можем заменить ей родителей, но это очень сложно. Особенно Серёга старается. У них связь, наверное, на ментальном уровне.— Лена снова смеётся, но смех очень грустный. — Иногда, когда они что-то делают вместе, то им даже говорить не надо, словно один организм все выполняет. Так забавно выглядит. Я даже иногда ревную.

Я сразу понял, о чём она, та самая атмосфера, когда они вдвоем.

— Ладно, болтаю много. Надо убрать все и посуду помыть. — Лена встала из-за стола. Начала собирать тарелки.

— Ээм, Лен, давай я сам. Ты скоро мамой станешь, да и день тяжёлый был. — Я понимаю, что больше не хочу быть бесплатным приложением в этом доме.

— Охх, какой ты милашка. — Лена ласково гладит меня по голове. Разворачивается и собирается уходить. Но на полушаге останавливается и спрашивает. — Она плакала? — В глазах печаль.

— Ты о чём? И почему она должна плакать? — Спрашиваю я, пугаясь подобного вопроса. Неужели Лена знает, что Женька любит Серёгу? Тогда это для мелкой просто пыточная камера.

— Да нет, ни о чем, забей. — Она кивает головой чему-то понятному ей одной и уходит спать.

Посуды немного, минут 10 и на кухне порядок. Поднимаюсь наверх. В комнату Женьки слегка приоткрыта дверь. И я вижу, как Серёга, укутав девушку, смотрит на нее ласково, проводя по ее волосам рукой. Наклоняется и целует в лоб.

Я смущён от такой нежности. Серёга замечает меня, так же смущённо улыбается. Встаёт с кровати и тихо закрывает за собой дверь в ее комнату.

– Перебрала. Переживаю за нее. Она мне как младшая сестрёнка. Удивлен? – Он улыбается и смотрит мне в глаза прямо.

– Да, нет. Я же знаю, что ты ей, как брат родной.

Хочется сказать ему, что ей не нужна от него такая забота, что именно этой братской любовью он и делает ей только больнее. Но это не моё дело. Свое дерьмо теперь надо разгребать.

Он тихо кивает, желает спокойной ночи и уходит спать. А я остаюсь в коридоре между своей комнатой и ее. Меня оглушает тишина и одиночество, которого я очень боялся этим вечером. Ведь придется встретиться со своими демонами, которых разбудил холодный душ от человека, спящего сейчас сном младенца.

Как и ожидалось, я не могу уснуть. Меня накрыло прошедшим вечером и его событиями. В голове была каша от мыслей. И как привести их в порядок, я не знал.

Сначала была стадия отрицания. Что никто не имеет пра-

ва указывать мне на мои ошибки. И что она не видит всей ситуации в целом. Что я прикладываю много усилий для того, чтобы все исправить – за учебу взялся, не шарахаюсь по клубам, не бухаю. И вроде совесть поутихла, и я даже попытался уснуть.

Не, ну какова сволочь, а? Вылить на меня столько дерьма! Ворочаясь с боку на бок, все сильнее приходило понимание, что я больше не хочу быть обузой, ни для кого.

Но из этого вытекает очень много вопросов, на которые у меня нет ответа. Где брать деньги? У родителей точно больше не хочу. Мелкая права, я орал, что хочу самостоятельности и за меня не должны решать, как мне жить. Но сам я ничего не решаю и ничего не умею. Мало того, я не знаю сам, чем хочу заниматься. Хах, я всю жизнь подчинялся родительским указам и безвольно принимал, как должное то, что они считали правильным.

Меня интересовали только компьютерные игры, иногда книги. Чуть старше только клубы, отдых и бабы. Я ни чем не интересовался, ни чем не увлекался. Да, конечно по классике – музыкалка в начальных классах, до 9 класса хоккей. И все... Институт тот, что выбрал отец, специальность тоже.

Я завыл. Как так получилось, что я жил как овощ? Всегда считал, что у меня есть свое мнение и я не пустое место. Родительские деньги, статус, добавляли моей самооценке значимость. И теперь, где она эта самооценка? Смыта в унитаз со всеми моими ценностями и взглядами на жизнь. Да да-

же взгляды эти были не моими, а навязанные родителями и привычной средой.

Бросать институт теперь я тоже не горел желанием, единственное, что я сейчас могу делать сам – учиться. Хвосты я подтянул и даже наладил нормальное отношение с преподами. Учеба всегда давалась легко, если я не ленился.

Теперь нужно найти подработку. Но где, кем? Грузчиком, это вряд-ли. Продавец, из меня тоже ни какой. Официант? Мне даже смешно стало. Автомастерские, тоже не мой вариант. Мозг ныл от отсутствия вариантов. Решил отпустить этот вопрос до завтра. Сяду за авито, хедхантер и посмотрю, где можно подработать завтра. Или, в крайнем случае, спрошу Леху в понедельник.

Нужно ли теперь помириться с отцом, объяснить ему, что я больше не хочу сидеть на его шее и начну вести себя как взрослый человек, что осознал, насколько по-детски себя вел? Но я сразу представил победный взгляд бати и мне поплохело. Нет, наверное, рановато.

Теперь другой насущный вопрос – жилье! Домой точно не вернусь, хочется, наконец, самому научиться управлять своей жизнью. Самому принимать решения и двигаться в том направлении, которое выберу сам, а не отец. Можно, конечно, остаться тут, но теперь понимаю, что без подработки и помощи в этом доме будет стыдно оставаться жить как иждивенец. Снимать, без подработки тоже не вариант. И снова я уперся в работу... У матери деньги теперь брать не хотелось.

Это надо чтобы так повернулся весь мой мир за один вечер? Стыд обжег лицо. Никогда в жизни меня так не душили эмоции. И все из-за одного разговора. Конечно, меня и раньше посещали все эти мысли, но они казались какими-то смешными и банальными. Но только после того, как Женя назвала меня дном, я понял, что я на дне.

Еще один вопрос – почему именно эта девушка? Были диалоги с матерью, с отцом, Серегой, даже Леха спрашивал, чего я вообще хочу от жизни. И ни один из них так сильно на меня не повлиял. Возможно, это ее тупая прямота, то, что она не скрывала всё за красивыми успокаивающими словами. Возможно, что ее неприязнь открыто проливала свет на мою незрелость. Может ее смех и искреннее удивление на то, что я твердо уверен, что разгребаю свои проблемы, а не бегу от них.

Еще моя бесила реакция на этого человека. Меня никогда так никто не раздражал. Никто никогда так не выводил из равновесия. Никогда так никто не удивлял и не вызывал подобных эмоций. Да что со мной?

Еще в воздухе висели вопросы по поводу происходящего в этом доме. Ленка знает, что мелкая любит Серегу? Что за парень, с которым она тогда обжималась? Как себя дальше будет вести Женька? Знает ли Серега о чувствах девушки? Почему он так себя с ней ведет? Неужели это только братские чувства? То как он сегодня на нее смотрел, на спящую. В этом взгляде было столько эмоций. Напугали и мои эмо-

ции в ответ на эту сцену.

Какого хрена со мной происходит?

Я всегда был довольно чувствительным. Может, сказались постоянные скандалы дома? Может я перенял мамин характер?

Не в силах больше терпеть этот поток мыслей и вопросов я встал, и решил выпить воды. Тихо выйдя из комнаты, я направился к лестнице. И тут услышал внизу звуки. Они доносились из ванной на первом этаже.

Говорил Серега и жалобно отвечала мелкая. Я спустился и стал подслушивать.

– А не фиг было столько пить.

– Сереж, я не маленькая. Иди спать. Я справлюсь сама.

– Сама? Ты себя видела вообще? Зеленого цвета! Женя, так нельзя.

– ММММ. – Звуки рвоты, шумные вздохи, слив унитаза, звуки воды. Слабые протесты. – Я сама!

– Ну, что мне с тобой делать? – Серегино ворчание.

– Пить принеси.

Я ломанулся наверх, не хотелось, чтобы меня застали за подслушиванием. Открылась и закрылась дверь в ванную. Снова звуки рвоты. На кухне звон посуды. Звук льющейся воды в чашку, снова шаги. Открылась дверь в ванную.

– Ты как? – слышен обеспокоенный голос Сереги. – На, я угля принес.

– Спасибо.

– Давай ты так больше пить не будешь, я переживаю.

– Я выпила то всего 3 бокала. Ну, что ты как папочка? Сам не напивался ни разу что ли? Все через это проходят! – Женька слабо сопротивлялась.

– 3 бокала для непьющего человека, тем более для твоих 47 килограмм... Не надо было тебе разрешать пить. Легче стало? Давай отведу наверх.

– Я сама, не надо. Я правда в порядке.

Послышались шорохи. Топот ног, шаги по лестнице. Я тихо проскользнул в свою комнату. Прислушиваясь к звукам за дверью. Шаги, закрылась дверь. Звуки стихли. Минут 5 я стоял, не зная, что делать – идти спать или все-таки попить воды.

Чуть приоткрыв дверь, я увидел Серегу, который стоял спиной ко мне, прислонившись лбом к Женькиной двери. Видимо он был настолько поглощен своими мыслями, что не увидел меня. Я услышал его тихий шепот.

– Я не знаю, что мне делать, правда, не знаю. Кто-нибудь, подскажите мне.

Я тихо закрыл за собой дверь. Присел на пол. Вопросов стало еще больше.

Суббота выдалась тихая. Лена и Серега уехали в больницу, сказали, что потом сразу поедут к друзьям и вернутся поздно. Женька отсыпалась, видимо похмелье не дало поднять голову с подушки.

Я попытался приготовить поесть, но яичница сгорела, как и надежда на нормальный завтрак. Бутеры, кофе, конечно, спасли ситуацию, но ненадолго. К обеду занял желудок. Лена и Серега уехали рано, в холодильнике было пусто. Я сидел в гостиной и понимал, насколько я жалок, даже поесть не могу приготовить сам. Мое самобичевание прервали шаги по лестнице. В кухню проплыла сонная Женька.

Звук воды, льющейся в чашку, шумные глотки, боромтанье. Открылась и закрылась дверца холодильника. Звякнул чайник на плите.

– Как же я хочу сдохнуть... ММММ. Почему так все болит? – тихо ныла Женя.

Я встал с дивана и направился на кухню. Увидев меня, девушка поморщилась.

– Живая?

– А разве не видно, что нет? Меня будто бегемотом пожевало. – Мелкая полусидела за столом или полулежала, распластавшись верхней частью тела на столешнице, она прижимала ко лбу стакан с холодной водой. – Где Орловы?

– В больницу, а потом к друзьям, вернутся поздно.

Она промычала что-то нечленораздельное, отклеила себя от стола и двинулась к холодильнику. Достала из морозилки окорочок и сунула его в микроволновку на разморозку.

– Прости, я не умею готовить. – Мне было неловко.

– Да норм, я в тебе и не сомневалась. – Хмыкнула Женька.

Наступило неловкое молчание. Только Женькина суета

делала его не таким осязаемым. Она достала несколько картофелин, помыла и положила напротив меня. Воткнула в руки какую-то странную штуку и сказала чистить.

– Что чистить?

– Картошку. Не заставляй меня еще больше усомниться в твоих умственных способностях.

– Аааа. Хорошо.

Я смотрел на картошку, на непонятный предмет в правой руке и не мог понять, что делать. Женька застонала, глядя на меня. Подошла ко мне, вложила мне в левую руку картошину, обхватила мою правую и стала показывать, как чистить картошку картофелечисткой. Словно маленького ребенка учила.

Меня обдало запахом шампуня и зубной пасты. Ее ладони были прохладными, я перестал дышать. Пара движений и она отпустила меня.

– Ферштейн? Справишься? – в глазах вопрос.

Я лишь утвердительно кивнул, стараясь не выдать своего смущения. А она уже на меня не смотрела, доставая курицу из микроволновки.

Мое лицо пылало, руки тряслись, в груди бухало. Я чувствовал себя подростком. Хотелось застонать от досады, за свои эмоции.

Решив сосредоточиться на картошке, я пытался успокоиться. Сам процесс оказался не таким уж и сложным.

Женька налив воды в кастрюлю, закинула в нее курицу и

взялась за морковь. Но вдруг резко повернулась ко мне, я аж испугался.

Ее лицо пылало, сейчас даже не знаю, кто из нас был краснее, она или я. Я чуть не выронил картофелечистку и уставился с немым вопросом на мелкую.

– Прости!

Я тихо охренел от этого слова.

– За что?

– За вчера. – Она опустила голову и покраснела еще сильнее. – Я не должна была выливать на тебя вчера все свои эмоции, и не должна была тебе все это говорить. Мне очень стыдно за это. Мне правда очень стыдно!

– Ддда все нормально. – Я был в осадке. Впервые в жизни предо мной вот так извинялись и признавали, что стыдно. Вообще в первый раз слышу от кого-то фразу «мне стыдно», это что-то из области садика или начальной школы. – Я тоже был не прав, не надо было лезть не в свои дела. И если честно, во многом ты права. Конечно, осадок от вчерашнего сильный. Но тоже думаю, что должен извиниться. – Я понял, что покраснел настолько, насколько это вообще возможно. Ситуация выходила из-под контроля. Испанский стыд! Что ж такое то?

Она в ответ просто кивнула и отвернулась, рьяно чистя морковку. Ее уши горели. А я не мог перестать смотреть ей в спину. Первый раз я оказался в настолько неловкой ситуации.

– Перестань. – Не поворачиваясь ко мне лицом, ляпнула Женя.

– Что? – Я опешил.

– Перестань пялиться на меня, это очень смущает. Просто чисть эту долбанную картошку и давай закроем эту тему. – Ее голос звучал хрипло.

Я сглотнул и уставился на гору очисток и сказал, что она почищена.

– Так помой и нарезать надо, чего сидишь? Очистки выкинь. И только не говори, что не умеешь резать?

– Да думаю, справлюсь! – Хохотнул я и двинулся к мойке с картошкой в руках.

– Ну и славно. – Девушка выдохнула.

Сполоснув водой овощи, я вернулся за стол.

Каждый занимался своим делом, неловкость не проходила и мелкая включила музыку. Из ее телефона орал Наутилус с «Одинокой птицей», потом Звери с «Районами-кварталами». Вкус в музыке у нее явно Серегин. Но в этот раз девушка не подпевала. Постепенно я расслабился, в ней тоже исчезло напряжение. Каждый был занят своим делом.

Сидя с ней на кухне я понял, почему в доме так уютно. Именно Женька создавала это тепло. С ней было удобно молчать. И именно в тот момент я осознал, что она мне нравится. И это не просто тупая симпатия. Неужели я настолько инфантильный, что мне хватило полтора месяца чтобы вляпаться в такое дерьмо?

Это осознание накрыло с головой.

Так, нет. НЕТ! СТОП!

Надо рассуждать логически.

Меня к ней тянет. Мне нравится ее прямота, нравится ее непосредственность. Меня к ней тянет физически, это сложно отрицать. Она довольно милая.

Да не! Не может быть! Бред! Меня начало тошнить.

– С тобой все хорошо? – Я поднял глаза и увидел, что Женья смотрит на меня обеспокоенным взглядом. – Ты зеленого цвета.

Она не спеша подошла и положила мне на лоб свою прохладную ладонь. Я думал, что сейчас рухну со стула на пол. Дыхание сбилось, все, что я видел перед собой – ее серо-зеленые глаза. Мозг отказал.

– Слушай, может у тебя тоже похмелье?

Я просто кивнул, выходя из транса. Она убрала руку и двинулась к плите. Домашнее серое хлопковое платье, оголяло стройные ноги. Плавные движения завораживали. Короткие волосы подчеркивали изгиб шеи. Я увидел над воротом платья небольшое родимое пятно на левом плече. Глаза спустились на область чуть ниже поясницы и усталились на ее аккуратные ягодички. С трудом сглотнув, я встал из-за стола. Отдал ей тарелку, с порезанной кое-как картошкой, и сославшись на сильное головокружение, двинулся как во сне в свою комнату.

– Я позову, как будет готов обед. – Крикнула мне в след

Женька.

Рухнув в своей комнате на кровать, я уставился в потолок. Что мне с этим делать? Я застонал, закрыв руками лицо. Она даже не в моем вкусе! У нее отвратительный характер.

Да какого хрена?! Машу Вать! Что со мной не так? Почему именно она? Что вообще с этим делать?

Моя психика скоро даст сбой. Я уже не справляюсь с тем, что на меня навалилось. Раньше все было так просто и все было так правильно. Был я, были родители, были их требования и я двигался как рыба по течению. Теперь меня выкинуло на берег, и я лежал, не умея дышать, барахтаясь в своих проблемах и мыслях, как в песке. Я вообще не знаю, когда в последний раз столько думал!

Проходили минуты, меня не отпускало. Стук в дверь, потом послышался голос Женьки.

– Ты как? – в голосе слышны обеспокоенные нотки.

Только не заходи в комнату, прошу, очень прошу, оставайся за дверью. Но увы, она не услышала моих мыслей и тихо зашла. Видно, что ей неловко. Я сажусь на кровати. Смотрю на нее.

Что вообще меня в ней привлекло? Рост метр шестьдесят, вес 47 кг. Темные короткие волосы, стрижка практически под мальчика. Бледное лицо, мелкие веснушки на переносице и щеках. Большие серо-зеленые глаза, пухлые губы. Длинная шея. Почти птичье строение тела. Стройные, почти худые ноги. Грудь первого размера. Вся какая-то недозрос-

лая. Она же как гном, или хоббит. Надень не нее шапочку, сделай заостренные уши и можно в кино снимать. Что это хрень вообще? Как я так вляпался?

– Эй, ты чего? Совсем плохо, да? – полушепотом спрашивает она.

Я заставляю себя собраться в кучу.

– Уже лучше. – Мой голос охрип.

– Тогда пойдем есть, обед готов.

– Угу. Поднимаюсь с кровати и иду за ней следом.

Она доходит мне до середины груди. Ниже меня головы на три. Мы тихо спускаемся по ступенькам, заходим на кухню. На столе уже стоят тарелки с супом.

– Я сегодня не повар, так на скорую руку. Майонез надо? – спрашивает она.

– Нет. Спасибо. – Пробую суп. – Вкусно.

– Ну и хорошо. После похмелья такой суп, самое оно. –

Она улыбается.

У меня сводит желудок. Я так больше не могу. Кое-как доев суп, говорю, что сам помою посуду. Забираю ее тарелку. Хочется быстрее уйти от нее подальше.

Женька пьет чай, смотрит в телефоне какую-то ересь в ютубе. Хихикает.

Тарелки, кастрюля, сковорода, разделочные доски, ложки, ножи... Чувствую легкое прикосновение локтя к своему боку, Женька ставит свою чашку в мойку.

– Спасибо за помощь. – Эти несколько слов и легкое при-

косновение вызывают волну мурашек по всему телу. Она уходит, оставив меня в раздавленном состоянии.

Мои руки трясутся. Всего лишь легкое касание, а я уже мозг потерял. Что за фигня?

Остаток дня проходит тихо. Женька не вылезает из своей комнаты, ее вообще сегодня практически не слышно. А я пытаюсь привести свои мысли в порядок. Ну почему сегодня выходной? Решаю сесть за учебу. Хоть так успокоюсь.

Экономика, английский... Стук в дверь. Снова ее голова в дверном проеме.

– Егор, я уехала. Ленке и Сереге скажи, что я с ночевкой у Светки. В холодильнике картошка и салат. – Дверь за ней тихо закрывается. Шаги по лестнице, через минуту хлопает дверь. Меня оглушает тишиной.

Я подхожу к окну и вижу, что Женька садится в машину. И я сразу понимаю в чью. У этой машины она целовалась с парнем. Светка, да? Внутренности скручивает в клубок. Меня накрывает злостью и бессилием. Еще ревности в моем арсенале не хватало. Сегодняшний день грозитя меня добить.

Вечер я провел за каким-то тупым фильмом, смысл которого перестал понимать на 20 минуте просмотра. Чувствовал себя выжатым, как лимон, лежал на кровати и смотрел, как в ноуте мелькали кадры. В районе 10 хлопнула дверь, послышался диалог Лены и Сереги.

– Дома кто есть? – Крик Сереги.

Пришлось встать. Хотя... Это повод отвлечь себя от мыслей. Я спустился на кухню. Серега разбирал пакеты, Лена ставила чайник.

– А Женька где? – Через плечо спросила Лена.

– Сказала, что у Светки будет ночевать.

– Она вчера перепила, а сегодня умотала гулять. Вообще мозгов нет. Придет домой схлопочет от меня по первое число. – Видно было, что Серега сердится.

– Ей через месяц будет 18. Она должна отдыхать. И вообще должна быть нормальным подростком, а не вести себя как сорокалетняя женщина, которая только о работе и думает. Отстань от ребенка. Путь гуляет. – Ленка достала конфеты и зеленый чай.

Серега что-то сердито пробурчал под нос и пошел переодеваться.

– Умотала я его. Устал, мой мужчина. – С улыбкой сказала Ленка. – Выключишь чайник, я тоже хочу переодеться.

На кухне стало тихо, только шумела вода в чайнике. Тикали часы на стене.

Первым пришел Серега, разлил чай. Спросил, как прошел день, не ругались ли мы с мелкой. Обычная мирная беседа. Следом пришла Лена в своем розовом халате.

А я посмотрел на Серегу теперь другими глазами. Что в нем такого, за что она его любит?

Немного угловатые черты лица. Темные волосы, карие глаза. Он на голову ниже меня, худее. Более поджарый. И тут

я понял. Что они похожи с мелкой. Как будто и правда брат с сестрой. Раньше я этого не замечал, но сейчас именно это пришло на ум. И дело не только во внешности, его жесты, манера речи, ямочка на левой щеке. Чем больше я смотрел, тем сильнее замечал сходство. Неужели мама Ленки и Женьки загуляла с Серегиным отцом?

Боже!!! Что за бред? Наверное, я поехал кукухой. Встряхнув головой, я допил чай.

– Я спать пошла.

На какое-то время воцарилась тишина. Шуршание фантиков, глотки чая.

– Ты как в целом? Освоился? Как учеба?

В этом весь Серега – сама забота и участие. И именно это в нем начинало бесить.

– Да, вполне. Сначала было туговато, но сейчас втянулся. – На ум пришли Женькины извинения. – Я хотел извиниться.

– За что? – удивился Серега.

– За то, что вторгся в вашу жизнь, сел к вам на шею и не особо помогал. Сейчас разгребся с учебой, найду в этом месяце подработку и буду помогать.

– Да, брось. Я все понимаю. Всеу свое время. – Он ухмыльнулся. – А ты взрослеешь. По подработке спроси Женьку. Она подгонит со своей второй работы. Ты с инетом ладишь. Да и она подскажет.

– Ты уверен? – Я поднял на Серегу глаза.

– Ага. Она хоть и вонючка, но очень отзывчивая. Да и к тебе у нее негатив исчез. Вы вроде ладите.

Ладим? За эти сутки она мне мир перевернула вверх дном. Ладим, блин!

– Или хочешь, я сам с ней поговорю?

– Нет, я справлюсь. Не настолько я тупой и беспомощный. – Успокаиваю я Серегу. – Как ты вообще с ней ладишь? Она ж как ходячее бедствие. – Спрашиваю я.

– Хуже. – Ржет Серега. – Не знаю. Наверное, привык. Она просто часть моей жизни, всегда так было. Это знаешь, как больная поджелудочная. Болит, но ты с ней живешь с диетами, правильным питанием. Ты же не задаешься вопросом, как живет, например, с печенью? Она просто есть и это часть тебя. Так же и с ней. Знаешь, иногда мне становится очень страшно, что она уедет из этого дома и ее не будет рядом. Так сейчас себя, скорее всего, чувствуют твои родители. – Он грустно хмыкнул.

И тут я его начал понимать, причины его поведения. Всю свою сознательную жизнь она была рядом с ним. Постоянная забота о ней, привязала ее к нему, сделала их одинаковыми. Он подстраивался под нее, она под него. Они перенимали у друг друга привычки годами.

– Знаешь, когда пришли из соцопеки и сказали, что ее заберут в детский дом, я испытал такой страх и ужас, которого не испытывал даже тогда, когда не стало родителей. Ощущение полной беспомощности, накрыло и не отпускало. Я не

мог представить, что Женьки не будет рядом. Вся моя жизнь проходила рядом с ней. Не смотря на то, что она младше меня, Женька всегда во всем меня поддерживала. Хорошо, что мы с Леной нашли решение. Но знаешь, я не справляюсь. Возможно, брат из меня хороший, но вот с ролью отца не получается. – Его улыбка была очень печальной. – А через несколько месяцев я стану настоящим отцом. Я совсем к этому не готов.

– У тебя была отличная практика. Женька в этом для тебя стала не хилой методичкой. – Я похлопал брата по плечу.

Он кивнул.

– Наверное, ты прав. Ладно, поздно уже, я в душ и спать. – Серега сполоснул кружку. – Спокойной ночи.

Стихли шаги, меня накрыло новыми мыслями. Так много я никогда не думал. Еще сутки назад все было так просто. А теперь? Что делать с этими чувствами?

Я набрал Алискин номер, сказал, что сейчас приеду.

– Алис, только очень прошу, не лей на себя эти духи.

– Ладно. – В ее голосе послышалось удивление.

Я переоделся, вызвал такси. Заехал в аптеку, купил резинки. Мне нужна разрядка, еще купил вина. 20 минут и я у Алисы.

Секс не принес удовольствия. Алиса не вызвала вообще никаких эмоций, не смотря на все приложенные ей усилия. Все мои мысли крутились вокруг Женьки, разрядку я полу-

чил, только когда представил ее вместо Алисы. Это принесло только ощущение опустошенности.

Алиска уснула. Я налил вина в бокал и сел у окна. Обычная хмурая декабрьская ночь. По дороге за окном проносились редкие машины, таща за собой поземку. Летел редкий снег. Что ж мне так паршиво то? Я перевел взгляд на спящую девушку. В голове возник вопрос. А Женька сейчас спит?

Я представил ее с другим парнем. Настроение испортилось еще сильнее. Надо сходить в душ.

Теплые струи воды стекали по телу, смывая запах Алисы. Я начал вспоминать, как пена скользила по Женькиному телу в тот вечер, когда я увидел ее голой. Несколько мгновений хватило, чтобы вся кровь в моем теле устремилась вниз.

Я представил, как ее худенькое гибкое тело двигается подо мной, как она стонет. Волна возбуждения была такой сильной, а разрядка такой мощной, что я сполз в ванную, ловя глубокими вдохами воздух.

Блять! Сука... так хотелось орать матом, громко и долго. Пока горло не начнет болеть и я не проору все мысли и эмоции.

Что мне делать? Внезапно перед глазами встал Серега, когда он стоял перед Женькиной дверью и его фраза «Я не знаю, что мне делать, правда, не знаю. Кто-нибудь, подскажите мне». Мои мысли были ровно такими же.

Меня захлестнуло такой волной отчаяния. Почему именно Она? Не Алиса, или любая из моих подружек, а именно

она? Та, которая любит моего брата, который любит Лену. Какой-то бред. Как вылезать из этого состояния? Что делать дальше?

Молча я вылез из ванной, тихо оделся и вышел из Алисиной квартиры. Нужно проветрить голову.

Решил пройтись пешком.

Тихий спальный район, редкие машины. В окнах гаснут огни. Снег блестит под светом желтых фонарей. Ветер разметает его в разные стороны. Холод постепенно приводит мои мысли в порядок. Я решил снова провести анализ.

Это точно не влюбленность! Возможно это все из-за смен обстановки, стрессовой ситуации. Снова не отрицаю, что меня влечет физически, но это нормально. Мы живем в одном доме, возраст у нас примерно одинаковый, я физически здоровый парень с нормальной потенцией. Она конечно не в моем вкусе, но не страшная, даже милая. А то, что я увидел ее голышом, подлило масла в огонь. Подкупает ее прямота, честность. Еще все эмоции подогревает мое любопытство, ведь наблюдая за ней, я увидел, то чего видеть не надо было. К тому же Женька настолько точно ткнула во все мои болячки, проблемы и сложности, что это не могло не повлиять на мое эмоциональное состояние. И я принял всё это за влюбленность. Поспешил с выводами и сам себе расшатал нервы.

Эти выводы меня успокоили. Я выдохнул.

Неспеша я шел по городу, воткнув в уши наушники. Мимо пролетали редкие машины, на другой стороне улицы пья-

ная компания шумной толпой куда-то спешила. Желтые фонари окрашивали снег в апельсиновый цвет.

Найдя всему логическое объяснение и разложив мысли по полочкам, мне стало легче. Ситуация перестала быть тупиковой, многое показалось понятным. Около часа ушло для того чтобы добраться до дома Орловых.

Я тихо открыл дверь своим ключом, меня снова окутало запахом этого дома. Тепло обняло и заставило думать о мягкой постели. Несколько глотков воды на кухне, подъем по лестнице, и я стою напротив Женькиной комнаты. И тут меня осенило, что в ней я не был ни разу за время проживания в этом доме. Оглядываюсь назад, прислушиваясь к живой тишине дома. Лай собаки за окном, тиканье часов на кухне, шум холодильника. Решаюсь и осторожно открываю дверь ее комнаты.

В комнате пахнет Женькой. Запах окутывает меня, как одеяло. Глубокие тени четко очерчивают черным цветом каждый предмет комнаты, но смазывает мелкие детали. Раньше это была Серегина комната, было бы смешно, если бы она выбрала другую.

Я включаю светильник на столе, обвожу интерьер глазами. Уютная небольшая комната в светлых тонах. Все осталось практически таким же с Серегиной юности, когда он тут жил.

Та же полутороспальная кровать из натурального дерева. Рядом та же тумбочка, только с книгой и фото в рамке. Подхожу и беру рамку в руки, разглядываю, на фото Женя вме-

сте с родителями, улыбается такой улыбкой, которую я никогда не видел. Она очень похожа на свою мать. Только скулы и цвет глаз в отца. На этом фото ей лет 12 не больше. Ставлю фото назад на тумбочку, беру в руки книгу – Алексей Пехов «Хроники Сиалы. Вьюга теней». Читаю аннотацию, тихо смеюсь – фантази. Ну конечно, что же еще должен читать гномохоббит? Пролистываю книгу, вижу, что в книге есть закладка, пальцем поддеваю страницы и вижу то, от чего перехватывает дыхание. Закладка – фотография, на которой идет подушечный бой Сереги и Жени.

Фото сделано в этой комнате. Оба смеются, ее подушка застыла над его головой. Серега прикрывает ладонью лоб. Если постараться, можно заставить воображение заставить двигаться эту картинку и даже услышать смех этих двоих. На фото Жене лет 12-13 не больше. Еще более тощая, угловатая, волосы не обрезаны и разлетаются на фото как одуванчик.

Я тихо возвращаю книгу с фотографией на место. Поворачиваю голову, продолжая осматривать комнату. Большое окно, подоконник завален подушками и пледом, видимо она часто на нем сидит. На столе рядом с окошком куча тетрадей, ручки, карандаши, рисунки. Подхожу к столу, беру один из рисунков в руки.

А она неплохо рисует, правда не ей не хватает знаний анатомии и пропорций, но сходство поразительно. На листке бумаги Серега и Лена, улыбаются, карандашный набросок схватил самые запоминающиеся их черты лиц. На другом

рисунке Серега один, сидит, склонившись над книгой. Еще на одном Женя нарисовала саму себя, но ее лицо зачеркано так, что рисунок едва проглядывает, сквозь грифель карандаша. Мне становится грустно, я возвращаю рисунок назад.

На кровати лежит ноутбук. Над кроватью на обоях на булавки приколоты куча разных фотографий, которых я не заметил раньше. Подхожу и изучаю. Родители, Серега, Ленка, Женька с какой-то рыжей девушкой, природа, фото старого дома, много фотографий черно-белого кота. Натыкаюсь взглядом на одно фото, где Женя сидит в кафе с кучей друзей, ее за плечи обнимает парень очень похожий на Серегу, его взгляд направлен не в объектив камеры, а на девушку, которую держит в объятиях. Я провожу по фото пальцем, в желудке сжимается узел. Трясу головой, двигаясь дальше по комнате.

Напротив кровати большой стеллаж с кучей книг. Все они Серегины. Есть полка с мангой, беру одну, пролистываю страницы с картинками. Возвращаю назад. Шагаю дальше, рядом со стеллажом стоит стул, на котором в куче свисают Женькины вещи. Взгляд натывается на ее серое домашнее платье, в котором она ходила днем. Беру его в руки, подношу к носу и вдыхаю ее запах. Цветочный дезодорант, стиральный порошок, ощущаю едва уловимы запах пота, который не вызывает отвращения, а наоборот нравится. Стоило его почувствовать, как я отбрасываю платье от себя, понимая, что веду себя странно. Поднимаю платье с пола, возвращаю на

стул и быстро выхожу из комнаты.

Я! Ведь! Только! Что! Привел! Свои! Мысли! В порядок!
Нахрена я это сделал? Хрень, хрень, хрень!!!

Веду себя как идиот. Зачем туда поперся? Зачем все эти действия? Нужно сходить в душ и освежить голову.

В душе прохладные струи воды снимают напряжение. Долго стою, позволяя воде смыть усталость и странные мысли. Поднимаю взгляд и натываюсь на Женькин шампунь. Обычный Пантин, открываю крышку бутылки, вдыхая аромат. Закрываю глаза и решаю вымыть им голову. На автомате набираю в ладонь гелеобразную массу и начинаю массажными движениями, втирать ее в голову. В глазах снова стоит Женя в этой душевой, голая, пена этого шампуня стекает по ее телу. Запах обостряет воспоминания. В голове проносятся картинки того, что бы я сделал с ней, если бы она оказалась тут со мной вместе. Меня накрывает волной, быстрые движения рук и снова разрядка, как в Алискиной квартире.

Я осознаю, что так больше не могу, не могу больше думать об этой девушке, не могу больше вести себя как подросток со сперматокиозом. Меня начинает трясти. Я сажусь на пол душевой кабины, обхватив колени руками. Судорожные вздохи, запах шампуня, потоки воды, которые стекают по моему телу. Всего сутки, а я уже так устал от этих мыслей, этой ситуации...

Не помню, как оказался в кровати и как уснул. Но спал я плохо. Во снах Женю обнимал парень с фотографии, она

играла с ним в подушечный бой. А я смотрел на них через призму фотоаппарата, делая снимки, которые хотелось потом сжечь.

Меня разбудила Лена стуком в дверь и криком, что время обед и меня ждут внизу. Я еле разлепил веки, тело было тяжелым, голова раскалывалась.

Еле подняв себя с кровати, напялив спортивные штаны, умылся, и спустился на кухню.

Святая троица в сборе. Лена в своем розовом халате, взъерошенный Серега и Женька. На ней то самое серое платье. Хотелось выругнуться матом. Я отвел глаза от нее, вспоминая вчерашнее свое поведение.

– Спящая красавица проснулась? – Серега хохотнул.

– Угу. – Буркнул я.

– С добрым утром. – Лена поставила передо мной вчерашний Женькин суп.

– С добрым. – Есть не хотелось совсем.

Женя сидела очень тихая, не поднимая глаз от телефона, она ела суп. Сонное лицо, темные круги под глазами свидетельствовали тому, что она тоже не спала ночью. Но причины для этого у нее были другие.

– Мелкая, убери телефон из рук и ешь нормально. – Серега сердито смотрел на девушку.

Нулевая реакция, она его не услышала.

– Женя! – Серега повысил голос. Снова никакой обратной связи. – Степанова! – он хлопнул рукой по столу.

Женька подняла рассеянный взгляд на него и вопросительно уставилась.

– Убери телефон и ешь нормально.

– Угу. – Она молча отложила телефон и уткнулась в тарелку с тем же рассеянным выражением лица.

– У тебя все хорошо? – Серегин голос звучал встревоженно.

– Да, просто не выспалась. – Женька встала из-за стола, вымыла тарелку. – Спасибо за обед, я в свою комнату.

Серегин встал и двинулся за ней. Лена схватила его за руку.

– Серегин, отстань от нее. Она была у подруги, трындели всю ночь видимо. Дай человеку личное пространство. Ты же ей не даешь нормально дышать, одна сплошная чрезмерная опека.

Он молча отвернулся и стал наливать себе чай.

– Егор, ты Новый Год где справлять будешь? С нами? – просила Лена, переводя тему разговора в другое русло.

– Эм, а я и не думал, не до этого как-то было. Пока не знаю. Скорее всего тут.

– Хорошо, а то Женька уедет к друзьям. И мы с Серегин вдвоем остаемся.

Серегин с хмурым видом сел за стол и молча начал пить чай с печеньем.

В два года подряд я отмечал в клубе, а до этого на хате с друзьями. С родителями отмечал последний раз праздники, когда мне было 14. В тот год они разругались до 0:00 и отец

уехал. С тех пор я зарекаюсь проводить такие мероприятия дома. А за последнее время было столько событий, что я даже не задумался, где и как проведу НГ.

– Я подумаю. – Ответил я Ленке. Женька не будет тут отмечать новый год, это слегка дестабилизировало.

Сергея допил чай и молча вышел с кухни. Лена вздохнула.

– Она будет первый раз отмечать не с нами. Он расстроился. «Папочке» пора отпускать «дочку» на свободу. Никак с этим не смиритесь. Конечно, понимаю, что ему нужно время. Но Женька уже взрослая, и Серегина опека ей только в тягость. Ты знаешь, я тут недавно узнала, что у нее парень есть? – Ленка хихикнула. – Как раз в ее вкусе. Видела их месяц назад, он ее утром домой привез, у машины целовались. Ага, Светка, как же! У него она ночует. Только Сереге не говори, а то вскипит, как чайник. – Девушка мечтательно посмотрела в потолок. – Эх, как я ей завидую, влюбленность, первые отношения. Милота. – Ленка тараторила без умолку.

Как же все сложно в этом доме? Теперь я все больше понимал, почему мелкая хочет уехать отсюда.

После обеда все разошлись по комнатам, в доме воцарилась тишина. Редкие хлопки дверей, шаги, звуки с кухни и снова тишина.

Часов в семь вечера хлопнула Женькина дверь, послышался топот ног по лестнице вниз. Спустя тридцать минут, по дому стал разноситься ароматный запах жареной картошки. Мой желудок заурчал. Я решил спуститься на кухню.

Как обычно, я даже улыбнулся, Женька стояла у плиты в наушниках и подпевала группе Кино

Ведь я

Сажаю алюминиевые огурцы, а-а

На брезентовом поле

Сажаю алюминиевые огурцы, а-а

На брезентовом поле...

Она размахивала деревянной лопаточкой как дирижер, смешно двигая пятой точкой. Левая нога подергивалась в коленке. Волосы на ее голове были похожи на гнездо, один бок примят, с другой стороны они торчали как пакля. Мда, внешний вид эту девушку совершенно не заботил. Я встал, прислонившись к дверному косяку и наблюдал, что серое платье облегает худенькое тело при каждом движении.

В голове появилась мысль, что я хочу так стоять каждый день и смотреть на нее, на такую веселую, уютную и домашнюю. Мне хотелось, чтобы так танцевала только для меня, пела только для меня. От этого желания грудь сдавило. Я кашлянул, чтобы снять наваждение.

Женька повернула голову. Снова ни капли смущения, что я застал ее за таким занятием. Сонное лицо, чуть припухшие от сна глаза. Я представил, что вижу ее такой утром в своей кровати. Вся кровь снова устремилась вниз. Да как это вообще контролировать?

– Голодный? – спросила она меня.

– Ага, запахи с ума сводят.

– Тогда сделай салат. Овощи в холодильнике.

– Ок. – я подошел к холодильнику и начал доставать помидоры, огурцы и пекинский салат.

– Ленка с Серегой спят. А я собралась фильм посмотреть. Ты со мной?

– Да. – Мое сердце сделало кульбит, вечер вдвоем. – Что будем смотреть?

– Комедию. Хочется пересмотреть «Рок на волнах». Смотрел? – Женька начала облизывать лопаточку, на которой прилипли кусочки жареной картошки.

– Мммм, нет. – Я сглотнул, глядя как ее губы обхватывают уголок лопаточки.

– Ну и чудесно. – Она отвернулась и потеряла ко мне всякий интерес.

Я взял разделочную доску, сел за стол и стал нарезать овощи. В голове возникла мысль, которую сразу же захотелось озвучить.

– Жень, почему ты изменила свое отношение ко мне? Я же тебе не нравлюсь.

Она обернулась в полкорпуса, на ее лице было легкое недоумение. Рука с лопаткой зависла над сковородкой. Затем недоумение сменилось задумчивостью. Забавно было наблюдать за сменой эмоций на ее лице.

– Знаешь, особых причин нет. Я часто сужу людей по своему внутреннему восприятию, и оно часто бывает не правильным. И ты от этого не должен страдать. Вообще мне сложно

сходиться с людьми, еще сложнее вести войну в одностороннем порядке, живя в одном доме с человеком бок о бок. Не скажу, что ты мне и сейчас нравишься. Но я решила, что раз ты тут надолго, то мы должны нормально уживаться, не создавая проблем друг другу и всем вокруг. Живу же со своей сестрой как-то. – Хохотнула она. – А мы с ней с детства не особо ладим. А чем ты хуже нее? Вот и вся моя логика. – Она улыбнулась.

– Прости.

– За что? – удивленный взгляд серо-зеленых глаз.

– Что свалился на вас, как снег на голову. – Мне хотелось, чтобы она больше не смотрела на меня как на таракана.

– Забей, все мы люди, все мы учимся. Учимся быть собой, учимся находить свой порядок в жизни. Кому-то нужно для этого больше времени, больше действий, больше совершить ошибок. Все имеют на это право. – Такие взрослые слова и мысли, ей точно 17? Женька просто пожалала плечами. Выключила газ, перемешала картофель и начала доставать тарелки. – Слушай, я пойду, включу фильм, а ты доделай салат и положи картошку. Поедим в зале. – Она улыбнулась и двинулась в гостиную. Я увидел, что кончики ее ушей покраснели.

Почему ребенок в 17 лет, так себя ведет? Ее можно ставить в пример моей матери или отцу. Казалось, что она понимает мир, людей вокруг и себя лучше, чем все остальные вместе взятые. Я вздохнул, дорезал последний огурец. Взял

майонез из холодильника и намазал салат.

Разложив еду по тарелкам, стал относить все в гостиную.

Наверное, это был самый лучший вечер в моей жизни. Вкусный и такой простой ужин. Хороший атмосферный фильм и девушка, которая мне нравится.

Логику свою, я послал к черту, после того, как вчера прокрался в ее комнату. Просто надо принять тот факт, что она мне нравится и двигаться по течению.

Женька, как кошка свернулась в клубок в своем кресле мешке, спрятав ноги под уютным пледом. Смеялась и переживала вместе с главными героями фильма, а я улыбался глядя на нее. Не было Лены и Сереги, она вела себя расслаблено, это чувствовалось в ее поведении. Когда она была рядом с ними, ей приходилось постоянно контролировать свои эмоции и поведение. Сегодня не было ее фальшивого смеха, попыток выглядеть счастливой. Она просто была самой собой. И это мне очень нравилось.

Под конец фильма мелкая заснула. Сладкое посапывание доносилось с ее стороны. Я встал и подошел к ней, присел на корточки и стал разглядывать в ее лицо.

Мелкие веснушки только выделяли бледность кожи, длинные густые ресницы бросали тени на щеки. Нижняя губа была обветренной и немного треснула. Почему-то это казалось очень милым. Хотелось облизнуть ее губы и поцеловать. Темные короткие волосы в беспорядке разметались.

Я протянул руку и убрал одну прядь с ее лба. Она смешно сморщила нос.

До нее ни одна девушка не вызывала таких сильных эмоций. Мне впервые хотелось постоянно кого-то касаться, мне впервые так нравился чей-то запах. Сердце стучало в груди как бешеное.

В комнату Сереги и Лены хлопнула дверь, послышались шаги. Я вскочил на ноги и быстро сел на диван, взяв в руки пульт. Кровь стучала в висках набатом.

В гостиную зашел сонный Серега.

– Фильм смотрели? – спросил он зевая.

– Угу. Только закончился.

– О, мелкая вырубилась. Блин, шарахается не пойми где по ночам. – Парень присел на корточки в точности в такой же позе, в которой я сидел минуту назад перед ней. – Эй, Женек, кино кончилось, иди спать в кровать. – Он нежно провел пальцем по ее щеке. Девушка что-то пробормотала, но не проснулась. – Женя, Женька. – Серега слегка потряс ее за плечо.

Глаза Женьки сонно открылись. Она посмотрела на Серегу, кивнула и снова закрыла глаза, сильнее закутавшись в плед.

– Эээх, а завтра все болеть будет. Мартышка мелкая. – Серега легко подхватил девушку вместе с пледом на руки и понес в сторону комнаты. Она замычала, пытаясь проснуться, но потом расслабилась, снова погружаясь в глубокий сон.

Глядя на все его действия, я понял, что меня накрывает злостью. Хотелось догнать его и сказать, чтобы он перестал себя так вести, словно она маленький ребенок, как будто ей до сих пор 13. Меня бесило, что он не проявлял такого внимания собственной жене, как Женьке. Его забота была на грани. Лена говорила правильно, его чрезмерная опека давит на Женьку.

Я поднялся и поплелся следом за ними. Серега тяжело дышал. Я догнал их на середине лестницы.

– Давай я донесу. – Сказал я ему.

– Не, я сам справлюсь.

Поднявшись наверх, я помог открыть дверь в ее комнату и прислонился к косяку, наблюдая, как он укладывает ее в кровать. Мне не хотелось оставлять его с ней в одной комнате. Конечно, его поведение было обосновано братскими чувствами, но они уже выходили за рамки нормы. Это уже замечали все вокруг, кроме него.

– Серега, она уже взрослая. Ей не нужна такая забота от тебя.

Он оборачивается и смотрит на меня с растерянным лицом.

– Ты о чем?

– Твоя забота ее душит, неужели ты не видишь? Она задыхается от нее.

– Не понимаю о чем ты. – Он проходит мимо меня с непроницаемым лицом и двигается в сторону лестницы.

– Ты все понимаешь. Пора уже принять тот факт, что она взрослеет и сама принимает свои решения. Ты ведешь себя как мои родители и сам не осознаешь этого? Ты не ее отец!

– Знаешь, это не твое дело. Я сам разберусь. Не лезь, куда тебя не просят, и лучше разбирай свои проблемы. – Он зло посмотрел на меня и ушел вниз.

Я повернул голову, посмотрел на спящую девушку. Теперь этот дом не казался таким уютным, как было раньше. Тут люди так же живут и задыхаются, каждый своей проблемой. Вздохнув, я закрыл дверь и пошел в свою комнату.

Дни стали пролетать как поезда. Женька практически не показывалась дома, Серега пропадал на работе, Ленка моталась по больницам. По учебе все было гладко, я пару раз увиделся с матерью. Поговорил с отцом по телефону, мы даже немного наладили общение. Он разблокировал мои карты. Но денег я с них не снимал.

Женька подкинула несколько сайтов для работы. Скинула тех.задания и рассказала, как выполнять задачи. Деньги конечно не самые большие, но я быстро вник и на карманные расходы мне вполне хватало. Я стал покупать продукты, помогать с готовкой и мелкой уборкой.

Все чаще стали посещать мысли, что работа в отцовской компании не такая плохая идея, как казалось раньше. Учеба давалась легко и даже начала приносить удовольствие. С Алисой я расстался. Не смог больше выносить ее общество.

Она, конечно, закатила истерику и пару дней пыталась вернуть все назад, но столкнувшись с моим холодным отношением, нашла для себя нового бойфренда, в лице моего одноклассника, и дышать стало легче.

Но у нас испортились отношения с Серегой. Вернее не совсем так, он меня избегал после последнего с ним разговора. Старался меньше находиться в моем присутствии, да и вообще вел себя очень странно. Стал молчаливым, очень странно смотрел на Женьку. С Ленкой слышались частые скандалы, когда все ложились спать. Думаю, что ему тоже нужно время поменять свою точку зрения и свое отношение к Женьке.

По-прежнему, пугало мое отношение к Женьке и чувствам к ней. Я стал чаще замечать за собой, что сам ищу повод, чтобы провести с ней время. То на кухне помогу, то придумаю вопросы по подработке. Хотелось к ней прикоснуться, для этого я находил любые предлоги, то локтем коснусь, то беря что-то из ее рук, касался ее пальцев. Вечера с просмотрами и фильмов стали для меня, как доза для наркомана. Это сводило с ума. Все сны сводились только к одному и ванная стала частым свидетелем моего позора. Отсутствие секса давало о себе знать. Но пока я не видел выхода из этой ситуации. Навязывать свои чувства, человеку, который испытывал ко мне едва ли приятельские эмоции не правильно.

Новый год прошел тихо. Женька отмечала с друзьями. В дом Орловых приехали друзья Сереги и Лены, две семейные пары. Посидели, выпили, подарили друг другу подарки, за-

пустили пару фейерверков, и я ушел спать. Еще год назад я бы посмотрел на такой праздник с ужасом, но в этом году меня устраивал покой. Слишком много событий за 2 месяца. Хотелось уединения.

Второго января вернулась Женька, мы тихо посидели на кухне. От нее мне даже подарок перепал – кошелек. Она поржала, сказала, что свои деньги надо хранить правильно. Я подарил ей книгу, с какой-то фантастикой, которую посоветовала ей купить Ленка. Мелкая оценила, одарив меня легким объятием. Счастью моему не было предела. От Ленки получил нелепые домашние тапочки, От Сереги просто деньги. Ленке и Сереге подарил набор кастрюль. Прямо семейный вечер.

На следующий день с утра я съездил домой и был приятно удивлен спокойной обстановке, мы посидели и тоже обменялись подарками. Главным подарком от отца был возврат ключей от машины. К Орловым вернулся в радостном расположении духа.

На кухне сидели Лена, Серега, Женька пили чай и обсуждали грядущее 18летие мелкой. Что дарить, как отмечать, где проводить и т.п.

– Да чего париться? Тихо дома отметим, не люблю суету. Дарить ничего не надо, у меня все есть. – Сказала Женька, проглатывая большой кусок пирога.

– Совершеннолетие бывает один раз в день. Может кафе какое-нибудь? – Спросил Серега.

– С ума сошел? Какое кафе? У меня друзей – полтора индейца. Блин, давайте без суеты. Я все равно вечером в клуб собралась со Светкой. Отметим дома и хватит.

– Какой клуб? Ты чего там забыла? – видно, что Серегу это не устроило. – Две девушки в толпе мужиков.

– Сереж, ей восемнадцать, ты можешь успокоиться? – в разговор включилась Ленка.

– Нет, я против.

– Да мне пофиг, что ты против! – Мелкая взорвалась. – Я что до старости дома должна сидеть? Сколько можно надо мной трястись? Лена, роди ему уже скорее ребенка, чтобы он от меня отстал! Я взрослый человек и могу сама принимать решения.

– Взрослая? В каком месте? – Серега орал. – Когда ты взрослой стала?

– Взрослой стала, когда родители умерли, когда вы расписались, когда я сама зарабатывать начала, когда сама стала решать все свои проблемы! Я ни с кого из вас денег не беру. Учусь сама, поступила сама, свое дерьмо разгребаю сама! Для этого я взрослая? А для клуба нет? – ее трясло. – И ты не вправе решать, что мне можно, а что нет! Ты не мой отец! – Вскочив со стула, она бросилась наверх. Столкнувшись со мной в дверном проеме, она повернула голову к Сереге и сказала, – меня так достала твоя опека, лучше своей беременной жене столько внимания и заботы уделяй.

Послышался топот ног по лестнице. На кухне воцарилась

тишина. Лена сидела, понурив голову. Серега встал молча, убрал посуду и ушел в комнату.

– Егор, садись, поешь. – Лена поднялась, взяла тарелки и положила мне плов.

Я помыл руки, сел за стол. Аппетита не было.

– Все наладится. – Сказал я Лене.

– Знаю. – Тихо ответила она. – Только самое страшное впереди.

Я вопросительно на нее посмотрел.

– Сегодня утром у меня с Женькой был разговор, от которого даже я не в восторге.

– Что такое?

– Она сказала, что как только стукнет 18 и она утрясет вопросы с опекой, уедет от нас на съемную квартиру и уже сейчас ищет варианты. Серега еще не знает. – Ленка закусила ноготь на левой руке. – Что будет, не знаю, подумать страшно.

Я, конечно, знал, что такой день настанет, она об этом не говорила, но не так быстро. Даже я был к такому не готов. Представить реакцию Сереги сложно. Лена вздохнула, убрала свою кружку с чаем и пожелав мне приятного аппетита, ушла.

Чуть позже я поднялся наверх и постучал к Женьке в дверь.

– Жень, я могу войти?

– Угу.

Я открыл дверь. Она сидела на кровати, поджав под себя ноги. Видно, что ревела. Нос покраснел, глаза опухли.

– Ты как? – Тихо спросил я. Мы за этот месяц успели наладить нормальные дружеские отношения. Девочкой она была очень чуткой и заботливой. Если видела, что что-то не так, то интересовалась у меня, в чем причина, старалась помочь по работе. Другом она была отличным. Я в ответ старался тоже проявить заботу.

– Я не знаю. – Она помотала головой. – Я очень устала. И морально и физически. Просто не вывожу это все. А он все усложняет своей опекой и заботой. Это давит. Мне хочется дышать нормально.

– Я могу тебе чем-то помочь? – Хотелось ее обнять и пожалеть.

Она мотнула головой и всхлинула. Я не выдержал, подошел к кровати, сгреб ее в охапку и крепко обнял. Она не сопротивлялась, а потом разревелась. Ее трясло.

– Тихо, тихо, все будет хорошо. – Я тысячи раз говорил эти слова своей матери, но тут ощущения были совершенно другими. Хотелось, чтобы она перестала плакать и начала, наконец, улыбаться. Я гладил ее по волосам, шепча успокаивающие слова.

Сколько прошло времени, не знаю. Она, наконец, успокоилась и отстранилась от меня. Видно, что ей было неловко.

– Извини. – Ее голос охрип. – И спасибо. – Глаза опущены, пальцы теребят футболку.

Рука потянулась сама к ее щеке и вытерла слезы. Она не отшатнулась. Большие серые глаза смотрели на меня с такой тоской. Как же хотелось ее сейчас поцеловать, я еле себя сдерживал. Грудь ломило.

– Все наладится. Просто нужно время.

– А ты взрослеешь. – Она ухмыльнулась.

– Ты похожа на жабу с лицом китайца сейчас. Все лицо опухло и красное.

– Тебе не привыкать к такому зрелищу. – Хохотнула Женька и неуклюже сползла с кровати. Подойдя к зеркалу, она застонала. – Какая жаба? Я греmlin или гоблин. Боже, что за ужас?

– Да ладно, умоешься холодной водой, и все будет норм. – Улыбнулся я.

Ее лицо стало серьезным.

– Спасибо еще раз. Мне неловко, но я ценю твою заботу.

– Забей, это то, что я умею лучше всего. Моим тренировочным полигоном была для меня мама. Так что обращайся. Я если что в соседней комнате. – Я ей подмигнул, она весело кивнула головой. И я пошел в свою комнату. – Не кисни.

– Угу.

Как за такой короткий период времени человек может стать таким важным в моей жизни? Как она умудрилась так быстро залезть мне под кожу и изменить мои полюса? Ответов, как всегда, не было.

– Я устала с тобой ругаться! Сереж, я хочу приходить до-

мой, а не на поле боя. – Женькин голос доносился с кухни.

– Так давай и не будем ругаться. Я что много прошу? Просто, чтобы ты ночевала дома, не шарахалась с кем попало, занималась только учебой и перестала столько работать. Ты же зеленого цвета уже, одна кожа да кости.

– Меня и такую тощую любят! – Ответила Женька. – И моя подработка не обсуждается. Мы об этом говорили не раз. Я работала, работаю и буду работать. Мне нужны свои собственные карманные расходы.

– А меня ты попросить о деньгах не хочешь? Я для чего нужен? – Серега начинал повышать голос.

– Мне ваши с Леной деньги не нужны. Мне не нужна ваша забота! Ты лучше займись целью организовать детскую комнату, купить коляску. Ей рожать через шесть месяцев, а ты за мной установил тотальный контроль. Ленке лучше уделяй больше времени! Каждый день проверяешь, во сколько я пришла, звонишь по вечерам по пять раз с вопросами, когда я вернусь. – Женька уже орала в ответ. – Я выросла! Я все могу сама, без вас! Как все достало, а? Когда ты перерастешь роль моего папочки? Это так бесит, твоя забота бесит, твоя гиперопека бесит!

Громыкнула посуда. Женька пулей вылетела из кухни и устремилась вверх. Увидев меня на лестнице, она зло проговорила: – Дурная привычка подслушивать?

– Я просто не хотел вмешиваться и все, – ответил я, но меня уже никто не слышал.

Хлопнула дверь в ее комнату, в доме снова воцарилась тишина.

Я медленно побрел на кухню. Серега стоял спиной ко мне, облокотившись ладонями о стол. Все в его позе выдавало, что он зол и подавлен. Обернувшись и встретившись взглядом со мной, он вздохнул и двинулся в свою комнату.

– Просто прошу, хоть ты ничего не говори и так хреново. – Проорал он мне в лицо. Шаги и хлопанье дверей.

Я что сегодня мальчик для битья? Что происходит в этом доме? Атмосфера дома моих родителей была спокойнее, чем тут! Какой тут день рождения? До похорон бы не дошло!

Вся неделя такая. Они постоянно орут. А дня три назад Серега узнал, что у Женьки есть парень. Ему проболталась Ленка. В тот вечер в доме был ад. Он так орал. А когда мелкая вернулась под утро домой, он прочитал ей лекцию о том, что такое незащищенная половая связь, что она еще слишком мала для отношений. И что ночевать у незнакомых парней нельзя.

Бойня продолжалась около часа. А когда он узнал, что она с этим парнем уже год, его окончательно прихлопнуло. Он орал, что больше не выпустит ее из дома и что чье-то лицо превратится в фарш, если Серега узнает, что «Этот урод» приблизится к Женьке хоть на 200 метров.

– Это моя жизнь! Я сама вправе выбирать человека рядом с собой. Я не буду спрашивать у тебя одобрения! Только не у тебя! Ты не имеешь права!

– Ты живешь в моем доме, я твой опекун! Ты выросла рядом со мной! Я имею полное право закрыть тебя в твоей комнате, а ему начистить рожу и написать в ментовку заявление о совращении малолетней.

– Спасибо, что напомнил, где я живу и кем ты мне приходится! Я не просила твоих бешеных усилий, спасибо за заботу, и что не бросили. Но мне уже не 13! Я стараюсь жить так, чтобы не доставлять тебе и Ленке проблем. Я сама решаю все свои проблемы, не дёргая тебя! И я должна самостоятельно делать выбор, должна совершать СВОИ ОШИБКИ! Ты не можешь уберечь меня от всего! Я не могу жить всю жизнь так, как хочется тебе! Именно поэтому я хочу свалить отсюда, именно поэтому я работаю. Чтобы начать уже дышать без тебя!

Женька закрылась в своей комнате, а Серега еще долго орал у ее двери. Затем был скандал с Леной, там тоже был вылит ушат дерьма друг на друга и Серега ушел из дома. Вернулся ночью, поднял всех на уши, когда пьяным бил посуду на кухне. Ленка пыталась успокоить мужа, который буквально вопил, что он имеет право. На что имеет право, мы конечно поняли, но поддерживать его никто не стал и он улегся спать в зале. Мы с Леной убрали погром до трех утра.

Атмосфера в доме была угнетающей. Мелкая и правда похудела. Огромные темные круги под глазами, цвет лица стал еще бледнее. Вчера, когда сидел у нее в комнате, она рассказала, что снова пошла к психологу. И что все не очень ра-

дужно: депрессия, бессонница, отсутствие аппетита, апатия. Нервный срыв давал о себе знать.

Как ей помочь? Мне так не было жаль мать, как ее. Я не мог найти нормальных слов, для того чтобы ее поддержать. Нарастала злость на Серегу. Мне были непонятны его мотивы. Казалось бы, у тебя жена беременна, хлопочи да радуйся, а ему как будто снесло крышу.

День Женькиного Рождения выдался на воскресенье, 17 января. Женька с Ленкой колдовали на кухне – салаты, курица в духовке. Мы с Серегой во дворе организовывали шашлык.

Гостей практически не ожидали. Должна была прийти Светка – подруга Жени, моя мама и соседка тетя Лиля.

Шашлык дался мне с трудом, Серега был непривычно молчалив и хмур, даже не помогало пиво, которое мы с ним попивали в процессе. И я был рад, наконец, оказаться в теплой кухне. У девочек атмосфера была более радостной – играла музыка, звенела посуда, они, переговариваясь, шутили.

– Дамы, вам помочь? – спросил я, занося на кухню тарелку с ароматным мясом.

– О, вот и мужчины пожаловали. – Лена улыбалась.

Серега топтался у меня за спиной. Я подвинулся, он поставил грязную посуду и ушел в свою комнату. Девочки переглянулись, пожали плечами и стали накрывать на стол.

– Помоги помыть фрукты. – Сказала мне Лена, доставая вилки из ящика стола.

– Смотри, какой хороший мальчик у нас растет. – Засмеялась Женька.

– А ты только что заметила? – я улыбнулся в ответ. – Во сколько гости придут?

– Минут через 40. – Женька протянула мне пакет с фруктами, глядя на часы на стене.

Гремела посуда, шумела вода. Запахи еды сводили с ума, есть хотелось до боли в желудке.

– А Миша почему не придет? – Спросила Ленка Женю.

– Ты сейчас серьезно? Ты хочешь крови? Или тебе тихая жизнь надоела?

– Ну, я подумала, что он должен прийти...

– Никому он ничего не должен, ругань тут не нужна и у нас не настолько серьезные отношения, чтобы я его знакомила с семьей.

– Какая же ты все-таки жестокая, а!

– Не я такая, жизнь такая.

Слушая этот диалог, я представил этого Мишу тут, на кухне. Представил, как Серега набьет ему лицо и испытал такое психологическое удовольствие, которое не испытывал давно. Еще представил, что сам поучаствовал в процессе, и на душе потеплело еще сильнее.

Женька подошла ко мне и заглянула в раковину.

– Ты их до дыр хочешь намыть? – Тыча пальцем в яблоки и апельсины, спросила она.

– А, да, задумался. Готово, бери.

Стол был накрыт. Все разошлись в свои комнаты, чтобы переодеться к ужину.

Я надел светлую футболку поло, темные джинсы. Пару раз пшикнулся туалетной водой. И лег на кровать, уткнувшись в телефон. Минут 20 пролистывал ютуб, пытаюсь скоротать время. В комнату постучали.

– Егор, можно войти? – послышался голос Женьки.

– Ага.

В комнату вошла мелкая. Я выпал в осадок. На ней было короткое черное платье, доходившее ей до середины бедра. Верх платья обтягивал небольшую грудь, от талии оно расширялось, создавая объем внизу. Волосы аккуратно уложены, легкий макияж делал ее еще ярче и чуть старше.

В руках она держала цепочку с какой-то подвеской.

– Поможешь? – не могу застегнуть.

Я еле заставил себя встать с кровати, на ватных ногах подошел к ней. Она повернулась ко мне спиной и наклонила голову немного вперед, чтобы было удобнее застегнуть. В нос ударил запах незнакомых духов. Легкий свежий аромат, который ей очень подходил.

Взяв в руки цепочку, я стал бороться с застежкой. Руки мелко тряслись. Я обратил внимание на родимое пятно на левом плече. Так захотелось провести по нему пальцем.

– Тоже не получается?

– Да не, норм, видимо у меня с мелкой моторикой проблемы. – Я хохотнул и с трудом застегнул цепочку.

– Спасибо большое. – Она повернулась и ярко улыбнулась мне.

Какая она красивая. Я не мог отвести от нее глаз.

– А ты засранец!

– Почему? – опешил я.

– Даже не поздравил! – Мелкая надула губы.

– Прости. Хотел в тишине поздравить. – Я двинулся к тумбочке. Вытащил из нее беспроводные наушники и протянул ей. – С Днем Рождения, мелочь! Счастья, спокойствия и ну, как там говорят, чтобы все мечты сбывались.

– Ооой, спасибоще огромное! – она приняла подарок и обняла меня. – Угодил.

– Я ж знаю, что ты без музыки не можешь. – Моя рука потрепала ее по голове.

– Эээ, рученции свои убрал, испортишь прическу. – Отпрыгивая от меня, она стала поправлять волосы.

– Тебе идет.

– Прическа, платье, подвеска? Что именно.

– Улыбка! Чучундра. А так ты всегда красивая.

Она перестала улыбаться, серьезно посмотрела на меня и сказала:

– ФУ! Нет, не надо. Из твоих уст это звучит ужасно! – Ее нос смешно сморщился.

– Что? Почему?

– Не знаю, комплименты от тебя в мою сторону, это как-то непривычно... – мелкая засмеялась.

– Я серьезно. Улыбайся чаще. Пошли, скоро гости придут.

Открыв дверь, я пропустил Женьку вперед. Шагая по лестнице, вдыхал запах ее новых духов и вспоминал ее мягкое объятие. Идиот, как мало мне надо для счастья!

Живу в этом доме всего два с половиной месяца, а такое ощущение, что всю жизнь с этой девушкой был рядом. Как в ней умещалось все разом, я не мог понять. Она такая понятная, логичная, но в то же время ее совсем не понимал. Все эмоции у нее написаны на лице, а что творится внутри скрыто, словно толща айсберга под водой. Она такая спокойная, но в то же время эмоциональная. Еще раз я удивился разнице между двумя сестрами.

Самое страшное, что я до сих пор не знал, что делать с моей влюбленностью в нее. Я не настолько туп, чтобы принять это за любовь. Мне просто было ее мало, всегда было мало общения, прикосновений, ее присутствия рядом. Твою же мать, как мало. Хотелось большего. Один только бог знает, сколько я провел ночей, удовлетворяя себя сам, представляя ее руки, губы, ее тело на мне, я в ней. Мне сносило крышу, стоило только начать думать о сексе с ней. Я представлял, как она стонет подо мной. Как я двигаюсь в ней. Как в ней узко. Как ее вкус и запах повсюду.

Все труднее становилось сдерживаться в ее присутствии. Все сложнее просто быть рядом. Выхода из тупика я не видел совсем.

Каждый раз, когда они ругались с Серегой, я видел, сколь-

ко боли ей причиняет каждая ссора. Каждый раз, когда он обнимал Ленку, я видел ее взгляд наполненный безысходностью. Как же мне хотелось стать ее миром, чтобы она перестала плакать и начала улыбаться. Мне. Из-за меня.

Открылась входная дверь, я увидел соседку – тетю Лилю, по совместительству крестную мелкой. За ее спиной шагала Светка – рыжая подруга Женьки.

Мелкая слетела с Лестницы и радостно начала обнимать обоих, слышались поздравления. Началась суета. Я пошел на кухню.

Ленка расставляла бокалы на столе.

– Егор, помоги, пожалуйста, с приборами. Надо разложить вилки, ножи. – Она указала на ящик кухонного гарнитура.

Я послушно кивнул и начал помогать.

– Ох, какие экземпляры по земле ходят. – Услышал я томный голос.

Повернув голову, я увидел Светку и то, как она уставилась на мой зад. Рыжие волосы, карие глаза, полные красные губы. Высокая, стройная, с большой грудью. Да, подружку мелкая себе выбрала в противовес себе...

– И вам, здравствуйте. – Откликнулся я на реплику и пожегился под пристальным взглядом. Еще пару месяцев назад, я бы приложил немного усилий, чтобы взять ее номер телефона, чтобы потом развить знакомство до тупого, банально-

го траха. Но сейчас даже представить ее не смог рядом с собой.

Она прошла на кухню и обнялась с Ленкой, заведя какую-то ничего незначащую беседу.

– О, Егор, добрый день. – Я услышал, как со мной здороваешься тетя Лиля.

– Добрый день.

– А мама твоя еще не приехала?

– Нет, ждем с минуты на минуту.

– Ясно. – Тетя Лиля села за стол и повернулась к Женьке. – Я слышала, что ты на работу устроилась?

– Да, в пекарне помогаю. Карманные расходы... – Кивнула Женька.

– Умничка какая, не то, что мой Ванька. До сих пор воюем, он ничего не хочет, ни учиться, ни работать, ни по дому помогать. – Вздохнула женщина.

– Все наладится, тетя Лиль, ему всего 17, и девочки всегда взрослеют быстрее. – Женька обняла крестную и двинулась к холодильнику за соком и компотом.

В коридоре послышался шум, и я услышал голос матери, которая вещала о том, что она пришла. Я встал и двинулся к ней. Мама засияла при виде меня. Мы обнялись.

– Я так соскучилась, совсем про меня забыл. Не звонишь, не пишешь, не приезжаешь. – Она чмокнула меня в щеку.

– Мам, я тоже соскучился. Исправлюсь. – Сказал я, освобождаясь от маминых объятий, помогая снять ей верхнюю

одежду.

– О, Женечна, именинница. Дай я тебя обниму. Какая ты красивая стала. – В маминых объятиях оказалась мелкая. – С днем рождения, моя хорошая, будь самой счастливой, самой любимой и самой здоровой.

– Спасибо, тетя Наташ. Мне очень приятно.

– Надеюсь, мой оболтус не сильно вас достает тут? – спросила мать, глядя на меня.

– Ой, ужас какой, жить просто не дает. Спасения нет от него нигде. – Хохотнула Женька, выныривая из объятий.оборот головы и я увидел, как она показывает мне язык.

– Ээээй. Это что за фигня? – я начал ржать.

– Ох, да, он у меня такой вонючка, спасибо, что его терпите. – Мать притворно глубоко вздохнула, качая головой.

Они с мелкой начали смеяться и двинулись в сторону кухни. Послышались голоса. А я про себя подумал, каково это было бы, если бы я привез Женьку домой, как свою девушку? Они сидели бы на кухне и пили чай, смеялись, шутили... А я сидел бы рядом и улыбался... Эти мысли выдернули меня в реальность и захотелось завывать. С каждым днем все хуже и хуже. Сука...

– А где Сережа? – слышался голос матери.

– Да тут я. – Серега вышел из своей комнаты.

Начались объятия, вопросы о том, как дела, как самочувствие. Потом объятия с Леной, вопросы, о ее беременности, радостные возгласы. Кухня наполнилась гамом и шумом. Все

начали рассказываться по местам.

Застолье прошло очень спокойно, по-домашнему. Гости, поздравления, подарки. Потом женщины всплакнули, вспомнив родителей Женьки и Сереги. Ленка начала рассказывать матери по поводу узи, того что надо купить и тд. и т.п. Мелкая болтала с Ленкой, Серега переключался от одного диалога к другому. Потом чай с тортом. Женька задула свечи. Типичный семейный вечер. Забылись скандалы этой недели.

В районе восьми мать собралась домой. Мы обнялись, и я пообещал, что буду звонить и приеду на днях домой повидаться с отцом. Мелкая проводила ее и тетю Лию. Затем они со Светкой начали убирать со стола и мыть посуду. Я и Серега помогали. Ленка пожаловалась на усталость и ушла спать. Ничего не значащие реплики, шутки, смех, звон посуды.

Наконец хаос с уборкой закончился, Женька ломанулась наверх за картами. Мы расселись за столом.

– Сереж, ты не знаешь, где карты лежат? – Послышался вопль мелкой сверху.

Он встал и двинулся к ней на второй этаж. Наступила тишина.

– Слушай, а ты прям милашка, в моем вкусе. – Светкин томный голос словно рассек тишину. – Может обменяемся телефончиками? – Она театрально подняла бровь, вопросительно глядя на меня.

– Я, конечно, тронут вниманием и не хочу быть грубым, но извинюсь, нет. – Она напомнила мне Алису. По коже про-
несли неприятные мурашки.

– Фу, какой скучный. – Светка надула губы. – Почему нет?

– У меня уже есть девушка. – Соврал я.

– Не жена же, можно в сторону подвинуть. – Хихикнула она.

– Можно конечно, но желания нет. – Я холодно улыбнулся.

– Ну, так аппетит приходит во время еды. Нет желания, это появится в процессе. – Рыжая продолжала вести себя развязано.

Я смотрел на нее и не понимал, почему мелкая с ней общается. Интеллектом бабу бог не наделил, что у них может быть общего?

– Ну, что ты, в самом деле? – Светка протянула ко мне через стол свою наманикюренную руку.

Я успел свою во время отдернуть.

– Извини, ты милая девушка и все такое. Но не думаю, что у нас с тобой что-то может получиться. – боги, почему эти двое так долго? Где их черти носят? Я встал из-за стола. – Извини, мне надо в туалет. – И не глядя девушку двинулся вверх.

– Скучота. – Услышал я ответ в спину.

Оказавшись наверху, я услышал разговор. И снова я подслушиваю, это уже становится смешно.

– Ты же знаешь, как я тебя люблю? – Серегин голос.

– Угу. – Женька шмыгает носом. – Я тоже.

– Как я соскучился по тебе. По нашим нормальным разговорам, играм в приставку. Тебя совсем не бывает дома, а если ты дома, мы ругаемся.

– Я тоже скучаю, очень.

– Давай не будем больше ругаться. – Я увидел сквозь приоткрытую дверь, как они обнимаются.

Мелкая зарылась в рубашку Сереги всем лицом и всхлипывала, сжав его рубашку в кулаки на спине. Он, обняв ее за плечи одной рукой, поглаживал другой ее волосы. И целовал губами ее макушку.

У меня скрутило желудок. Эта сцена была настолько интимной, что мне захотелось орать. Какого хрена тут творится? Что это за дерьмо? Грудную клетку рвало от злости.

Серега выпустил из своих объятий хрупкое Женькино тело и провел по мокрым щекам большими пальцами рук.

– Прости меня, я постараюсь себя контролировать. Ты столько лет была рядом со мной, каждый день, постоянно, что я потерялся. Потерялся от того, что ты выросла и больше так во мне не нуждаешься, как раньше. Это сбивает с толку. Я просто к этому не готов. Мне очень сложно перестроиться. – Его голос был хриплым от эмоций.

– Я знаю, я все понимаю. – Тихо прошептала мелкая.

– Просто разреши мне и дальше быть рядом с тобой, и тебе помогать. Мне нужно понимать, что мы с тобой по-преж-

нему одна семья.

– Хорошо, я тоже буду стараться.

– Иди, умойся. – Хохотнул Серега. – Ты как поревешь, тебя разносит как китайца. – Весь макияж поплыл.

– Очень смешно.

Я услышал Женькины шаги и буквально запрыгнул в свою комнату, пытаюсь бесшумно закрыть дверь.

– Карты я нашел, жду внизу. – Крикнул ей Серега.

– Угу.

Хлопнула дверь в ванну, послышался шум воды. Серегины шаги вниз по лестнице. А я стоял растерянный, злой подавленный в своей комнате. И внутри меня разливалась такая пустота, которой я до сих пор в себе никогда не ощущал. В глазах мелькали кадры, того, как он целует ее в лоб. Ленку он так никогда не обнимал. Я прямо ощущал нестыковки в его поведении, словах и отношении к мелкой. Все это было, как-то перевернуто с ног на голову, неправильно, ненормально.

Сука... Как паршиво. Почему я в центре всего этого дерьма? Снова вопросы, на которые так и не было ответов.

Стих шум воды. Послышался топот Женькиных ног вниз. А я не мог заставить себя сдвинуться с места. Совсем. Никак. Сколько я простоял так, не знаю. Но услышал стук в дверь и ЕЁ голос за дверью.

– Егор, ты там? – тихо отворилась дверь.

В приоткрытой двери освещенный Женькин силуэт, ху-

денькое тело, длинные ноги, бледное лицо и облако коротких волос. В груди все сжалось от такой страшной тоски, что перехватило дыхание. Почему именно она? Не Алиса или даже ее рыжая подружка внизу на кухне, да сотни баб, тысячи во-круг, любую бери и твори что душе угодно. Почему именно она? Где тут сраная логика?

– Ты чего тут во тьме? Все в порядке? – Обеспокоенные нотки в голосе.

Блять! Нет! Нихрена! Не в порядке!

Она тихо подошла ко мне, остановившись в полушаге от меня, слегка наклонила голову набок и уставилась своими провалами серо-зеленых глаз, которые в темноте казались темнее и глубже, и меня засасывало в них словно в водоворот. И несло непонятно куда.

Как это произошло, почему я отключил контроль? Я не понял. Но мои руки сами потянулись к ее лицу, обхватывая ее скулы. Мои губы врезались в ее. В голове взорвался взрыв петардного завода, и наступила оглушающая пустота. Мысли исчезли. Была только она. Ее вкус. Ее мягкость. Ее тепло. Ее влажный рот.

Я никогда ничего подобного не испытывал. Не чувствовал. Не знал. Не знал, что один только поцелуй может снести крышу, перевернуть весь мой мир верх дном. Она была такая сладкая. Такая нежная. Такая тихая. Вся моя кровь устремилась вниз. Мне хотелось большего, хотелось быть в ней, выпитать ее в себя, чтобы она стала частью меня.

И в какой-то момент все оборвалось. Резкий толчок в грудь. Ее злость.

– Зачем? Зачем ты это делаешь? – ее непонимающий взгляд и злой возглас.

Она развернулась и исчезла в дверях. Бабах и наступила тишина.

Я осел на пол. Колени тряслись. Сквозь туман приходили мысли. Они бились как набат в моей голове.

Нахрена? Нахрена я так сделал? Я дебил? Зачем? Почему? Какого хрена я творю?

Сидя на полу, и уткнувшись головой в согнутые колени, я зажал уши руками. Хотелось выть. Или скулить.

– Что мне теперь делать? Что мне делать?

На губах был ее вкус. Аромат ее духов впитала моя одежда, напоминая мне, какой я идиот.

Я так и не смог заставить себя спуститься вниз этим вечером. Не смог бы посмотреть ей в глаза. Не знал бы что сказать. Так и сидел на полу, оглушенный своими действиями и поведением. Вновь и вновь переживая этот поцелуй.

Я слышал разговоры внизу. Потом суета. Мелкая со Светкой поднялась в свою комнату, и спустя минут тридцать они спустились вниз. Хлопнула Входная дверь. Наступила тишина.

Я вспомнил, что Женька собиралась сегодня в клуб.

С трудом я заполз в свою кровать, свернулся под пледом.

Я собирался пойти с ними...

Блять...

Минуты проходили и превращались в часы, а я лежал в своем маленьком аду и думал о том, что будет дальше? Так страшно было потерять то, что у нас было налажено. Теплое общение. Ее доверие. Ее смех. Ее улыбки.

Шаги по лестнице. Стук в мою дверь.

– Егор, ты спишь? – Серега приоткрыл дверь. Слышно было его дыхание, когда он прислушивался к тишине в моей комнате.

Меньше всего сейчас мне хотелось общения с ним. Я приотворился спящим. Моя дверь закрылась, но пару секунд спустя послышался щелчок Женькиной двери. Наступила тишина.

Зачем он туда пошел? Может, понес в ее комнату забытые вещи или карты? Проходили минуты, но его шагов по лестнице так и не послышалось. Я тихо встал со своей кровати. Аккуратно и бесшумно открыл свою дверь, в доме царил темнота. Тихо на цыпочках я двинулся к ее комнате. Сквозь маленькую щель между дверью и косяком я увидел, то что повергло меня в шок. Увиденное настолько вынесло меня из привычного восприятия, что казалось, что все это происходит не на самом деле. Не со мной. Это все сон. Хреновый, ужасный сон.

Твою мать! Нет! Не надо. Я хотел ослепнуть. Меня начало тошнить. Как развидеть увиденное? Я пожалел, что оказался

тут.

Сергея лежал в кровати мелкой. Его силуэт освещал включенный светильник. Одной рукой он прижимал Женькину футболку, в которой она ходила весь день, к лицу. Вторая рука двигалась вверх вниз в районе приспущенных штанов. Все его тело было напряжено, дыхание было шумным и сбивчивым. Таз двигался в такт руке. Раздавались тихие, хриплые стоны.

Какого хера?

Меня просто прибило шоком. Я просто стоял и смотрел на то, что мне хотелось бы навсегда стереть из своей памяти.

Его движения стали боле резкими и быстрыми. Послышался тихий, но очень долгий стон. Он несколько раз сильно дернулся. Его тело расслабилось. Рука, которая только что закончила движения поднялась и тоже вцепилась в Женькину футболку. Пара секунд тишины и послышались Серегины всхлипы. Он плакал. Не он не просто плакал, он рыдал. Молча, но сильно рыдал. Тело содрогалось от рыданий, которые тихо вбирала в себя ее футболка.

Не в силах на это смотреть, я бесшумно ушел в свою комнату. Медленно закрыл дверь и сполз по ней на пол. Еще оглушенный шоком и медленным осознанием того что я увидел, я пытался не впускать в свой мозг понимание. Понимание, что он ее любит. И любит давно. И любит сильно.

В этом доме живет столько боли. Столько молчания. Столько страхов и лжи, что все это плескалось через края. И

я в центре всего этого, в самом эпицентре этой боли. Моя, Женькина, Серегина... Чтобы сделала Лена, если бы узнала? Чтобы сделала мелкая, если узнала? Чтобы сделал Серега, если узнал, что она его любит? Это какой-то адовый бред. Бред...

Перед глазами мелькали кадрами их ссоры, смех. То, как эти двое проводят вместе время. Их взаимопонимание. Его упреки. Крики. Чрезмерная забота. То, как он ее касался. То, как сегодня обнимал. Его поцелуи в Женькину макушку. Только сейчас все эти осколки собрались в одно большое битое зеркало, в котором отражалась Серегина любовь. И Женькина тоже.

Теперь я понимал все причины и следствия. Все было просто как дважды два.

Но от этого понимания стало только хуже.

Если я не смог сдержаться всего за два месяца, то как живет с этим Серега? Сколько в каждой упрёке скрытого бессилия. Накопившейся боли. Желания. Сколько страха, что он ее потеряет.

А в голове всплыл разговор с Ленкой: «Она сказала, что как только стукнет 18 и она утрясет вопросы с опекой, уедет от нас на съемную квартиру и уже сейчас ищет варианты. Серега еще не знает. Что будет, не знаю, подумать страшно.» Что будет с ним, когда он поймет? Мелкая больше не будет рядом с ним.

Еще сильнее я понял, желание Женьки уехать из этого до-

ма. Видимо связь на подсознательном уровне с Сергеей ей орала: «Беги!». А его подавляемые чувства ломали ее мир и психику.

Я понял что устал. Этот день казался бесконечным. Утро казалось таким далеким, как будто прошла целая жизнь.

С трудом добравшись до кровати, я рухнул и заснул.

Мне снился сон. Яркий, живой. Моя комната. Кровать. И Женька верхом на мне. Все было как наяву. Ее запах, тяжесть тела, ее тепло. Легкий запах алкоголя. Бормотание. Движение рук по моей груди. Легкие поцелуи.

Твою мать...

Пусть это будет не сон. Пусть все это будет правдой. Я открою глаза и все это правда.

Я боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть это наваждение. Мое тело горело, словно в огне. Ее прохладные руки под моей футболкой. То как она двигает бедрами, сидя на мне верхом. Разум горит.

Я отвечаю на поцелуи. Руки поднимаются и обхватывают ее гибкое тело. Я пытаюсь вжать ее в себя. Все такое реальное. Мне это мало. Я переворачиваю ее, припечатываю своим телом к кровати. Ее тихий стон у моего уха. Стадо мурашек мчится по всему моему телу.

Ее запах. Легкие горят. Кровь пульсирует в паху с бешеной силой. Мягкие губы, такие мягкие, в них столько нетерпения. Я почти рычу. Мой язык сталкивается с ее. Я почти

задыхаюсь от того, как все реально. Стройные ноги обхватывают мои бедра. Еще сильнее заставляя вжаться в нее. Мои руки на ее теле. Какая она гибкая, стройная, жаркая.

Я так боюсь проснуться. Страх накатывает такой волной, и я понимаю, что это все не сон. Сука... это не сон. Она подо мной. Живая.

– Женька. – Хриплю я и от осознания всего этого, мое тело сносит с кровати. – Какого хрена? Ты как тут оказалась? Вопросы горой сыплются на меня.

Она со стоном приподнимается на кровати. В комнате темно и только ее темный силуэт четко очерчен светом из окна. Она начинает хныкать и медленно ползти к краю кровати.

– Зачем ты ушел? Иди сюда. – Твою мать, она пьяная в хлам.

– Жень, не надо, прошу, давай ты пойдешь в свою комнату. – В моем голосе слышна мольба. Что я несу? Зачем я это говорю? Ведь все во мне, разум, инстинкты, каждая моя клеточка хочет продолжения. Все во мне орет, чтобы она осталась и продолжила.

И только маленькая кроха здравого разума твердит, что все это не правильно и если я продолжу, то развалю остатки того, что и так успел разрушить. Ведь она завтра проснется и поймет, что я лишь ошибка. А я не хотел становиться ее ошибкой. Я просто хотел быть рядом. Все это обрушивается на меня как ледяной душ.

А она, встав на пол у моей кровати, начинает стаскивать с себя платье. Я застонал от бессилия, меня окатила волна возбуждения. Вся жидкость в моем организме устремилась в область паха. Я закрыл глаза, чтобы они не видели ее стройное тело. Мне хотелось, чтобы этот долгий и ужасный день кончился, чтобы его вообще не было. Сделав шаг назад, я уперся спиной в стену. Ноги отказывались меня держать. Ситуация в край выходила из под моего контроля.

Блять... Блять... Блять... Мне хотелось орать.

Я вздрогнул, когда почувствовал ее прохладные руки на своей коже под футболкой.

– Женечка, солнышко, маленькая моя. Не надо. Я очень тебя прошу. Давай ты пойдешь в свою комнату. Я еле сдерживаюсь. – Ее влажные губы на моей шее. Воздух просто выбило из моей грудной клетки.

Из последних сил я попытался отодвинуть ее от себя, привести в чувство.

– Ты слышишь меня? Жень. Ты утром проклянешь и меня и себя.

Но она не слышала, ее руки обхватили мою руку, она взяла мой указательный палец в свой мягкий рот и начала медленно посасывать и облизывать со стоном.

Мозг перестал работать. Тормоза сорвало. Голос разума забыт.

Все что я делал, было как в тумане. Ее гибкое тело в моих руках. Пара шагов и мы снова в кровати. Ее губы. Ее запах,

который обволакивал. Ее стоны, которые топили мой разум. Ее ноги на моих бедрах. Ее шелковистая кожа. Нижнее белье, которое мешало. Такая маленькая, но такая прекрасная грудь. Ее вкус. Мой мир разлетелся на тысячу атомов, и в центре этого хаоса была только она. Такая невыносимо нужная, такая невыносимо сладкая, такая невыносимо родная, но такая невыносимо не моя.

Она тихо постанывала, царапая мою спину своими маленькими ноготками. Я не мог насытиться ее губами. Так глубоко в ней. Не мог перестать сжимать ее грудь. Брюки рвала больная эрекция. Казалось, что еще немного, и я умру от этой боли.

Ее пальцы быстро стянули с меня футболку. Расстегнули ширинку. Я не помню, как оказался голым. С трудом я пытался стянуть с нее трусики.

– Егоор. Быстрее, я так больше не могу. – Ее стон в моем ухе.

Я провел рукой по ее мягкому плоскому животику и спустился ниже. Твою мать... она такая влажная. Очень нежно начал двигать пальцами по ее складкам. Ее ногти впились в мое предплечье, она захныкала. Бедра подались мне навстречу.

– Я не пальцы... твои хочу... а тебя... – слова обрывками и я сдаюсь.

Чуть приподнимаю ее бедра. Блять... Какая она узкая, горячая. Ее стон и мой. Мой разум на грани. Нечем дышать.

Если она начнет двигаться прямо сейчас, то я все закончу, не успев начать. Она такая живая, но нереальная. Неужели это происходит наяву?

– Дай мне минуту, прошу. – Сквозь туман ощущений слышу свой хриплый голос.

Ее руки притягивают мою голову. Ее пальцы в моих волосах. Ее рот врывается в мой. Ее язык переплетается с моим. На миг мне показалось, что меня нет. Все, что я считал материальным, исчезло. Осталась только она. В самом эпицентре моих чувств, моих желаний, моего мира.

Я сам не понял когда начал двигаться. Все, что было до этого, не имело значения. Любой секс с другими, не вписывался в рамки того, что со мной происходило. Каждое движение рук, бедер, языка, каждое соприкосновение с ее телом сжимало меня до точки невозврата. Что-то огромное накрывало меня с головой, готовое снести все мое мироздание.

Влажные шлепки, стоны, звуки поцелуев, руки, губы, ее запах... Все мои инстинкты, рецепторы, чувства обострились. Движения стали жестче, быстрее. Как мне тебя мало. Как мало этого всего. Мне мало только секса. Я хочу тебя всю. Чтобы ты всегда была рядом. Чтобы ты не могла без меня дышать. И когда я это понял, меня смыло. Стерло разум. Вот она точка невозврата. Мира без нее не стало...

Она тихо уснула на моем плече. А я лежал с дырой в груди, в которой плескался страх и боль. Впервые за долгие годы, я понял, что плачу. Слезы катились по щекам. Секс не принес

успокоения, скорее он просто разнес мой мир вдребезги.

Сука... Я не хочу быть пьяной ошибкой на одну ночь. Просто не хочу.

Очень осторожно я встал с кровати, натянул на себя одежду, завернул ее в плед и понес в ее комнату. Уложив на кровать, нашел в чистом белье футболку и трусики. Одел ее, как безвольную куклу. Укрыл одеялом.

Потом я долго стоял и смотрел как она спит. Начало светать. словно в бреду я зашел в свою комнату, сгреб ее одежду в один ком и лег в обнимку с ним. С ее запахом. С мыслями о ней и том, что между нами произошло. Сон накрыл мой уставший разум. Снов не было, только спасительная тьма и тишина.

Женька

С первым пробуждением пришла боль. Голова была готова развалиться на части. Каждая клеточка тела стонала. Меня словно бегемотом прожевало. И было ощущение, что я выпила весь песок пустыни Сахары, в который регулярно гадили кошки.

Хотелось пить, но оторвать голову от подушки было не реально. С трудом я открыла глаза и солнечный луч ударил по моему мозгу кувалдой. Я застонала.

– Я хочу сдохнуть. – Мой голос звучал, как у 90 летней старухи.

Я лежала и пыталась осознать все события прошедшей ночи. Яркие картинки мелькали калейдоскопом в моем воспа-

ленном сознании.

Очень много алкоголя.

В таких объемах я напилась впервые в жизни. Мне этого хотелось, мне это было нужно.

Вся прошлая неделя была одним сплошным скандалом. Все звёзды сошлись в одной точке: учеба, Миша, Серёга, Ленка... Серёга находил любой предлог для ссоры – моя работа, общение не с теми людьми, рассеянность, да я даже дышала не правильно. На днях началась ссора из-за телефона в руках за столом. Знаю, что это не прилично, но в этом доме все едят уткнувшись в телефон.

Лена На фоне всех скандалов начала злиться на меня. Мне высказали, что я нарочно провоцирую ссоры, чтобы привлечь внимание. А я наоборот стараюсь быть тише воды, ниже травы. Дома стараюсь вообще не появляться, а если дома то из своей комнаты не выходить.

Миша тоже не отставал от домашних. Я его понимаю, ему нужно внимание, любовь... То чего я ему дать не могу, как бы не старалась. Учеба и работа, дома стандартная бытовая рутина – уроки, посуда, стирка, подработка. Все это выматывает и выделять ему время больше чем 2 раза в неделю я просто не могу ни морально, ни физически. Эти отношения угнетают, не принося никакой радости. Что делать с ними дальше, я не знаю.

По учебе завалы после новогодних праздников. Кучи докладов, презентаций, проектных работ. Подработка грозит

меня снести лавиной в пучину бессонных ночей. Хоть тут спасет Егор, взял с меня часть моих работ. Казалось, что только он рад моему присутствию. За последнее время мы сдружились, что меня очень радует. И то что он знает, какие я испытываю чувства к Серёге, только облегчает общение с ним. Он поддерживает и с ним легко.

Как-то ночью я лежала и думала, каково было бы влюбиться в такого как он. Иметь нормальные подростковые отношения... Почему нельзя стереть чувства к человеку? Как в телефоне почистить фото, переписку, скинуть КЕШ и двигаться без груза чувств и болячек!

Мне так не хватает наших разговоров с Серёгой по душам, обсуждения фильмов и книг, игры в приставку, совместной готовки, не хватает его всего.

Я очень эгоистичный человек. Меня баловали всегда. Наши родители, Серегины, сам Серёга. Я получала столько заботы, тепла, внимания, любви, что это не могло повлиять на отношение к миру. Я знаю, что нужно меньше трясти красной тряпкой перед быком. Приходить раньше, ночевать дома, быть хорошей девочкой.

Но после того, как я узнала, что у них скоро будет ребенок, я поняла самое главное – мир не верится вокруг меня. Все скоро изменится. Я и сейчас со всем справляюсь сама, но совсем скоро всю свою заботу и любовь Он будет дарить малышу. Мне надо научиться жить без него, Серёге тоже. Но он не хочет этого осознавать. Возможно тут сыграла боль-

шую роль новость четыре года назад, что меня могут забрать в детский дом и он осознал, что только он может мне помочь, примерив на себя роль отца. Только мне от этого не легче. Тотальный контроль во всем.

Лена и Егор не знают насколько все сложно. Он каждую ночь приходит и проверяет сделала ли я домашнее задание, наводит порядок в моих вещах, пока я сплю. Несколько раз я притворялась спящей и чувствовала, как он садится рядом, укрывает одеялом и гладит мои волосы, как в детстве. Ведёт себя так, как будто ему страшно. И это так пугает и давит, душит. И мне хочется сбежать....

В этом доме никто знает, что на фоне стресса я перестаю нормально есть и спать. И у меня начинаются кровотечения из носа. Появляется сильная слабость и подавленность. Я стараюсь не приходиться домой, отсыпаясь у Ленки, потому что она живёт одна и в ее квартире тихо.

Как не быть эгоистичной? Как поступать, чтобы Он не злился? Как себя вести, чтобы на меня не злилась Лена? Как вести себя с Мишей! Усталость наваливалась как снежный ком.

Мой день рождения отмечали дома, тихо, по семейному. Гости – крестная, мама Егора, Светка и нас четверо. Торт, небольшое застолье. Утром поздравили Лена с Серегой. Подарили духи, которые мне так нравились и золотую подвеску в форме четырехлистного клевера. Это было так мило. Наконец я могла их просто обнять, без криков, претензий и

лишних слов. Светка подарила кигуруми в виде плюшевого медведя. Крестная и тетя Наташа деньги. Они точно лишними в моем кошельке не станут.

Было ощущение, что Егор меня игнорировал. Все утро провел в комнате, а потом помогал Серёге во дворе с шашлыками. И я решила, что надо навестить в его комнату.

Он помог застегнуть цепочку, поздравил, подарил наушники. И все таки, как хорошо что у меня появился друг.

Тихий вечер с родными и близкими. Торт. И ни одного скандала... Прекрасная декорация к вечеру когда все началось разваливаться!

Было решено поиграть в карты. Я поднялась в комнату, карты лежали на столе. Но ведь кое-кто навёл порядок в моем личном пространстве. Найти их сама я не смогла, пришлось звать Серёгу.

– Зачем ты это делаешь? Зачем наводишь порядок? Это мои вещи, я сама могу убрать. Я не маленькая!

Он стоит в дверях, облокотившись плечом к косяку. У меня заныло в груди. Как перестать любить этого человека? Как перестать хотеть того, кто никогда тебе не будет принадлежать?

– Тебя не бывает дома. Я скучаю. А когда навожу порядок в твоих вещах, это как с тобой поговорить. Успокаивает. Знаю, что это не правильно, но мне трудно привыкнуть что ты уже большая, что я тебе не нужен. – у него такой печальный голос, что в животе разливается боль.

Я начинаю плакать.

– Как это не нужен? Как ты можешь быть не нужным? Ты самый нужный для меня человек на планете! – мое эмоциональное состояние далёко от нормального, я реву по любому поводу.

Он подходит и очень нежно обнимает меня. Мне этого мало, хочется, вжаться в него, влезть к нему под кожу, я завожу руки ему за спину и сжимаю его рубашку в кулаки. Он обнимает крепче. Я слышу его тихий голос, дыхание на своих волосах

— Ты же знаешь, как я тебя люблю? – Серегин голос.

– Угу. – шмыгаю носом. – Я тоже.

– Как я соскучился по тебе. По нашим нормальным разговорам, играм в приставку. Тебя совсем не бывает дома, а если ты дома, мы ругаемся.

– Я тоже скучаю, очень.

– Давай не будем больше ругаться.

Я тоже этого так хочу. Хочу приходить домой и видеть только твою улыбку, а не обиду, ссоры и злость.

Я чувствую, как он гладит меня по волосам, совсем как в детстве, когда я плакала, когда папа и мама оставляли меня у Орловых и уезжали с Леной в больницу. Чувствую те, же ласковые поцелуи в макушку, которые приносили покой и ощущение своей нужности, значимости.

И вдруг меня оглушает пустота, он выпускает меня из из своих объятий, забирая у меня свое и мое тепло. Проводит

по мокрым щекам большими пальцами рук, снова, как в детстве. Ностальгия бушует во мне как море.

– Прости меня, я постараюсь себя контролировать. Ты столько лет была рядом со мной, каждый день, постоянно, что я потерялся. Потерялся от того, что ты выросла и больше так во мне не нуждаешься, как раньше. Это сбивает с толку. Я просто к этому не готов. Мне очень сложно перестроиться. – Его голос был хриплым от эмоций.

– Я знаю, я все понимаю. – Тихо шепчу я, стараясь не выдать своих эмоций.

– Просто разреши мне и дальше быть рядом с тобой, и тебе помогать. Мне нужно понимать, что мы с тобой по-прежнему одна семья.

– Хорошо. Я тоже буду стараться.

– Иди, умойся. – Хохочет Серега и его улыбка такая теплая. – Ты как поревешь, тебя разносит как китайца. – Весь макияж поплыл.

– Очень смешно. – бурчу я, шагая в ванную.

– Карты я нашел, жду внизу. – Крик летит мне в спину

– Угу.

Смотрю в зеркало. Гремлины... мать их. Я из семейства гремлинов. Опухшее лицо, красные пятна. Мне нельзя реветь, у меня аллергия на слезы. Кое-как привожу себя в порядок и спускаюсь вниз.

Серёга раскладывает карты на четверых, Светка наливает всем чай. Но четверного человека нет. Я вопросительно об-

вою взглядом кухню и слышу голос Светки: – Он в туалете.

– А, ясно. – Сажусь за стол.

Светка продолжает вещать ранее начатую историю Серёге, о поисках кигуруми-плюшевый-твою-мать-медведь-где-тебя-купить. О том что, мелкой вонючке, то есть мне, нужен был именно плюшевый, с мелким ворсом, коричневенький, мерзотнёнький такой... Светка смотрит на меня с шутливым гневом. Серёга ржёт.

– Но ты угодила! Он прекрасен! Он божественен! Я буду самым охрененным медведем в этом кигуруми!

Я встаю со стула, принимаю позу оратора и продолжаю нахваливать свою подругу и ее подарок.

– И да, духи и цепочка с подвеской тоже очешуительны. – я поворачиваюсь к Серёге, отвечивая поклон.

Надо мной ржут. Я люблю когда близкие мне люди смеются, это означает что мой мир стоит крепко и все в нем не плохо.

Егора до сих пор нет и я говорю, что иду за ним наверх.

Когда начинает рушиться твой мир, об этом никто не говорит. Что вот здесь и сейчас, произойдет хрень, которая запустит целую цепочку событий, к которой ты не готова. Никто! Нихрена! Тебе не скажет!

Я стучу в комнату Егора, зову, толкая дверь. Он стоит в самом центре, какой-то потерянный, измученный.

– Егор, ты там? – тихо отворилась дверь.

Свет выхватывает его фигуру из темноты. А он так стран-

но на меня смотрит.

– Ты чего тут во тьме? Все в порядке? – меня напрягает, что он молчит и просто смотрит.

Тихо подхожу к нему, остановившись в полушаге от него, глядявваюсь. Почему он сейчас такой странный, тихий. Как будто он сейчас пытается переварить информацию, слишком сложную для его восприятия.

Я только хотела спросить, что с ним случилось, как он взрывает не мозг своим поступком. Его руки тянутся к моему лицу. Его рот впивается в мой. Меня прихлопывает шокком.

Я знаю Егора с детства, они часто приезжали к Орловым в гости. В нем всегда было столько показушности, что я старалась с ним не общаться. При виде меня он всегда делал такое лицо... Как будто я маленькая, плешивая собачонка. Такое липкое ощущение всегда было от общения с ним.

Когда он поселился в этом доме, то смотрел на меня примерно тем же взглядом. Я знала, что ему не особо нравлюсь, а когда вылила на него ушат дерьма, думала, что отношение ко мне вообще упало ниже плинтуса. Конечно, за последние пару месяцев мы сдружились, и он перестал смотреть на меня, как на злобное существо.

Но то, что происходило выбило меня из колеи. Наглухо. Я даже не поняла сколько времени прошло, я только поняла, что отвечаю на поцелуй не осознавая, что вообще происходит.

Какого хрена? Моя кукуха пела балладу о бреде и сиреневых гладиолусах.

С трудом я сфокусировала свое сознание на происходящем и оттолкнула Егора. Меня накрыло злостью. Ведь все было так хорошо, мне так был нужен друг. Зачем!?

– Зачем? Зачем ты это делаешь? – я ору ему это в лицо и ломанулась вниз, хлопнув дверью.

На лестнице я запаниковала. Если сейчас меня увидит в таком состоянии Серёга, он будет спрашивать. А там и до нового скандала не долго. Я поднимаю голову наверх, вжимаю шею в плечи в надежде, что Егор за мной не побежит.

Один. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь... Тишина, он остался в комнате. Фух. Меня накрывает волной облегчения. Перевожу дух, иду вниз. Колени дрожат.

Навстречу обеспокоенный Серёга.

– Все в порядке? Я слышал шум и ты кричала.

– А, там темно у него, упала. – Вру я. – он лег, у него голова разболелась. Просил извиниться.

Мне страшно, что он все таки решится спуститься вниз. Сердце ходит ходуном. Я отодвигаю событие на задворки памяти, чтобы потом найти логичное объяснение его поступку.

– Нигде не поранилась? Все хорошо?

– Да все норм, я ж неувязок. – я начинаю фальшиво хихикать.

– Неет. – Светка хихикает. – Не болит у него ничего!

Мне становится страшно, может она видела? Резко пово-

рачиваю к ней голову.

– Это он меня испугался. Я к нему решила подкатить, напугала мальчика, вот он и сбежал. Такой милашка.

Я издаю булькающий звук от облегчения. Серёга смеётся, Ленка продолжает хихикать.

– Может ну эти карты ? Дайте просто чаю попьём. – понимаю , что настроения играть никакого.

Чай выпит. Мы со Светой двигаем в мою комнату, навести марафет перед клубом. Серёга упрасивает не идти. Но Светка встала своим 4м размером, как крепость, отстаивая мое право на отдых в движении.

– Да я с парнем буду, и обещаю вернуть ее живой и здоровой.

Наверху я оглядываюсь на комнату Егора. Дверь закрыта, под ней нет полоски света. Значит решил привести мысли в порядок. Или спит. Хотя... Я думаю, что ему есть над чем подумать.

Как теперь с ним общаться? Как себя вести! Вымораживает, что вообще ничего не делала для того чтобы эта вся хрень произошла. Я не липла к нему, не флиртовала. Игнорировала. Конечно за последние пару месяцев мы сблизились, но я не давала вообще никаких поводов. Тем более он знает, что я люблю Серёгу.

Ещё одной проблемой в этом доме стало больше. Ещё одним поводом больше, чтобы свалить отсюда.

Только не сегодня! Нафиг все мысли! Хотелось напиток

в хлам! Сегодня мой день! Гулять!

Женька

Мы оказались в клубе около 11. У Светы здесь парень работает барменом. Я была тут пару раз, так что обстановка было привычной. Валера порадовал. В клубе акция, именинникам бутылка шампанского в подарок. С нее и начали. Все шло так хорошо, что забылся поцелуй с Егором и все казалось не таким хреновым. Пока я не увидела Мишу у барной стойки напротив.

Он вылизывал какую-то блондинку, да так так, что мне стало противно! Вот тебе и подарок на день рождения! Просто комбо за сегодняшний вечер! Страйк!

Громкая музыка, движение людей. Невнятные выкрики. Снующие официанты. А я смотрю и не могу перестать...

Светка, повернула голову направлении моего взгляда и ее челюсть упала. Она медленно поднялась и двинулась к ним, но я вовремя перехватила ее за локоть.

– Успокойся. Не надо. Я не хочу скандалов. Правда! Только не ты, прошу.

– Но... Жень... Это же твой...

– Уже не мой. – Я грустно улыбнулась. Вот и повод нашелся прервать эти отношения, которые тянули обоих.

– Я... Сейчас, он же. – Светкины щеки стали такими же как ее волосы, гнев горел во взгляде.

– Просто сядь. – Я налила нам по бокалу игристого. И стала отстраненно наблюдать за своим теперь уже бывшим

парнем.

В какой то момент он поднял взгляд и увидел меня. В глазах был шок. Я подняла бокал, словно салютуя в его честь и отвернулась. Меня начало подташнивать от его вида.

Пара минут и его рука на моем плече.

– Я просто не так поняла? Или что? – Спокойно сняла руку со своего плеча.

Он ожидал скандала, истерик, но не такого безразлично-го вопроса и такой спокойной реакции. Это было видно по глазам.

– Ты... Я... Просто.

Музыка орала заглушая его слова. И я поняла что не хочу. Не хочу разборок, скандалов... я так устала, смертельно устала.

– Зачем? – Я даже не знаю к чему этот вопрос задала.

Зачем он с ней? Зачем он подошёл? Зачем пытается мне что-то объяснить? Зачем ждать от меня положительной реакции? Нахрена?

Он стоит и молчит.

– Иди, она ждёт. – Я отворачиваюсь.

Он орет в спину: – И это все? Правда все?

– Все! А ты ждал другого? – я слегка оборачиваюсь и даю взглядом понять, что разговор окончен.

– Но я тебя люблю. – В голосе отчаяние.

– Да, и ее ты тоже, видимо, любишь? – киваю в сторону блондинки.

– Да я ее вижу в первый раз.

– Оооо, и такая близость? Наверное любовь с первого взгляда.

Светка начинает хрюкать от нашей перепалки. Он зло смотрит на меня и пытается продолжить диалог.

– Жень, пойдём выйдем, поговорим нормально.

– А мы не нормально разговариваем? Я не ору, не устраиваю истерик.

– Я не об этом. – Миша начинает злиться.

Смотрю на него и понимаю, какая же я тупая дура. Как я могла решить, что он на него похож? Зачем вообще завела эти дурные отношения? Для чего?

– А если бы я? Я с кемнибудь тут? Сосалась в углу? Чтобы ты сделал? Потасил говорить? Простил? – я начинаю ржать. Где-то в груди грохочет гнев и обида на саму себя, что не прервала эти отношения раньше.

Я знаю, почему так получилось. Когда человек не чувствует тепла, внимания, любви. Как бы он не любил, он ищет это на стороне. Мише мало секса, ему нужна девушка, которая будет его любить. Но это не я. Я не умею. Умею любить только Его и больше никого.

Гнев разрывает грудную клетку от обиды за него, за того, который сейчас пытается все исправить. А мне насрать. Гнев на себя, что не стану слушать. Гнев на себя, что не дам больше шанса ему и нашим отношениям.

Я топлю этот гнев глотком шампанского. Встаю, подхожу

к нему, обнимаю за плечи. И говорю тихо, но так чтобы он услышал в этом шуме: – Иди. Она ждёт. Но я больше не жду! Ничего! От тебя! Не жду!

Толкаю его и пробираюсь сквозь толпу. Слышу крик Миши и Светки. Наверное оба бегут за мной. Мне надо умыться. Совсем рядом слезы, ещё немного и я снова стану гремлином. Гремлины, мать их!

Холодная вода отрезвляет. Возвращает рассудок на место. Тушь стекает по щекам, вода плачет за меня, рисуя черные дорожки по лицу. Вижу свою печальную улыбку в зеркале.

За спиной выплывает Светка с обеспокоенным лицом. Достает из сумочки влажные салфетки, поворачивает меня к себе и начинает оттирать черноту.

– Ты как? – голос полон тревоги.

Я мотаю головой, пожимаю плечами.

– Ты же сама все знаешь.

Она обнимает меня. И тихо шепчет: – Все будет хорошо.

И мне так хочется верить в эти слова.

– Но ты красотка! Это было лучшее расставание, которое я видела. Ты просто мой кумир! – Светка отстраняется от меня и начинает смеяться.

Я выхожу из туалета. Боюсь что он тут ждёт. Но Миша ушел. Он не просто ушел из клуба, свалил из моей жизни. Печаль накрыла так тихо. Хотелось нажраться. Да так, что бы потом выблевать весь этот день к чертям собачьим.

Пара коктейлей. Четыре стопки текилы, два стакана пива,

наверное была водка. Это уже смертельная доза. Светка пыталась меня остановить, но потом махнула рукой. Чуть-чуть себя я осознала на улице. Светка держала меня за голову, пока меня рвало в сугроб. Я блевала и хихикала. Хихикала и блевала.

Хотелось умыться снегом. Но мне не дали.

Подруга орала о том, что этот сугроб окрашен жёлтым... И чужая моча на моем лице не сама достойная косметика.

Потом снова провалы и черные дыры в памяти. Тошнота. Пара остановок, Светкины руки держат мою голову вновь. И вот я у ворот дома. Она хлопает по моим щекам.

– Мелкая, ээй, соберись. Слышишь. Дома Серёга, он тебя ждёт. Увидит твоё состояние и тебя запрут дома. Ты слышишь?

Это отрезвляет. Я вытираю слюну, скопившуюся в уголке рта. Иду во двор. Тыкаю в сугроб, показывая Светке.

– Он тоже Жёлтый?

Она ржёт и мотает головой.

– Степанова, именно за это я тебя и люблю. Ты в любом состоянии заставишь ржать. – она берет полную ладонь снега и начинает вытирать мне лицо.

Я матерюсь от холода, но прихожу в себя. Пара влажных салфеток и ловкие руки Светки приводят мой фейс в норму.

– Главное пройти мимо питбуля без палева. Ты это понимаешь?

– Я понимаю. Все понимаю.

Мы идём к входной двери. Светка открывает ее и я заставляю свой мозг протрезветь, хотя бы не надолго.

– А вот и мы. – Рыжая косится на меня, рассматривая критичность моего внешнего вида.

Серёга сонный стоит в дверях гостиной. Вглядываясь в меня, как и Светка.

– Ты чего не спишь? – выдаю ему сразу настолько трезвым голосом, что сама охреневаю. Снимаю обувь и иду на кухню за водой.

– Уснешь тут? – Бурчит Серёга наудая за моим действиями. – Ты чего не раздеваешься, Свет?

– А, нее, я домой. Привезла тебе её в целости и сохранности. Надо в кровать, баиньки, дома.

Я двигаюсь из кухни, обнимаю Светку. Шепчу ей на ухо: «Спасибо, дружище!». Она сжимает меня в объятиях и просит Серёгу вызвать такси.

Пока происходят все эти манипуляции, я раздеваюсь, привожу себя в порядок перед зеркалом, оценивая насколько я трезва. Светка уезжает. Я махаю ей рукой на прощание и двигаюсь наверх.

– Алкоголем от тебя разит, за версту.

Серёга скрещивает руки на груди и хмурится.

– Ага. Был алкоголь, пили. Но как видишь, живая и стою на ногах. Не ругайся. Это мой праздник. Мне можно. – Не успев подняться наверх, подхожу к нему, обнимаю его и иду наверх. На спине чувство взгляд, но не оборачиваюсь.

Захожу в стою комнату и оседаю на пол. Машу Вать! Во мне столько алкоголя, как я вообще там держалась. Оскар в студию. Степанова, ты просто алкаш-виртуоз!

Тепло морит. Меня начинает снова развозить. Иду в ванную, чищу зубы, умываюсь. На душ нет сил.

Кровать. Мягкая, родная кровать. Но уснуть не могу. Долбаные вертолеты. Надо сесть и подумать, о чем-то кроме вертолетов. Перед глазами стоят Миша и блондинка, как он ее вылизывал. Тру руками лицо.

– Вот ведь, собака сутулая. – Бормочу я. – А я что? Хуже? Я тоже могу.

И совершаю в эту ночь поступок, который запустит цепную реакцию событий дальше, наматывая ошмётки моей нормальной жизни в мясорубку. Я иду в комнату Егора...

И вот оно, гребанное утро. Добро пожаловать в Зомбилэнд! Добро пожаловать в ад, который ты вчера наворотила! Какой же испанский стыд. Хочется начать новую жизнь, с новыми людьми, в новом городе. И ничего меня не спасет!

Егор.

Утро застало меня в обед. В доме было тихо. Видимо вчерашний день всем дался очень тяжело. Я встал, оделся и быстро вышел из своей комнаты. Не стал мыться, есть, просто оделся и сбежал.

Мне было страшно. Страшно, что она выйдет и скажет слова, которые меня прикончат. Я как крыса, с тонущего...

бегу, не оглядываясь.

Сел в машину, завел. Упёрся лбом в руль. У меня все так просто, каждый раз. Если сложность и ее надо решить, я бегу. Сраный страус, голову в песок.

Но я не знаю, что мне делать. Я не знаю как ей смотреть в глаза, что говорить, что бы она не сказала гребанных слов об ошибке.

Это! Не! Побег!

Мне нужно время. Его слишком мало прошло. Мне надо уложить весь этот хаос, бардак в своей голове и решить. Решить к чему я готов, а к чему нет. Решить, как начну разговор, что будет если всё-таки – ошибка!

Машина прогрелась, я медленно выворачиваю на дорогу и набираю скорость. Куда еду? Пока просто по городу. Дорога отрезвляет мир. Успокаивает. Ощущение руля в руках, педалей под ногами, укладывает эмоции на полки.

Час бесцельной езды по городу и я у родительского дома. Молюсь, что бы они были там и чтобы не было очередного скандала. Дома пахнет мамой, дорогим парфюмом, кожей и кофе. Такие рафинированные запахи, могут быть только тут.

Мама выходит из кухни. Сонная и счастливая от того, что приехал.

– Ого. – Смеется она. – Ты чего это? Соскучился? Вчера же виделись.

Вчера. А такое ощущение что пролетели годы. Удивительно, как за одни сутки может произойти столько всего.

– Ну, ты же сказала, что я не приезжаю и не звоню. Вот сразу и решил исправиться.

Она нежно обнимает меня и целует в щеку

– Пойдем, я кофе сварила. – берет меня за запястье и тянет за собой.

Она у меня яркая высокая блондинка. Они с Леной чем-то похожи. Вся эфемерная и неторопливая. Многие говорят, что я на нее похож не только внешностью. Ее мягкость и чувствительность, судя по всему, передалась мне.

Тихие разговоры ни о чем. Вкусный свежесваренный кофе. И я впервые чувствую то, чего никогда не ощущал в этом доме – уют. И от этого становится так грустно, но тепло на душе. Ощущение обволакивает, я зажмуриваюсь делая глоток крепкого напитка. Открываю глаза и вижу, что она на меня смотрит и улыбается.

Ее рука тянется к мои волосам, ерошит их, проводит пальцами по скулам и вздыхает.

– Что?

– Ты стал другим. – шепчет она.

– Каким другим? – удивляюсь я.

– Не знаю, – пожатие плечами, лёгкая улыбка, – просто другими. Но думаю, ты знаешь о чём я.

В этом вся она. Мама всегда говорит загадками, на которые другие люди знают ответ. И это не может во мне не вызывать улыбку. Я встаю и обнимаю ее за плечи.

– Ты у меня такой хороший вырос. – Шепчет она прижи-

маясь щекой к моему животу. – Ты надолго? Отец на работе, я бы хотела, чтобы вы увиделись.

Я киваю головой сам себе. Я тоже хочу с ним увидеться.

– Думаю, я с ночёвкой. – опускаю голову и улыбаюсь матери.

Она счастливо улыбается в ответ.

– Тогда закажем пиццу?

Я радостно киваю.

Остаток дня прошел тихо. С работы пришел отец. И даже с ним все спокойно. Впервые за долгое время совместный ужин, много смеха. Словно мы нормальная семья. И это так успокаивает.

Вечером лёжа в своей кровати я понимаю, что не хочу возвращаться туда. Ведь теперь там все пугает.

Отодвигаю мысли на задний план. Меня тихо накрывает сном. Темным и таким успокаивающим.

Уже под утро начали сниться сны. Обрывчатые. Тягучие. Тяжёлые. Живые.

В них была Женька. Она смеялась и плакала, пела и кричала. Но все это было не для меня. Я словно был зрителем кино. Я смотрел, а она не знала, что я смотрю. Жадно. С тоской. Я звал ее, а она жила этой жизнью без меня.

И сны то не кошмарные. Не пугающие. Но я проснулся в поту. А в углах глаз слезы.

– Какая все таки хрень. – голос мой охрип. Хочется пить. Смотрю в телефон. 6 утра. – Твою мать. – Тру руками лицо

и встаю.

Кухня. стакан воды. За окном ещё темно, рассвет только-только начинает вступать в свои права. Надо сегодня попасть в институт. Вчера благополучно забил на лекции. Упираюсь ладонями в столешницу. Как собрать себя в кучу.

За спиной шаги. Это мама. Сонная. Обнимает меня со спины.

– Ты чего так рано? – хриплое дыхание в мою спину.

– Институт. Надо пораньше. Хочу поймать Кураева, сдать зачёт по философии.

– У тебя все хорошо? – в ее голосе слышны нотки беспокойства.

Нет, мам! Все не в порядке! Совсем все не в порядке! Твой сын влюблен безответно, в доме где он сейчас живёт происходит ад. Я вздыхаю. Улыбаюсь. Поворачиваюсь к ней лицом

– Твой сын взялся за ум, а ты спрашиваешь все ли у него в порядке? – мой тихий смешок.

– Да. Ты просто очень тихий. Ты таким не бываешь. – в ее глазах скопилось немного печали.

Целую мать. Освобождаюсь от ее объятий. Надо принять душ.

– Все в порядке. Просто устал немного. Я в душ.

– Хорошо. Я свою кофе.

Часом позже я в дороге. Тихий гул машины. Проснувшийся город. Светофоры, пешеходы. Дорога успокаивает.

В институте все проходит тихо. Леха не пришел. Алиска

обжимается со своим новым парнем, сверля мне спину. А у меня каша в голове.

Что делать? Как себя вести? Что говорить? Настроение медленно катится вниз.

Как говорят: перед смертью не надышишься! Неспеша доехал до Орловых и я стою у входной двери уже минут десять, пытаюсь найти силы войти... И не могу. Тут удар в лоб дверью, я падаю от неожиданности на пятую точку.

В дверях Женька. На лице мелькает целая буря эмоций, которые меняются одна за другой. Испуг. Шок. Понимание. Паника. Страх. Смущение.

– Привет. – хрипит она и срывается с места. Оббегает меня и скрывается из виду.

– Сбежала значит. – я сижу на льду с улыбкой. – Не только мне страшно сегодня. – почему-то накатывает волна облегчения.

Встаю. Отряхивают. Вхожу в дом. Надо решить как начать разговор, когда она вернётся.

Сколько дней прошло с той ночи. Неделя? Две? Да это же собачий бред. Она что агент 007? Как у нее получается так меня избегать. Я встаю, ее уже нет, ложусь, а она не пришла.

Если бы не ворчание Сереги о том, что она так себя в могилу загонит, я бы подумал, что она вообще не приходит домой.

Утро субботы. Тихое. Лена уехала к подруге, сказала, что вернётся поздно. Серёга в гараже. Я выпил кофе и двинул

наверх к себе. И вдруг вижу, что она выходит из своей комнаты, крадучись, прислушиваясь.

Снова при виде меня паника, страх. Она как рак, пятится назад и пытается закрыть дверь.

– Стоять! – ору ей я. И врезаюсь плечом в дверь

Она скулит, пытаясь не пустить меня внутрь. Лёгкая борьба и я вваливаюсь в ее комнату.

Она такая потерянная. Стала как тенета, ещё сильнее похудела. Глаза огромные в половину лица. Начинает метаться по комнате.

– Ты не думаешь, что нам надо поговорить?

Ее плечи вздрагивают. Она закусив губу, мотает головой.

– А помнится, на меня ушат грязи был вылит, о том, что я не решаю свои проблемы. А, Жень? – хмыкаю я.

Она поднимает затравленный взгляд, слегка наклоняет голову набок, а в глазах вина, столько вины.

– Прости. – ее шепот. – Я не знаю, что говорить, и что делать. Я не знаю, как себя вести рядом с тобой.

– Я тоже. – моя спина упёрлась в дверь, руки скрещены на груди. Так она не убежит, а у меня не будет возможности ее касаться.

– Правда?

– Угу. Но радуется одно, что ты помнишь, возможно не все, но помнишь что произошло. Да?

Это даже забавно. Она вся съеживается, становясь ещё меньше. Глаза становятся испуганными, как у кролика.

Опускает взгляд и кивает.

– И что будем делать? Бегать дальше? Ты что Форест Гамп?

Мотает головой.

– Чего молчишь?

– Прости!

– За что?

– Не знаю, за все. За свое поведение, за отношение, за то что натворила дел. – Ее голос срывается до шепота.

– Ну, творили то вместе. – Хохочу я .

Ее заливают краска стыда. Боже, какая она сейчас красивая. Так хочется подойти и поцеловать.

– Я, мы... Мы были пьяными и все это...

– Ошибка? – по телу ползут мурашки. Сука, только не это. Не хочу! – Я не был пьян!

Она пугается моего ответа. Отходит на шаг назад.

– Послушай. Все это было неожиданно, и неправильно, но это не значит что я этого не хотел. – Я вижу как в ее глазах мелькают вопросы, которые так легко прочитать. – Да, ты мне нравишься! Да, уже давно. Да, я этого хотел. Нет, я не хочу быть ошибкой. И да, я все знаю, знаю, что ты не готова к отношениям, что у тебя есть парень. Знаю про я про Серёгу. Но я не хочу, твою ж мать, быть ошибкой. Этот секс не был ошибкой, только не для меня. Ты слышишь?

Она молчит и только удивлённо смотрит. Что происходит в этой маленькой голове? Отлипаю спиной от двери и шагаю

к ней. Испуг. Паника. Мой вздох.

А я просто подхожу и обнимаю. Она замирает в моих руках.

– Если ты не готова, тебя это все пугает, то дай себе время это все переварить и не руби с плеча. Ты очень важный для меня человек. Я не буду давить, не буду ни на чём настаивать. Слышишь? Не хочу тебя терять.

Она просто кивает и я чувствую тепло ладоней на своей груди. Мы так стоим совсем не долго. Я понимаю, что ей не ловко. Отпускаю ее и хочу выйти из комнаты.

– Нет! Не надо! Нет! – Слышу ее крик. Но видимо поздно. Кулак врежется мне в лицо. Я заваливась на пол.

– Не надо, слышишь! Сережа, не надо! Не смей. – Женька начинает верещать, когда новая порция ударов обрушивается на меня.

– Ах, ты скотина. Ты какого хрена творишь в этом доме? – Ярость пылает на его лице.

Женька пытается его оттащить. Отвлекает его на пару секунд и я бью в ответ. Боже, как давно я этого хотел. Это было такое облегчение, просто дать ему в морду. Ради этого я готов был вытерпеть все удары, которыми он меня наградил.

Начинается потасовка. Женька орет. Мы катаемся по полу.

– Не лезь к нему. Он не при чем. Это я! Хватит, – я слышу сквозь шум борьбы, наше хриплое дыхание, как она начинает реветь.

Серёга отпускает меня. Моя голова ударяется об пол. Сноп искр из глаз. Сука, как больно.

Он подлетает к ней и орет ей в лицо.

– Ты с ума сошла? Взрослая стала? Ты хоть понимаешь что творишь? Какого хрена? Это мой дом, мой. А вы устроили тут... Что? – Его трясёт.

Женьку прибивает шоком. С трудом приходя в себя она начинает орать в ответ: – А мой дом где? Где мой дом? Где моя жизнь? А?

Разворачивается и сбегает вниз. Минута и хлопает дверь. Наступает тишина.

Я чувствую, как меня отрывают от пола Серегины руки и припечатывают к стене.

– Я разрешил жить в этом доме не для того чтобы мог трахать ее! Ты понял! Придурок! – его рука сжимала ворот моей рубашки. Он орал мне в лицо слова. – Какое ты имеешь право так поступать?

– Потому что я её люблю, потому что она мне нужна. – я орал ему в ответ, и не надо было искать слова, они сами слетали с языка. – Потому что хочу чтобы она была моей, чтобы она улыбалась... Мне! И я имею на это права, в отличие от тебя!

Он дернулся, как от удара. Хватка как то сразу обмякла. Он сразу сдулся, как будто из него выкачали весь воздух, отпустил меня и устало сполз на пол, оперевшись спиной о стену.

– Я все знаю! Ты ее любишь. – имена были не нужны, все и так было понятно. Нижнюю губу саднило, во рту стоял привкус крови.

– Конечно люблю. Она с самого детства со мной рядом. Она часть моей жизни. – казалось, что он проговаривал заученные фразы, в смысл которых он сам давно перестал верить. Под его левым глазом начинал наливаться синяк.

– Ты не понял... Я знаю.

Серёга поднял на меня затравленный взгляд, в котором сквозил страх, боль и тоска.

– И давно? Неужели все так прозрачно? – он криво усмехнулся.

– Наверное понял давно, но осознал совсем недавно. Просто пазл сложился и все встало на свои места в ее день рождения. Когда я увидел тебя в её комнате, пока она была в клубе.

Серёга подлетел с пола. Лицо залила краска ужаса и стыда. Он двинулся ко мне. Я закрыл глаза и замер в ожидании новых ударов. Но их так и не последовало... А когда я открыл глаза, увидел, что он стоит ко мне спиной, оперевшись ладонями о стену. Он дрожал всем телом. Его словно согнуло пополам. Тишина лупила по барабанным перепонкам.

– Я приношу извинения за то, что я это увидел. Это было сделано не осознанно. – извинения, чтобы разорвать это молчание.

Он лишь мотнул головой.

– Как давно ты ее любишь? – не знаю зачем, но мне нужен был ответ на этот вопрос.

– Всегда. – Он тихо прошептал. – да у меня и выбора то не было. – в голосе было столько обречённости.

Серёга повернулся ко мне, но взгляд так и не поднял. Он тихо опустил на пол, провел ладонями по лицу. Потом руки безвольно упали вдоль тела, костяшки на пальцах разбиты. Под правым глазом начал наливаться синяк. И левая скула тоже синела. Голова запрокинулась, он закрыл глаза.

– Мне нельзя ее любить. Я просто не достоин быть с ней рядом. Ты знаешь как я ненавижу себя? Знаешь? – Его голос был хриплым. – Я всегда хотел сестрёнку. Но маме больше нельзя было иметь детей. Наверное поэтому на меня выливалась вся любовь моих родителей, я в ней купался. И мне хотелось ее с кем-нибудь делить. А потом в моей жизни появилась Женька. До сих пор помню день, когда мы пришли к Степановым на «Ножки». Мне показали ЕЁ. Я не мог отвести взгляда, мне было 6 и я не верил, что люди могут быть такими маленькими. Она была похожа на куклу, на игрушку в магазине. Так смешно причмокивала губами... у нее были такие маленькие ножки и ручки, пальчики были крохотными. Я понял, что хочу стать ей старшим братом, другом, защитником. Так смешно, мне было всего 6, откуда столько мыслей? – Улыбка тронула его лицо. – Однажды меня попросили посмотреть за мелкой на улице, она спала в коляске. Я возил коляску по двору и представлял, что это моя собствен-

ная сестрёнка. Мне это так нравилось. А потом я видел, как она росла, как научилась ходить. Как она начала звать меня «Езя». – Серега открыл глаза, но взгляд был обращен внутрь себя, в воспоминания. На губах играла все та же грустная улыбка. – Потом Ленка стала болеть, и родители Жени доверили нам Женьку, мотаясь с Леной по больницам. Она оставалась у нас ночевать, я читал ей на ночь сказки. Мои родители в ней души не чаяли. А я уже тогда осознавал, что то что она рядом – очень правильно. Я даже научился заплетать косы и не просто косички, а колоски, чтобы она в садик самая красивая ходила. Господи... Какой бред... Наверное поэтому потом обрезала волосы, чтобы не быть для меня обузой и в этом.

Он сидел неподвижно, слово статуя, а слова лились из него потоком. Возможно он все это время искал выход всем этим эмоциями и чувствам. И теперь пришло время.

– Я просто не знал другого мира, мира в котором нет ее. Ее смех, маленькие пальчики, то как она мелко шлодила, как плакала, как делилась своими секретами... Ее мир был и моим. У наших миров не было границ и разделений. Нам не надо было говорить. Мы просто знали, что думает другой. Если что-то делали, то все было синхронно, да и сейчас так. Только сейчас все так сложно... – его тяжёлый вздох. – понятие «любовь» было всегда, я всегда ее любил, ее нельзя не любить, но понимание, что моя любовь не такая как между братом и сестрой, пришло когда Ей было 13. Меня тогда

смыло в унитаза моими грязными мыслями он ней.

По моей коже поползли мурашки, я понял что Серёга даже самому себе не позволял произносить все это в слух до этой минуты.

– Мы поехали все вместе купаться на озеро. Она надела купальник, такой детский, с нелепыми котятами, отвратно розово-голубой. И я увидел, что у нее начала расти грудь. Меня это оглушило, я испытал такое возбуждение, что мне стало противно. Мне было 19. А ей 13. Она такая чистая. И я этими мыслями ее испачкал. Мне казалось, что я на дне. – его голос сорвался до шепота. – В тот день я попросил отца отвезти меня домой, сославшись что мне стало очень плохо. И ведь было плохо. Так хреново не было никогда. Я приехал домой и никак не мог унять возбуждение. Все мысли были только о том как... Боже, какой я урод! Я не мог дышать! Я хотел вывалить все свое нутро и выполоскать с хлоркой эти мысли, эти желания. Моя маленькая Женька, испачкана мною. С того дня я живу в аду.

Серёга закрыл руками лицо. Сидел и долго молчал. А потом его снова прорвало.

– Я тогда думал, что я извращенец. Неужели мне нравятся маленькие дети? Ты знаешь до чего дошел мой бред? Ты знаешь до чего довел меня мой страх? – Серёга как-то странно засмеялся – Я стал смотреть на других маленьких девочек ее возраста! Чтобы убедиться, что я не такой как все. Боже, меня выворачило от этих мыслей. И знаешь что? Нихера,

ничего! Только она! Блять! Она и никто больше. И от этого ещё хуже. Я перестал с ней общаться. Запретил приходить ко мне домой. Смотрел как она часами стоит под моим окном и ревёт. Но знал, что так лучше для нее. Меня как наркомана ломало без ее присутствия.

По щекам Серёги текли слезы, чертя ровные полосы на его лице. И тогда я начал его понимать, в какой бездне отчаяния и хаоса жил этот человек.

– А потом я пошел выпить с друзьями и там была Лена. Я решил доказать, что я нормальный. Что я могу быть таким как все. Мы переспали. Я трахал ее сестру, а представлял ее. И хотел сдохнуть. Как я мог быть рядом со своим солнышком, когда я такая грязь? Однажды она встретила меня после школы и орала, что ненавидит. За то что оставил одну, за то что выбрал Лену. А я смотрел на ее слезы и думал: «Правильно! Меня надо ненавидеть!». Я так нуждался в этой ненависти... Постепенно, я смог справляться со своими демонами и все вернулось на круги своя, но в нашей жизни теперь была Лена. Она стала щитом, барьером безопасности для мелкой от меня. Так дышалось спокойнее. А потом... потом не стало родителей. И мир начал разваливаться на части. И не только мой мир...

Серегу вытер слезы руками, громко шмыгая носом. Тихо тикали часы, за окном лаяла собака. День был бы таким обыденным, обычным если бы не весь этот рассказ, вся эта гребанная ситуация....

– А когда сказали, что ее заберут в детский дом. Я думал, что сдох. Я думал, что оказался в аду. В моем персональном аду. Что ее не будет рядом со мной. Что я больше не смогу о ней заботиться, что не смогу видеть ее улыбку, слышать не смех. Меня как будто жарили на медленном огне. И снова Лена стала щитом. Спасательным кругом. Мы расписались и стали «родителями». Я понял, что теперь смогу быть с ней рядом. Научился затыкать свою физическую потребность Ленкой. И тут я ещё больший урод. Жить, трахать, быть с одной сестрой, чтобы любить и быть рядом с другой! Я даже просвета в этой тьме не вижу. Мне нужно только, чтобы Женя была рядом, в зоне моей досягаемости, в зоне безопасности. Там где я ее вижу, не смогу тронуть и не дам обидеть никому. Она такая красивая, такая живая, слово весь свет в ней собрался. Как я могу без нее жить? Как? Если её не будет рядом со мной, как мне дальше жить? Если её не будет рядом, все что я делаю бессмысленно?

Серёга шептал вопросы, на которые ни у кого не было ответов. Этот дом так полон боли, она тут лежала пылью, текла из кранов, плавала вместо воздуха. Мы все в этом доме дышим этой болью.

Какой всё-таки ад... я не мог произнести ни слова, я не знал, что говорить. Как помочь человеку, когда помочь нечем? Да и не нужна была ему моя помощь.

– Можно я побуду один? – Серёга прохрипел эти слова и с мольбой посмотрел на меня.

Я вышел из ее комнаты, тихо прикрыв дверь. Когда стал спускаться вниз, увидел Женьку.

Нет! Нет! Нет-нет-нет-нет-нет... Только не это! Не сейчас! Пожалуйста!

Она сидела на полу лестничного пролета. В глазах ужас. Щеки сырые от слёз. И я все понял. Она все слышала.

Твою мать. Блять.. Не так. Зачем именно так? Зачем она узнала именно так?

Она тихо мотала головой, медленно вставая на ноги. Губы шептали бессвязные слова.

И она сорвалась с места. Кубарем скатилась с лестницы, наспех одетые ботинки, хлопок входной двери и я бегу за ней.

Сука... Она же раздетая. На ней футболка и джинсы. Я схватил свою и ее куртку. Одеваясь на бегу.

Не так. Все неправильно. Тебе надо бежать из этого дома, полного боли, но не так...

Я знал куда она бежит. Было только одно место. В голове бил набат из матных слов. Почему я не услышал, как она вернулась? Почему не проверил?

Знакомая тропа. Тот же камень. Дежавю. Та же поза, те же слезы. Но на этот раз не будет никаких слов. Не будет потока грязи. Одно желание обнять. Надеть на нее долбаную куртку и обнять. Спрятать от этого ужаса.

Она слышит как я иду, но не оборачивается. Рыдания сотрясают ее хрупкое тело. Протягиваю руки к ней. Сгребая

в охапку. Распахиваю свою куртку и закрываю ее от всего мира.

Ее рыдания. Она вцепляется в меня, как в спасательный круг. Кулаки сжимают рубашку на моей спине. В ней столько боли, она хлещет через края. И у этой боли вкус солёных слёз. Никогда в жизни мне не было так плохо. Я чувствовал каждой клеточкой, каждым дюймом своего тела, как ей больно. Как ей страшно. Как ее мир расшатывался. Как скрипели и рушились стены, которые она так тщательно устанавливала, чтобы придать своему миру логичность.

Я стоял на этом пустыре, был рядом с ней, но никогда в жизни она не была так далеко от меня. Мне хотелось выть. Я ненавидел день, когда приехал жить в этот дом. Ненавидел день, когда понял, что люблю эту девушку, потому что ничем не мог ей помочь. Только стоять вот так рядом, держать ее, как спасательный плот в море страха, боли и отчаяния.

Женька попросила отвезти ее к Светке. Все происходило как в страшном, кошмарном сне. Губа горела, на правой щеке синел синяк. Левая бровь рассечена.

Женька попросила остановить у аптеки, выбежала, вернулась и стала обрабатывать мои болячки.

Запах йода, ее холодные дрожащие руки. Лёгкие прикосновения. Я прикрыл глаза. Так тихо.

– Больно? – спрашивает она.

– Нет, пройдет. – Я с трудом фокусирую взгляд на ее лице. Столько беспокойства в глазах.

– Прости.

– За что? – я удивляюсь.

– За все. От меня всегда одни проблемы. За Серёгу прости, он... – Она внезапно замолкает. Словно в ней что-то захлапывается.

– Ээй, – шепчу я, – все хорошо, слышишь?

Обнимаю ее снова, она тихо плачет. Снова слезы. Сколько же в ней воды?

– Я не знаю, что теперь делать. Я не хочу идти в этот дом. Не хочу больше. Я так устала. Так устала. Как мне быть? Что с этим всем делать?

– Просто тебе надо поспать. Отдохнуть. А потом придумаем.

Она отстраняется от меня, кивает. Я увожу ее к Светке. Возвращаюсь к Орловым. Как же хреново. Все хреново. Такой бардак.

Вхожу домой, Серёга встречает у дверей.

– Где она? – в голосе усталость, страх, беспокойство.

– Я отвез ее к Светке. – раздеваюсь, снимаю обувь.

– Как она?

Я смотрю на него. Интересно он в курсе того, что она слышала? Мой ответ повисает в воздухе.

Он устало трёт руками лицо.

– Она плакала ведь?

– Серёж, ты серьезно? Ты сейчас издеваешься? Она всегда плачет и только из-за тебя. Постоянно.

Он просто выводит из себя. Что с ним не так? Я иду на кухню, наливаю воду. С шумом опустошаю бокал.

– Я постараюсь съехать до конца следующей недели. – Эти слова вырываются из меня прежде, чем я осознаю их. Одно понимаю, что не могу находиться в этом доме, где все пропитано болью, страхом и ложью.

Как я вообще мог решить, что тут уютно? Где я здесь увидел уют.

– Я...

– Не надо. Я не тупой. Я все понимаю. Но знаешь что... Мне тебя не жаль. Если принимаешь решения, то надо научиться отпускать. Если любишь, то Надо уметь желать счастья этому человеку, а не запираить в клетке, в надежде что будет как раньше. Боже. Это какой-то бред, кошмар на яву. Как она вообще тут живёт?

Я не хочу больше говорить с ним. Слушать его нытье. Смотреть, как он медленно горит. Это вымораживает.

Я ухожу и в ответ не летит ни слова. Тихий вечер. В доме тишина.

Вернулась Лена. Крики. Видимо увидела побои Серегинны. Лежу и усмехаюсь, она ещё меня не видела. Ленку жалко. Интересно она осознает в каком аду живёт, ещё и беременная. Мда, ситуация... Санта Барбара отдыхает.

Сон приносит утешение.

Утро встречает головной болью. Лицо саднит. Твою ж мать! Хорошо, что сегодня воскресенье. Решаю уехать к Ле-

хе. Надо как-то отвлечься. Пишу Женьке в Вацап сообщение с вопросом, о ее состоянии. Ответа так и не приходит. На кухне Лена, пьет чай. При виде моего опухшего лица у нее отваливается челюсть.

– Красавчик, да? – ухмыляюсь я.

Она молча кивает. Отходя от шока.

– Где Серёга?

– Уехал к деду. – она приходит в себя. – А не хило он тебя отделал.

– Угу. – наливаю себе кофе.

– Что он тебе рассказал? – Спрашиваю я Светку.

– Что ты подкатил к мелкой, а он поставил тебя на место.

Ещё сказал, что ты хочешь съехать. Это правда?

– А, это называется поставил на место. Понятно, буду знать. – хмыкаю я. – Да, он моё соседство терпеть вряд-ли будет.

– Все образуется. Не кипятись. – он отходчивый.

Лен! Если бы ты знала! Ты сама бежала бы из этого дома бегом! Только пятки сверкали бы. Но я молчу.

– Я до друга. Приеду только завтра, после института.

– Хорошо. Аккуратнее на дороге, сколько сегодня.

Я киваю, иду одеваться. Пара минут и я машине.

День пролетает быстро. У Лехи как всегда шумно, толпы баб, накурено, всюду бухло. Мда... Не этого я хотел. Но напиться было нужно. Одни сплошные эмоциональные качели. Весь вечер сальные шутки про мой фейс, но Лехе надо от-

дать должное. Он не лезет в душу, позволяя нажраться.

Как и уснул, не помню. В институт я не попал. Утром лопило голову, да и лицо мое оставляло желать лучшего. Потом придется нагонять.

Вечером я у Орловых. Дома мёртвая тишина. На кухне тихая потерянная Ленка.

– Что случилось? – меня пугает ее внешний вид.

– Мелкая ушла из дома. – Как то тихо шепчет она, словно не понимает о чем речь.

– В смысле? – волосы на затылке встают дыбом, липкий страх ползет по телу.

– Она пришла в обед, собрала вещи и сказала, что будет жить одна. Сняла квартиру. Попросила дойти с ней до опеки на этой неделе и больше не хочет с нами жить. – Ее потерянный вид, сковывал меня как лёд.

– Куда? – мне нужен адрес.

Она мотает головой: – Она не сказала.

Пальцы теребят край скатерти.

– Егор, что здесь произошло? Скажи, пожалуйста. Меня не было дома всего 12 часов, а тут разбитые лица, собранные чемоданы и полный хаос. Я ничего не понимаю.

И лучше не понимать. Лучше тебе не знать.

– Мы с мелкой сильно сблизились. Серёга нас не так понял, мы подрались. Женька вспылила, сбежала из дома, я ее нашел и отвёз к Светке. А дальше ты знаешь. – И ведь даже не соврал. Умолчал многое, но не соврал.

Она качает головой, обхватывает себя руками. Вся сжимается.

– Что теперь будет? Как ему сказать? – Ленка шмыгает носом.

Нет! Снова слёзы. Я так больше не могу. Не надо! Ещё твоих слёз мне не хватает! Подхожу, обнимаю ее.

Тихие всхлипы нарушают тишину кухни. Усталость наваливается на меня новой силой.

Ленка судорожно вздыхает. Отстраняется от меня.

– Спасибо. Извини, я совсем расклеилась.

– Я все понимаю. Все хорошо, не переживай. Давай чаю налью!

Она кивает. Беру ее кружку, наливаю кипяток, из заварника зелёный чай. Ставлю перед не кружку. Наливаю чай себе.

– Ты же все знаешь? – уставший взгляд зареванных глаз.

– Ты о чем? – Смотрю на нее удивлённо.

– Что они любят друг друга. Ты знаешь! – это звучит как гром среди ясного неба.

– Как ты? Откуда? – я хватаюсь за край стола, чтобы не рухнуть со стула на пол.

– То, что она его любит, не знает наверное только он сам. Потому, что любовь слепит. Женька его любит, сколько себя знает. А он... наверное ещё дольше. Я давно знаю.

– Как ты живёшь?.. – я больше не могу ничего из себя выдавить.

– Это я... Я им не дала быть вместе. Ты знаешь, я ненавижу свою сестру, настолько, насколько это вообще возможно. – Это сейчас правда происходит? Я сейчас все это слышу своими ушами? – С ней всегда все носились, как с писанной торбой. Отец, мать, Орловы, Серёга – она же как свет в оконце. Ей всегда доставалось все просто и легко. Ее легко любить, ее нельзя не любить. И это в ней бесит больше всего. – Она сметется, но в этом смехе столько боли.

– В тот вечер, я специально с ним переспала. И встречаться с ним стала Ей назло. Чтобы он был единственным, чего она никогда не получит. Я его даже не любила, и сейчас не знаю, люблю или нет. – Она устало проводит по лицу руками. – И ребенок этот, только потому, что я боюсь. Что он бросит меня и я останусь одна. Они вместе, а я одна. Я не хочу быть, как Женька, на отшибе. Только не я.

Она тихо встаёт со стула и уходит в свою комнату. Не оборачиваясь. словно говорила со стеной.

Я осознаю, что в этом доме нет тех, кто не виноват. Все виноваты и даже я, что разворошил этот пчелиный улей. Поднимаю глаза к потолку, надо уезжать. Сегодня, сейчас, не ждать до конца недели. Дома спокойнее.

Этому дому нужна тишина.

Месяц спустя.

Я думал, что Женька меня выкинула из своей жизни. Просто выкинула, как нелепую ошибку, пьяную не нужную ошибку.

Я пытался ей дозвониться. Она не брала трубку. Писал, но она даже не читала мои сообщения в мессенджерах и соц.сетях. Я ездил к ее колледжу, каждый день, две недели подряд, но так и не смог ее выловить. Я ездил к Светке, но она не стала говорить мне о том, где она и как ее найти. Просто сказала: «Дайте ей время. Все вы, просто дайте себя собрать по кусочкам. Она разваливается».

И я стал ждать. Никогда не думал, что ждать может быть так больно.

За этот месяц многое произошло. Я вернулся к родителям. Вернее не так, мы поговорили с отцом и он позволил жить в одной из квартир в городе, с условием, что я сам буду оплачивать коммуналку и себя обеспечивать. С этим не возникало никаких проблем.

Ещё с отцом решили, что я буду потихоньку вникать в дела компании. Как выяснилось, это довольно интересно и я начал втягиваться. По учебе все было гладко.

К Орловым я больше не ездил. Перед отъездом я попросил у обоих прощения за все причинённые неудобства, за драку, за скандал. Светка всплакнула. Серёга просто пожелал удачи. Он был убит новостью, что мелкая ушла из дома.

Он пытался до нее дозвониться, ездил к Свете... Но все безрезультатно. Ходил по дому, как зомби, а потом закрылся в ее комнате и не выходил. Светка ревела на кухне.

Наверное, они были рады что я наконец съехал. А я был рад ещё больше. Находится там было пыткой.

Тогда, по дороге к родителям я думал о том, как бы все было, если бы я вообще не приезжал туда жить. Узнала бы мелкая о том, что Серега ее давно любит? Продолжала бы жить с ними, или отдельная жизнь была лишь вопросом времени? Неужели весь этот клубок боли так и продолжал бы наматываться?

Одно знаю, что жизнь в этом доме перевернула моё восприятие к жизни. Обернувшись назад, глядя на эти три неполных месяца, я видел себя – эгоистичного ребенка... Ребенка, который считал себя пупом земли, не способным понять ценность семьи, веса денег, груза ответственности. Одна маленькая девочка перевернула мой внутренний мир вверх ногами и тихо из него исчезла.

Не спеша шел к машине. Пары закончились поздно. Хотелось есть и спать. Долго не мог найти ключи от машины, а когда поднял взгляд, увидел...

Серёга. Ждёт меня.

– Привет. Ты чего тут? Хоть позвонил бы, я бы раньше вышел.

– Привет. Да, нормально все. Заодно воздухом подышал. – Лёгкое рукопожатие.

А он похудел и как-то потемнел. Щетина, которая того и гляди перерастет в бороду.

– Как дела? – Дежурная фраза.

– Потихоньку. – Мой дежурный ответ. – Ты чего хотел?

– Ты знаешь где она? – В голосе надежда. – Я был в кол-

ледже. Мне сказали, что она там не появляется. Она даже из пекарни ушла. Лена молчит как партизан, сказала что ходила с ней в опеку, но на этом их общение свелось к нулю. Мне нужно знать, что у нее всё в порядке. – Он смотрел на меня с такой мольбой, что меня слегка затошнило.

– Нет. Не знаю, сам хотел бы знать. – Я поднимаю глаза к небу. Серые тучи скоро принесут новый снегопад.

– Мне не надо было тогда лезть между вами. Тогда бы она осталась дома. – Он трёт глаза рукой и тяжело вздыхает.

Меня взяла злость. Он настолько заиклен на себе и своих чувствах, что даже не осознает, что это происшествие только ускорило исход, к которому Женька готовилась давно.

– Серёг, ты реально идиот или просто прикидываешься? – Он вздергивает голову и с непониманием смотрит на меня. – Ты думаешь только из-за той драки? Только из-за этого? Придурок, тебе весь дом хором орал, все мы. Что ты её душишь. Своей опекой, заботой, любовью.

– Но я...

– Бля! Что я? Головка от часов Заря.

Я понял, что не надо его жалеть. Он должен понимать не только причины, но и осознать последствия. И его никто не ткнет в дерьмо лицом, кроме меня. Ему нужна шоковая терапия, как мне когда то устроила Женька разнос...

– Ты знаешь что она тебя любит, любит всю свою жизнь! Не как брата, отца или друга. Всю свою жизнь ты был для нее целым миром. Только слепой не заметил бы! Но вместо того,

чтобы замечать, ты предпочел зарыться в свою жалость! – Он смотрел, и в глазах плескалась боль. А меня тошнило от этого человека. – Ты предпочел сделать несчастными всех вокруг. Себя, мелкую и Ленку. Ты хоть раз думал о Лене, не как о спасательном круге, а как живом человеке? Что ей тоже нужна забота и твоя любовь! Ты хоть раз думал о Женьке, не как о маленьком ребенке, которого запятали твои извращённые мысли, а как о человеке, который тебя любит. Блять, любим любит! Ты настолько тупой, что не видишь, что она была готова тебе простить все, чтобы только быть с тобой. Но ты сам не дал ей ни единого шанса!

Меня трясло. Как я хотел взять его за шкуру и трясти, долго, пока не выйдет вся жалость к себе.

– Она мечтала свалить из этого дома. Она деньги копила, чтобы уехать и начать жить без тебя. Чтобы вам с Леной не мешать своей любовью. Не видеть вас двоих вместе. Не реветь на лестнице по ночам, слушая, как ты трахаешь ее сестру. Не видеть как растет живот и вашу «недоидилию». А знаешь, что стало последней каплей?

Я уже видел, как он начал гореть от агонии внутри, постепенно осознавая все то, что я на него вывалил. Но этого мало. Нужен контрольный в голову.

– Она слышала. – Я говорю это очень тихо. Но только для того, чтобы он ещё сильнее понял всю суть сказанного. – Она вернулась в тот день, чтобы посмотреть, не поубивали ли мы с тобой друг друга. И слышала твою исповедь. Всю до еди-

ного слова.

Да! Вот таким я и хотел тебя увидеть. Раздавленным. Раззучившимся дышать. Именно таким! Может хоть так до тебя дойдёт, что не только тебе может быть больно.

Мне хватило этого сполна. Я не стал слушать, что он сейчас скажет. Просто сел в машину. Завел и уехал, оставив его собирать осколки того, что он сам так упорно разваливал своими руками.

Уехал я недалеко. Руки тряслись. Удовлетворение сменилось печалью. И даже стыдом. А имел ли я вообще право? Право на все это? Я же сам, сам везде лез. Что, идиот? Интересно было ковырять чужие болячки? И сейчас ты просто взял и вылил грязь, которую сам столько собирал, что бы не тащить этот груз ответственности на себе.

Пришло бы время, Женька все равно съехала бы. Научилась жить без него. Он смирился бы. Родился бы ребенок. Жизнь сама бы расставила все по своим местам.

Твою мать. Я сидел в машине. И не знал, как мне быть дальше. И я ещё чего-то ждал от мелкой? Хотел отношений с ней. Сколько бы времени прошло, когда она поняла бы, что я не Он?

Женька.

Прошел месяц, как я уехала оттуда. Раньше мне казалось, что я буду умирать без него. Что мне будет так больно, что я не смогу дышать... Наверное, это боль, вся боль, которая копилась во мне все эти годы, помогла справиться с тишиной.

Ведь мне так нужна была эта тишина, чтобы боль плескалась из меня наружу.

Я могла плакать, когда хочу, как хочу, где хочу. Мне не нужно было контролировать свое поведение, анализировать твои поступки. Я уходила из тихого дома и приходила в тихий дом. Не было Ленки, с ее обвиняющим взглядом. Не было тотального контроля и удушающей опеки Сереги.

Только после того, как я услышала, все то, что он рассказывал Егору, я смогла наконец сложить дважды два. Все его поступки были обоснованы тем, что он меня любил. Всю свою и мою жизнь. И самое страшное, что это не сделало меня счастливее. А наоборот, принесло в мой мир разруху.

Столько боли вокруг наплодила эта любовь. Столько лжи. Страха.

Даже если на минуту представить, что он выберет теперь меня, а не ее... Я смогу так жить? Зная, что он бросил Лену с ребенком ради меня. Я смогу смотреть в глаза этому ребенку потом, а он сможет? Она сможет меня дальше называть своей сестрой?

Лена и Сережа – мои единственные родные люди. И эта любовь теперь только в тягость. И моя и его.

Уехать – единственное правильное решение. Хотя я его и давно приняла, но совершенно к этому не была готовой. Спасибо Светке. Мой светлый лучик в царстве хаоса. Помогла перевести скудные пожитки в квартиру на окраине города. Помогла купить все необходимое. Была рядом первые

несколько дней.

Я попросила ее никому не говорить, где я живу. Настанет время, когда я сама смогу с ними поговорить.

В колледже я сдала накануне много всего экстерном. Договорилась с преподавателями, что не буду посещать занятия, по которым стоит зачёт. Часть предметов сдавала удаленно. Благо сейчас для этого есть все условия. С пекарни уволилась. Конечно жаль, ко всем привыкла, но я знала, что по-другому никак.

В компании, в которой я работала по наполнению сайтов, мне выбили оклад и дали внести несколько крупных проектов. И вопрос со второй подработкой закрылся сам по себе. Я переживала, что денег не будет хватать, но мне одной надо совсем немного.

Мой мир потихоньку вставал на свои места. Со скрипом и хрустом, но все приходило в норму. Я стала нормально спать, появился аппетит. Перестала идти кровь из носа. Со Леной съездили в опеку, утрясли документы. И больше я с ней не общалась. По идее, они все ещё мои опекуны, пока я учусь. Но пристальное внимание с нас снялось. Было только одно, что нужно решить. Егор.

Это тянуло за душу больше всего. Он сказал, что любит меня. Ещё одна любовь, которая тяготит.

Я не хочу больше любить и не хочу, чтобы любили меня. Я знаю, что это звучит смешно и глупо, что придет время и я захочу любить вновь. Но не сейчас... Мне нужен покой.

Покой, чтобы привести мысли и мою жизнь в порядок. Поэтому нужен разговор.

– Привет. – Хриплый голос в трубке телефона. – Так рад услышать твой голос.

– Я тоже. – И это даже не ложь. Я действительно по нему скучала. Друг из него получался замечательный. – Ты вечером что делаешь? Нам надо увидаться.

– Ничего. Я Свободен. – Радость в голосе вызвала улыбку. – Где встретимся?

– Приходи ко мне. Адрес скину в Вацап. Часам к 6. Нормально?

– Отлично. Конечно.

– Тогда до вечера.

– Да, до вечера. Пока.

Сбрасываю разговор.

Изначально, хотела встретиться на нейтральной территории. Но потом подумала, что он должен увидеть, что у меня все хорошо. Что я живу, в нормальном районе, в спокойном доме и квартира у меня не плохая. Почему так? Наверное потому, что я знаю, что значит любить.

Ведь так важно, знать, что у близкого тебе человека все хорошо.

Вздыхаю. Включаю музыку на телефоне. Надо убратсья и приготовить поесть. Из динамиков начинает орать песня. Все как я люблю, домашние дела и музыка.

Кто-то из нас двоииих

Точно сошёл с ума,

Осталось лишь определить

Весь мир иииилиии яяя...

Не в шесть, а раньше. Видимо не усидел. Звонок в дверь.

И почему так страшно? Стою у двери и боюсь открыть.

Фух... так надо, надо соберись тряпка.

Щелчок, поворот ручки и на пороге Егор. Как всегда. Высокий, наверное красивый. На лице лёгкое беспокойство, взглядывается в меня. Лёгкая улыбка.

– Привет. – Хором.

– Заходи.

Входит и сгребает меня в охапку

– Прости. – Шепчет в ухо. – Я очень скучал. Можно мы вот так постоим немного. Я ничего не сделаю, только дай вот так постоять с тобой.

Киваю, обнимаю его в ответ. Столько раз он меня обнимал и успокаивал. Такой знакомый запах окутывает меня. Понимаю, что по щекам катятся слезы. Гремнины. Мать их... Шмыгаю носом.

Он хохочет.

– Если будешь реветь, твою моську разнесет. – Отпускает меня и вытирает мне ладонями лицо. – Я очень рад тебя увидеть.

– И я. – Улыбаюсь ему. – Проходи.

Пока он раздевается, ставлю чайник. Достая кружки, чай.

Он входит на кухню. Кухонька тут и так маленькая, а он

своим появлением сделал ее ещё меньше.

– Садись. Не стой, а то ты такой высокий, что у меня шею ломит.

Он смеётся и садится на стул.

– Как твои дела? – спрашиваю я.

– Ты серьёзно? Ты пропала на месяц и спрашиваешь как у меня дела? – он выгибает бровь.

– Прости. Я не могла. Не смогла бы с тобой нормально поговорить. Во мне было столько эмоций и боли, что я причинила бы и тебе её много. Мне надо было все взвесить и принять правильные решения.

– Только не говори что ты... – Главное не дать ему договорить.

– Дай мне сказать. Не перебивай. Иначе вся моя заготовленная речь коту под хвост. А я ее месяц сочиняла. – Егор сметётся, но смех грустный.

– Во-первых, мне очень стыдно за ту ночь. – Попытка Егора остановить мои излияния. Выставляю ладонь вперёд. – Нет, молчи! Мне правда стыдно, и я знаю, что ты останавливал меня. Ты, прав, пусть это не будет ошибкой. Мне было очень хорошо. Но всё это произошло не во время. Не тогда, когда нужно. Во мне только Серёга, весь мой мир наполнен им. И ты не должен быть ошибкой. Ты не должен быть заменой. Это не правильно. Мне было нужно и будет нужно время. Я хочу научиться жить без него. Хочу вылечить себя от этой любви, чтобы быть готовой к новым отношениям. –

Печаль в его глазах. Понимание. – Сейчас я не готова. Я рассталась с Мишей. И не ты, и не Серёга в этом не причина. Так вышло. Но мне нужна тишина. Нужна я сама себе. Я не принадлежала сама себе, а сейчас хочу.

Он кивает. Такой грустный.

– Я все понимаю. – Хриплый голос, ему больно. Но так надо. Надо мне и ему. Он поймет потом

– Спасибо. – Мне есть ещё кое-что сказать. – Во-вторых, прости за то, что пропала. И тут та же причина, что и во-первых. – Его тихий смех. На плите закипает чайник. Выключаю и завариваю чай. – Я очень тяжело схожусь с людьми. Это из-за того, что родители умерли, и страх потерять близкого человека не даёт сблизиться ни с кем. А ещё страшнее потерять близкого человека, пока он жив. Ты мне очень дорог. Ты подарил столько тепла, что было бы не правильно потерять тебя из-за моей тупости. – Твою мать... Я опять реву.

Он встаёт и Обнимает меня снова. Целует в макушку, как делал Серёга. Гладит мои волосы.

– Ты такая глупая. Очень глупая. Мне все рассказала Светка. Она сказала, что тебе нужно время. Ты же всё таки позвонила. – Его спокойный голос приводит мой мир в порядок. – Я же говорил, что я не буду давить и ничего не прошу у тебя. Ты мне очень нужна. Не как друг, но я и другом готов быть, если так надо. Слышишь? Моя любовь другая. Я не буду душить.

Он отпускает меня, наклоняется и смотрит в глаза.

– Слышишь меня? Гремлин. – тихий смех.

Легко бью его по плечу. Киваю.

– Посмейся ещё надо мной. – Иду к раковине, смываю слезы холодной водой.

Вечер проходит тихо. Мы попили чаю. Поболтали. Посмотрели фильм. И Егор поехал домой. Ещё один кусочек моего хаоса встал на место.

Я только успела сполоснуть чашки, как услышала звонок в дверь. Егор что-то забыл? Открываю двери.

– Что-то забы... – И не успеваю произнести фразу. Руки отпускают, ручку двери. Зачем он пришёл?

Не знаю какие эмоции я в этот момент испытывала, тут было все. Страх, радость, тоска, паника, боль, испуг, замешательство. Хотелось сделать несколько вещей сразу – захлопнуть перед ним дверь, сбежать, заплакать (хотя слезы уже текли по щекам), обнять и не отпускать.

– Привет. – Такой родной тихий голос. – Мы можем поговорить?

– Как ты тут оказался? – Единственное что смогла спросить.

– Я следил за Егором несколько дней. Я даже не знал, что это твоя квартира. Просто шел туда, куда ходил он. Я могу войти?

Отступаю назад на пару шагов, пропускаю его в квартиру, в нос ударяет до боли знакомый одеколон. Серёга так похудел, и отрастил бороду. Ужас какой! Стал как будто старше

лет на 15.

Мы не виделись с того самого дня. Сейчас стоя рядом с ним, ощущается столько неловкости и напряжения, что хочется вытолкнуть его за дверь и не впускать.

Все 18 лет, мой мир вращался вокруг этого человека. А теперь сменились полюса и орбиты. И это дестабилизировало.

Шагаю на кухню, зову за собой. Снова ставлю чайник, те же кружки.

А он подходит и обнимает меня сзади. Тысяча иголок пронзают кожу, волосы на затылке встают дыбом от его дыхания в моих волосах. По телу несётся табун мурашек.

– Я так скучаю. Так скучаю. Это пытка... прости, я не знаю как мне... как я... Не знаю. Прости. – Он плачет. И я плачу вместе с ним.

Последний и единственный раз я видела, как он плачет – на похоронах родителей. Сжимаю его локоть, убираю его руки. Но только для того, чтобы повернуться и крепко обнять.

Как объяснить? Этот человек был со мной каждый день. Он учил меня ходить, ездить на велосипеде, учил читать, делал со мной уроки, плел мне косы, он всегда был рядом. И в самые страшные минуты моей жизни я знала, что могу на него положиться. Как разорвать эту болезненную связь и начать обоим жить нормальной жизнью? Мне так его не хватало, обнимая его, я понимала, как скучала все это время.

Такой родной запах, такое родное тепло, такие любимые

руки. Почему нельзя все бросить и уехать? Далеко, вместе в другой город, в другой мир, где нет этой боли, Лены, беременности и всего того, что произошло. Почему нельзя просто быть вместе и любить? Быть рядом так, как было всегда! Почему всё должно быть так сложно?

– Я тебя люблю. – Я так давно хотела это сказать. И наконец понимаю, что это те слова, которые были нужны не ему, а мне, чтобы я смогла начать новую жизнь. Оставить это все в прошлом. Поднимаю глаза, обнимаю его лицо и целую.

Он теряется, замирает. Я едва касаюсь его губ, сначала осторожно, потом смелее и чувствую отклик. Все именно так как я представляла. И даже больше.

Мир замирает, есть только мы. Не я и он, а мы.

Его теплые губы, сильные руки, его запах. Не упал метеорит, не рухнула Пизанская башня, не наступил конец света. Но мой маленький мир, мои стены из молчания, сдерживания просто рухнули. И я поняла, что не только мои.

В этом поцелуе было столько эмоций, желания, боли, столько долгих гребанных лет... Столько лет мы этого хотели. Меня смывало... я перестала понимать, где я, кто я. Были только мы. И это было так правильно, так логично.

А потом пришла пустота, она тихо заняла все мои внутренности. Заполнила то, что раньше было занято болью. Заполнила и наступила тишина.

Я мягко оттолкнула его и прошептала: – Я не могу. Прости.

Он отошел от меня на пару шагов и кивнул. А я смотрела в его глаза и видела отражение всего того, что сейчас чувствовала сама.

– Я тоже тебя люблю. Прости. – он подошёл, провел по моим мокрым от слёз щекам ладонями и тихо ушёл.

Захлопнулась дверь. В квартире было так же пусто, как и во мне. А я стояла на кухне и не могла пошевелиться. Губы горели, но было так холодно, словно он забрал все тепло с собой. И снова я реву. Гремнины. Мать их...

И ещё одна, самая важная частичка моего хаоса нашла себе место на отдельной полочке. Только как мне теперь найти свое? Я не знала.

Егор

Три года спустя.

Не бывает: «И жили они долго и счастливо!». Потому что на этом не заканчивается ничего. Будет, сегодня, завтра, после завтра. Будет радость, потери, встречи, любовь предательство. Будет жизнь.

Сегодня день рождения моего двоюродного племянника Евгения Сергеевича. Ему исполнилось 3 года.

Большой торт, куча гостей, детский смех. Дом Орловых кипел радостью. Дети бегали из комнаты в комнату.

– Ураа, тетя Женя приехала. – Мелкий запрыгал от радости и бросился я на шею Женьки. Она засветилась от счастья, на лице такая живая и счастливая улыбка.

– А у меня для тебя подарок. – Женька затащила в дом огромную картонную коробку, подозреваю что она от стиральной машины. И позволила племяннику ее открыть.

Вверх устремилаась куча разноцветных воздушных шаров. Мелкий завизжал от восторга, заглянул внутрь и замер.

– Это мне? – в глазах столько счастья, что его просто рвало на части.

– Папа, мама, тетя Женя подарила мне Ваську! Живого Ваську! – малыш обнял Женю, она достала ему из коробки маленького черно-белого котенка.

– Только обещай, что не будешь его обижать, будешь заботиться о нем! – Мальчишка кивал каждому слову девушки, такие же серо-зеленые глаза, как у нее, смотрели с любовью на котенка. – И ещё, он сейчас очень напуган, его принесли в темной коробке, со страшными шариками, и вокруг чужие люди. Ты о нем позаботишься?

Мелкий слёз с Женькиных коленей, осторожно обнял котенка и потопал в свою комнату. Ленка с Серёгой с любовью смотрели на сына.

Потом начались обнимашки, стандартные вопросы о том как дела, поздравления с днём рождения сына. И вот наконец она попала в мои объятия.

– Привет. – Счастливая улыбка. Ее родной запах.

– Привет, гремлиин. – и получаю удар в бок. Ее смех. – Как ты?

– Ну, так себе. – Женька смешно морщит нос. – На работе

завалы, и гастрит.

– Оу. Добро пожаловать во взрослую жизнь, детка.

Мы с мелкой видимся раз в полгода. У меня куча дел, у нее работа, у каждого своя жизнь. А несколько месяцев назад она уехала на стажировку в другой город и вернулась совсем недавно. Мы давно не общались, только изредка по телефону или в переписке.

Она очень изменилась. Отрастила волосы, чуть-чуть поправилась, ей только в пользу пошло. Ушла подростковая угловатость. Стала ещё красивее.

– Я скучал.

– И я.

Застолье сошло на нет. Гости разъехались. Мы помогли Орловым убрать дом, после разрушительного детского праздника. Мелкая почитала племянники книгу, которая видимо шла в довесок к котенку. Попили чаю и тоже собрались уезжать.

– Жень, заезжай почаще. Мы все скучаем. – Ленка обняла мелкую и очень тихо прошептала на ухо. – Я тебя люблю. – Если бы я не стоял рядом, не услышал бы.

– Я тоже. – Она с улыбкой стиснула сестру в объятиях.

Потом они обнялись с Серёгой. – Мы правда очень скучаем.

Ленка обняла меня, пожатие рук моих и Сергея. И вот мы идём к моей машине.

– Я так рада, что все наладилось, что Серёга смог все пе-

пераста, и они стали нормальной семьёй. Так рада, что они счастливы. И наконец любят друг друга.

– А у тебя все наладилось? Ты счастлива? – Мы никогда не затрагивали эту тему, с тех самых дней. Столько лет прошло, а я ее до сих пор люблю. И хочу видеть, что она счастлива.

– Да. – В ее голосе не слышалось фальши и обиды. – Теперь есть я и огромный мир вокруг. А еще ты и кофе, много кофе где-то там. И мы поедем его пить.

– Ну, как тебе отказать?

– А мне на надо отказывать. – Звонкий смех. Она берет меня за руку и тащит в машину. И мы едем пить кофе.